

ISSN 1994-9960

2021

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Серия **ЭКОНОМИКА**

Том 16. № 2

Vol. 16. No. 2

PERM UNIVERSITY HERALD.
ECONOMY

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
PERM STATE UNIVERSITY

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по отрасли науки 08.00.00 Экономические науки и научным специальностям 08.00.01 Экономическая теория; 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; Региональная экономика); 08.00.12 Бухгалтерский учет, статистика; 08.00.13 Математические и инструментальные методы экономики

Научный рецензируемый журнал «Вестник Пермского университета. Серия «Экономика» = Perm University Herald. ECONOMY» издается экономическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета.

Тематика статей журнала отражает научные достижения российских и зарубежных ученых в области актуального экономического знания. В публикуемых материалах освещаются теоретические и практические проблемы методологии и методики в области экономики и управления народным хозяйством, математических и инструментальных методов экономики, бухгалтерского учета, аудита и экономического анализа. Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, представителей общественности, бизнеса и государственных служащих всех уровней власти.

Подробные сведения о журнале, его редакционная политика и условия публикации размещены на интернет-сайте Вестника: <http://economics.psu.ru/>

Изданию включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), Директорию журналов открытого доступа (DOAJ); Электронно-библиотечную систему ЭБС IPRbooks, Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка», Национальный цифровой ресурс Руконт, Электронно-библиотечную систему Издательства «Лань», EBSCO Publishing, Базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свид. о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-66483 от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия «Экономика» = Perm University Herald. ECONOMY» в каталогах «Пресса России» 41030

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, ПГНИУ, Экономический факультет.
E-mail: vestnik.economy@econ.psu.ru и vestnik.psu.economy@gmail.com
Web-site: <http://economics.psu.ru/>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миролюбова Т.В., докт. экон. наук, проф., зав. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Базуева Е.В., докт. экон. наук, доц., проф. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Домошницкий А.И., канд. физ.-мат. наук, проф., зав. каф. математики, декан факультета естественных наук, Арзельский Университет, Арзель, Израиль

Донован П., PhD in Management, проф. Школы бизнеса, Национальный университет Ирландии, Майнот, Ирландия

Крисан-Митра К.С., PhD in Management, доцент кафедры менеджмента, Университет Бабеш-Бойяи, Клуж-Напока, Румыния

Маттея Р.И., PhD in Physics, проф., Университет Палермо, Палермо, Италия

Нистор Р.Л., PhD in Reliability, директор департамента «Менеджмент», Университет Бабеш-Бойяи, Клуж-Напока, Румыния

Пагано Р., PhD in Management, ведущий преподаватель Школы бизнеса, Манчестерский университет «Метрополитен», Манчестер, Великобритания

Рейс Меркадо П., PhD in Managerial Sciences, проф. факультета экономики и бизнеса, Университет Анауак, Мехико, Мексика

Деминев В.Е., докт. экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, руководитель научного направления, ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН», Москва, Россия

Клейнер Г.Б., докт. экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, зам. научного руководителя, ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН», Москва, Россия

Ключков В.В., докт. экон. наук, канд. техн. наук, директор департамента стратегии и методологии управления созданием научно-технического задела, ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Институт им. Н.Е. Жуковского», Жуковский, Россия

Кузнецов Ю.А., докт. физ.-мат. наук, проф., зав. каф. математического моделирования экономических процессов, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия

Нижегородцев Р.М., докт. экон. наук, зав. лабораторией, ФГБУН «Институт проблем управления РАН им. В.А. Трапезникова», Москва, Россия

Панкова С.В., докт. экон. наук, декан финансово-экономического факультета, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия

Попов Е.В., докт. экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, директор Центра социально-экономических исследований Уральского института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия

Поспелов И.Г., докт. физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. отделом «Математическое моделирование экономических систем», ФГУ «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН», Москва, Россия

Сухарев О.С., докт. экон. наук, проф., главный научный сотрудник, ФГБУН «Институт экономики РАН», Москва, Россия

Шерешева М.Ю., докт. экон. наук, проф. каф. прикладной институциональной экономики, зав. лабораторией институционального анализа, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бабев Б.Д., докт. экон. наук, проф., проф. Межвузовского центра гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Иваново, Россия

Городилов М.А., докт. экон. наук, доц., декан экономического факультета, зав. каф. учета, аудита и экономического анализа, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Ермолаев М.Б., докт. экон. наук, проф., проф. каф. экономики и финансов Института управления, финансов и информационных систем, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», Иваново, Россия

Латыгин Ю.Н., докт. экон. наук, проф., проф. каф. менеджмента, Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Владимир, Россия

Летчиков А.В., докт. физ.-мат. наук, проф., проф. каф. управления социально-экономическими системами Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия

Максимов В.П., докт. физ.-мат. наук, проф., проф. каф. информационных систем и математических методов в экономике, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Мизрищ Л.А., докт. экон. наук, проф., зав. каф. национальной экономики, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Санкт-Петербург, Россия

Орлова Е.Р., докт. экон. наук, проф., зав. отделом «Информационные технологии оценки эффективности инвестиций», ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия

Петренко С.Н., докт. экон. наук, проф., зав. каф. бухгалтерского учета, ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского», Донецк, Украина

Третьякова Е.А., докт. экон. наук, проф., проф. каф. охраны окружающей среды, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия

Трофимов О.В., докт. экон. наук, проф., директор Центра инновационного развития медицинского приборостроения; зав. каф. «Экономика предприятий и организаций», ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия

Тургель И.Д., докт. экон. наук, проф., зам. директора Школы экономики и менеджмента, зав. каф. теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Института экономики и управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия

Шенукова Т.Г., докт. экон. наук, проф., проф. каф. учета, аудита и экономического анализа, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

Ковалева Т.Ю., канд. экон. наук, доц., доц. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия (ответственный редактор)

Founder: Perm State University

The periodical is included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals, where the results of scientific research required for getting the scientific degrees of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences on the branch of science 08.00.00 Economic Sciences and scientific specialties 08.00.01 Economic theory; 08.00.05 Economy and National Economy Management (Economics, organization and management of enterprises, branches, complexes; Regional economy); 08.00.12 Accounting, Statistics; 08.00.13 Mathematical and Instrumental methods of Economics must be published

The scientific journal "Perm University Herald. ECONOMY" has been published by the Faculty of Economics of the Perm State University.

The subject area of articles published in the "Perm University Herald. ECONOMY" series demonstrates achievements of Russian and foreign scholars in the sphere of today's economic knowledge. Theoretical and practical issues of methodology and methods in economics and management of the national economy, mathematical and instrumental methods of economics, accounting, auditing and economic analysis are covered. Publication is intended for researchers, teachers, graduate students, members of the public, business and government officials at all levels.

Detailed information about the journal, its editorial policy and requirements for publication are provided at the website of "Perm University Herald. ECONOMY": <http://economics.psu.ru/>

The periodical is included in the national information-analytic system "Russian Science Citation Index" (RSCI), Directory of Open Access Journals, Electronic library system IPRbooks, Scientific electronic library "CyberLeninka", National digital resource Rucont, Electronic library system of the publishing house "Lan", University library online, EBSCO Publishing, database of Ulrich's Periodicals Directory.

The periodical was registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate PI № FS77-66483 dd. July 14, 2016.

Subscription code for the «Perm University Herald. «ECONOMY» in catalogues of «The Press of Russia» is 41030

The founder, publisher address: 15, Bukireva st., Perm, Perm region, 614990, Russian Federation.

Editorial board address: 15, Bukireva st., Perm, Perm region, 614990, Russian Federation, Perm State University, Faculty of Economics.

E-mail: vestnik.economy@econ.psu.ru and vestnik.psu.economy@gmail.com

Web-site: <http://economics.psu.ru/>

© Perm State University, 2021

CHIEF EDITOR

Mirolyubova T.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University, Perm, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITOR

Bazueva E.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University, Perm, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Domoshnitsky A.I., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of Mathematics Department, Dean of Natural Sciences Faculty, Ariel University, Ariel, Israel

Donovan P., PhD in Management, Senior Lecturer of the Business School, National University of Ireland, Maynooth, Ireland

Crisan-Mitra C.S., PhD in Management, Associate Professor at the Department of Management, Babeş-Bolyai University, Cluj-Napoca, Romania

Mantegna R.N., PhD in Physics, Professor, University of Palermo, Palermo, Italy

Nistor R.L., PhD in Reliability, Director at the Department of Management, Babeş-Bolyai University, Cluj-Napoca, Romania

Pagano R., PhD in Management, Principal Lecturer of the Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

Reyes Mercado P., PhD in Managerial Sciences, Full professor of the Faculty of Economics and Business, Anahuac University, Mexico, Mexico

Dement'ov V.E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Scientific Department, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kleiner G.B., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Director, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Klochov V.V., Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Director of the Department of Strategy and Methodology of Management of Scientific and Technical Start, National Research Center "Zhukovsky Institute", Zhukovsky, Russian Federation

Kuznetsov Yu.A., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Department of Mathematical Modeling of Economic Processes, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation

Nizhegorotsev R.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Laboratory, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Pankova S.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Finance and Economics, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

Popov E.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director at the Center of Social and Economic Research, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Ekaterinburg, Russian Federation

Pospelov I.G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Mathematical Modelling of Economic Systems, Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sukharev O.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sheresheva M.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Applied Institutional Economics, Head of the Laboratory of Institutional Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL STAFF

Babaev B.D., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at Inter-University Center of Humanitarian Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Gorodilov M.A., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics, Head of the Department of Accounting, Auditing and Economic Analysis, Perm State University, Perm, Russian Federation

Ermolaev M.B., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Economy and Finances of the Institute of Management, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation

Lapugin Yu.N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir branch), Vladimir, Russian Federation

Letchikov A.V., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Professor at the Department of Management of Socio-Economic Systems, Institute of Economics and Management, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Maksimov V.P., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Professor at the Department of Information Systems and Mathematical Methods in Economics, Perm State University, Perm, Russian Federation

Mierin' L.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of National Economy, Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

Orlova E.R., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Information Technologies of Investment Efficiency Assessment, Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Petrenko S.N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Donetsk National University of Economics and Trade named after Michael Tugan-Baranovsky, Donetsk, Ukraine

Sheshukova T.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Accounting, Auditing and Economic Analysis, Perm State University, Perm, Russian Federation

Tretakova E.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Environment Protection, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

Trofimov O.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Director at the Center of Medical Instrumentation Innovative Development, Head at the Department of Economics of Enterprises and Organizations, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation

Turgel' I.D., Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director of the School of Economics and Management, Head at the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Kovaleva T.Y., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University, Perm, Russian Federation (Executive Editor)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Дайнеко Л.В., Гончарова Н.В., Караваева Н.М., Юрасова И.И.

Идентификация проблем и перспектив совершенствования налогообложения недвижимости в РФ на основе сравнительного анализа преимуществ и ограничений развития систем налогообложения стран СНГ 106

Сухарев О.С.

Институциональная конкуренция и импорт институтов: теоретические аспекты 127

РАЗДЕЛ II. РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Базуева Е.В., Дубровская Ю.В.

Обоснование причин неэффективности системы институтов пространственного развития РФ в контексте параметров качества 150

Безрукова Т.Л., Салита С.В., Голубцова О.А., Маркова Л.В.

Диагностика сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития региона: методика и результаты ее апробации 168

Артемова О.В., Логачева Н.М.

Развитие российских мегаполисов с ориентацией на человека: возможности и ограничения 183

РАЗДЕЛ III. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ

Васин С.М., Прохорова Ю.Е.

Эмпирическое исследование факторов результативности управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом 202

CONTENTS

SECTION I. ECONOMIC THEORY

Daineko L.V., Goncharova N.V., Karavaeva N.M., Yurasova I.I.Problems and prospects derived from comparative analysis of advantages and limitations in CIS taxation systems to improve RF real estate taxation *106***Sukharev O.S.**Institutional competition and import of institutions: Theoretical aspects *127*

SECTION II. REGIONAL AND MUNICIPAL ECONOMY

Bazueva E.V., Dubrovskaya J.V.Quality determinants based justification of the reasons for an inefficient system of the RF spatial development institutions *150***Bezrukova T.L., Salita S.V., Golubtsova O.A., Markova L.V.**Diagnostics of weaknesses and strengths of a region's socio-economic and innovative development: Methods and its application *168***Artemova O.V., Logacheva N.M.**Human centered development of Russian megacities: Opportunities and limitations *183*

SECTION III. ENTERPRISE ECONOMY AND MANAGEMENT OF ENTERPRISES, ORGANIZATIONS, BRANCHES, COMPLEXES

Vasin S.M., Prokhorova Y.E.Empirical studies on efficient human resource management factors in enterprises with multinational personnel *202*

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

doi 10.17072/1994-9960-2021-2-106-126
JEL Code R5
УДК 336.201, ББК 65.261

© Дайнеко Л.В., Гончарова Н.В.,
Караваева Н.М., Юрасова И.И., 2021

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
НЕДВИЖИМОСТИ В РФ НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
ПРЕИМУЩЕСТВ И ОГРАНИЧЕНИЙ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СТРАН СНГ**

Людмила Владимировна Дайнеко

ORCID ID: [0000-0003-0062-2611](https://orcid.org/0000-0003-0062-2611), Researcher ID: [AAA-1338-2020](https://orcid.org/AAA-1338-2020), e-mail: l.v.daineko@urfu.ru

Наталья Вадимовна Гончарова

ORCID ID: [0000-0001-8133-8289](https://orcid.org/0000-0001-8133-8289), Researcher ID: [AAJ-1611-2021](https://orcid.org/AAJ-1611-2021), e-mail: n.v.goncharova@urfu.ru

Наталья Михайловна Караваева

ORCID ID: [0000-0002-1886-6836](https://orcid.org/0000-0002-1886-6836), Researcher ID: [AAJ-1164-2021](https://orcid.org/AAJ-1164-2021), e-mail: n.m.karavaeva@urfu.ru

Инна Игоревна Юрасова

ORCID ID: [0000-0001-7611-9030](https://orcid.org/0000-0001-7611-9030), Researcher ID: [AAJ-1583-2021](https://orcid.org/AAJ-1583-2021), e-mail: i.i.iurasova@urfu.ru

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19)

Целью исследования является анализ особенностей определения налоговой базы для расчета налогов на недвижимость в странах СНГ для идентификации проблем и основных преимуществ функционирования национальных систем налогообложения, позволяющих обозначить перспективные направления совершенствования налогообложения недвижимости в РФ. Новизна исследования состоит в разработке и обосновании возможных направлений совершенствования системы налогообложения недвижимости в РФ, которые удовлетворяют требованиям всех субъектов налоговой системы РФ и позволяют повысить качество налогового администрирования, точность определения налоговой базы, снизить неравномерность распределения налогового бремени налогоплательщиков. К наиболее существенным результатам, характеризующим научную новизну исследования, можно также отнести следующие: 1) проведен анализ особенностей определения налоговой базы для расчета налогов на недвижимость на основании изучения национальных нормативно-правовых документов, регулирующих налогообложение недвижимости в странах СНГ; 2) выявлены три основных подхода к определению налоговой базы для исчисления налогов на недвижимость (использование кадастровой или иной формы государственной оценки, среднегодовой или остаточной стоимости имущества, площади объекта недвижимости); 3) систематизированы основные недостатки действующей налоговой системы РФ; 4) предложены основные направления совершенствования налогообложения недвижимости в РФ посредством повышения качества информационных данных, разработки и внедрения цифровых инструментов для массовой оценки объектов недвижимости, оцифровки кадастровых данных, расширения объема информации, содержащейся в кадастре. Перспективы исследований связаны с более подробным анализом правил определения справедливой кадастровой стоимости недвижимости с целью устранения недостатков существующей методики ее оценки.

Ключевые слова: налог на недвижимость, земельный налог, кадастровая стоимость, среднегодовая стоимость, система налогообложения стран СНГ, цифровизация, налоговое администрирование.

Для цитирования:

Дайнеко Л.В., Гончарова Н.В., Караваева Н.М., Юрасова И.И. Идентификация проблем и перспектив совершенствования налогообложения недвижимости в РФ на основе сравнительного анализа преимуществ и ограничений развития систем налогообложения стран СНГ // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Том 16. № 2. С. 106–126. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-106-126

**PROBLEMS AND PROSPECTS DERIVED FROM COMPARATIVE ANALYSIS
OF ADVANTAGES AND LIMITATIONS IN CIS TAXATION SYSTEMS
TO IMPROVE RF REAL ESTATE TAXATION**

Liudmila V. Daineko

ORCID ID: [0000-0003-0062-2611](https://orcid.org/0000-0003-0062-2611), Researcher ID: [AAJ-1076-2021](https://orcid.org/AAJ-1076-2021), e-mail: l.v.daineko@urfu.ru

Natalia V. Goncharova

ORCID ID: [0000-0001-8133-8289](https://orcid.org/0000-0001-8133-8289), Researcher ID: [AAJ-1611-2021](https://orcid.org/AAJ-1611-2021), e-mail: n.v.goncharova@urfu.ru

Natalia M. Karavaeva

ORCID ID: [0000-0002-1886-6836](https://orcid.org/0000-0002-1886-6836), Researcher ID: [AAJ-1164-2021](https://orcid.org/AAJ-1164-2021), e-mail: n.m.karavaeva@urfu.ru

Inna I. Yurasova

ORCID ID: [0000-0001-7611-9030](https://orcid.org/0000-0001-7611-9030), Researcher ID: [AAJ-1583-2021](https://orcid.org/AAJ-1583-2021), e-mail: i.i.yurasova@urfu.ru

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia)

Economy digitalization calls for an upgrade of all economic processes. The subject of the research in this paper is the RF taxation system, its challenges and possible trajectories of its development defined from the analysis of the national taxation features in post-Soviet countries in the context of the social, economic, and political transformations, as well as from the integration into the global economic space. The analysis of the CIS national taxation systems is advantageous as the countries share national economic systems, political regimes, management systems, economy structures, population mindsets, and borders. The purpose of the research is to explore the taxable incomes to define the real estate taxes in CIS countries to detect the problems and key advantages in the national taxation systems, and this can identify promising areas in improving the RF real estate taxation. Development and justification of possible areas for the RF taxation system improvement, which satisfy the requirements of all subjects of the RF taxation system and provide the better quality of the taxation management, more precise taxable income, decrease the inequality in distributing the tax burden among the tax payers. Substantial results of the research which underlie its novelty are as follows: 1) taxable income features with regard to the national legislative documents which regulate the CIS property taxation are analyzed to calculate the real estate taxes; 2) three main approaches to find the taxable property income (examination of cadastral or other types of public evaluation, reference to the average annual or residual value of real estate, reference to the real estate area) were found; 3) key drawbacks in the acting RF taxation system are grouped; 4) key areas for upgrading the RF real estate taxation by better quality of information, development and introduction of digital tools for a large scale evaluation of property units, digitalization of cadastral data, having more information in the cadaster are offered. Further research is seen to be connected with a more comprehensive analysis of the rules defining fair cadastral property value to remedy the drawbacks in the present evaluation methodology.

Keywords: real estate tax, land tax, cadastral value, average annual value, CIS taxation system, digitalization, taxation management.

For citation:

Daineko L.V., Goncharova N.V., Karavaeva N.M., Yurasova I.I. Problems and prospects derived from comparative analysis of advantages and limitations in CIS taxation systems to improve RF real estate taxation. *Perm University Herald. Economy*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 106–126. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-106-126

ВВЕДЕНИЕ

После развала Советского Союза в 1990-х гг. вновь образованные независимые государства столкнулись с необходимостью формирования собственной налоговой системы. Все страны, сегодня являющиеся членами СНГ, имели, по

сути, равные условия в области налогообложения недвижимого имущества, которое фактически в СССР отсутствовало. Страны СНГ имели общий многолетний опыт в политическом устройстве, системе управления, структуре экономики, территориальную бли-

зость, схожую историю развития и менталитет. При этом необходимо отметить, что процессы трансформации системы налогообложения недвижимости в странах СНГ существенно различаются по направленности, скорости и результатам. Одна из причин различий – это разные нормативно-правовые, организационные, социально-экономические условия и, как следствие, установление разных требований, показателей и критериев для оценки налоговой базы.

Объектом настоящего исследования являются налоги на недвижимость, то есть те налоги, объектом налогообложения которых является недвижимое имущество юридических или физических лиц. В России к таким налогам относятся земельный налог, налог на имущество физических лиц и налог на имущество организаций. В соответствии со статьей 130 Гражданского кодекса РФ¹ к недвижимости относятся такие объекты, которые невозможно переместить без несоразмерного ущерба, то есть здания, земельные участки и т.д. Согласно статье 131 Гражданского кодекса «право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре»². Каждый налог имеет самостоятельный объект налогообложения (статья 38 Налогового кодекса РФ)³.

В последние десятилетия в условиях постоянного воздействия кризисов (финансовых, валютных, геополитических, эпидемиологических и др.) уровень наполнения бюджетов становится сложно прогнозируемым. Использование в качестве налоговой базы налогов на недвижимость справедливой кадастровой оценки может формировать стабильные прогнозируемые поступления в бюджет РФ (в 2020 г. поступило 1 357,9 млрд

руб. имущественных налогов, что составляет 6,5 % консолидированного бюджета РФ) и, следовательно, увеличить вероятность исполнения бюджета в планируемом объеме.

Целью исследования является анализ особенностей определения налоговой базы для расчета налогов на недвижимость в странах СНГ для идентификации проблем и основных преимуществ функционирования национальных систем налогообложения, позволяющих обозначить перспективные направления совершенствования налогообложения недвижимости в РФ. Проведение сравнительного анализа особенностей определения налоговой базы для расчета налогов на недвижимость в странах СНГ позволит наметить возможные пути совершенствования налогообложения недвижимости, удовлетворяющие требованиям всех субъектов налоговой системы РФ.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВА В РФ

Современное состояние налогообложения недвижимости на территории России претерпевает кардинальные изменения в связи со вступлением в силу изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации (статья 403)⁴, которые предполагают использование кадастровой стоимости для определения налоговой базы по налогу на имущество физических лиц. Ранее для налогообложения физических лиц применялась инвентаризационная стоимость недвижимости, скорректированная на коэффициент-дефлятор. В налогообложении имущества юридических лиц в настоящий момент возможны два варианта исчисления налоговой базы – среднегодовая стоимость недвижимого имущества или кадастровая стоимость отдельных объектов недвижимости. Следует также учитывать,

¹ Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.02.2021).

² Там же.

³ Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ «Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть первая)» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 12.02.2021).

⁴ Федеральный закон от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ «Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть вторая)» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 12.02.2021).

что использование кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества в качестве налоговой базы возможно только после утверждения субъектом РФ результатов государственной кадастровой оценки объектов недвижимого имущества на данной территории, которая начиная с 2016 г. может проводиться только созданным для этих целей бюджетным учреждением¹.

Трудности перехода на новый способ определения налоговой базы в первую очередь обусловлены невозможностью адекватно определить справедливую кадастровую стоимость отдельных объектов недвижимости. Это приводит к завышению поступлений налога в бюджет, увеличению налоговой нагрузки на юридических и физических лиц, росту числа обращений в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) и судебные органы для пересмотра кадастровой стоимости имущества, в налоговые органы для пересчета сумм налога и, как следствие, к сложностям в администрировании налогов на недвижимость. Изучение правил исчисления налоговой базы, применяемых в других странах СНГ, имеющих изначально схожие стартовые условия реформирования системы налогообложения, позволит использовать зарубежный опыт для определения справедливой налоговой базы с целью совершенствования налоговой системы РФ. По мнению авторов статьи, для решения данной задачи также следует учесть правила разработанного Модельного Налогового кодекса стран СНГ, созданного для общей координации налогового законодательства стран – участниц СНГ. Так, И.В. Горский отмечает два положительных эффекта его создания: совершенствование национальных налоговых систем и стратегическое сближение налоговых режимов стран СНГ [1]. Налоговая система стран – участниц СНГ также анализируется в трудах других ученых, которые акцентируют внимание на ее ключе-

вых существенных характеристиках и особенностях налогового сотрудничества государств [2; 3] либо исследуют опыт не всех действительных участников СНГ [4–8]. Ученые обращают внимание на отдельные проблемы современной системы налогообложения имущества в странах СНГ. Так, Ж.Г. Голодова и Ю.С. Ранчинская, изучая роль имущественных налогов в бюджетной системе стран СНГ, отметили низкий удельный вес налогов на имущество в доходной части бюджетов, необоснованность льгот, несоблюдение принципа справедливости налогообложения и предложили использовать для реформирования налогов в других странах СНГ опыт Казахстана, имеющего наиболее прозрачную и четкую методику расчета величины налога [9]. Актуальность изучения налоговых систем других стран на фоне стремительного развития интеграционных процессов для совершенствования и гармонизации налогового администрирования подчеркивается в исследовании Л.Д. Кузнецова [10]. Ю.Ю. Косенкова обобщает опыт зарубежных стран для построения экономически обоснованной системы налогообложения имущества [11], но исследует исключительно налоги физических лиц, не рассматривая особенности налогообложения для юридических лиц. Е.К. Симакова рассматривает состояние налогообложения имущества в России и за рубежом и оценивает правовые последствия изменений порядка налогообложения [12]. Однако изучает данный вопрос исключительно в ракурсе физических лиц. Ф.Ф. Адигамова и М.Е. Орлова рассматривают пути гармонизации налогового регулирования в странах СНГ, входящих в ЕАЭС, исследуя применение налоговых ставок и вопросы налогового администрирования, предлагая сближение налоговой среды для равноправного участия стран СНГ в ЕАЭС [13]. В свою очередь Н.С. Зиядуллаев и У.С. Зиядуллаев анализируют 25-летний опыт интеграционных проектов стран СНГ, включая зону свободной торговли, Таможенный союз, Союз Беларуси и России, Евразийское экономическое сообщество, Центрально-Азиатское сотрудничество и отмечают успешность

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (дата обращения: 12.02.2021).

ЕАЭС [14], раскрывая особенности его функционирования и механизмы экономической интеграции.

Современная налоговая система формируется в России с начала 1990-х гг., после развала Советского Союза и образования СНГ. В Советском Союзе земля принадлежала народу, и объектом гражданского права стала признаваться только в 1985 г. [15]. С 2015 г. в России происходит постепенное изменение налоговой базы недвижимого имущества на кадастровую. Ранее для налогообложения юридических лиц использовалась среднегодовая стоимость имущества, для физических – инвентаризационная. Окончательного перехода на кадастровую стоимость для исчисления налогов на имущество следует ожидать после проведения государственной кадастровой оценки недвижимости во всех регионах России.

Выбор стран СНГ для исследования особенностей исчисления налогов на недвижимость обусловлен почти семидесятилетним отсутствием налогообложения имущества и, соответственно, отставанием от большинства стран в этой сфере.

В следующем разделе представлен компаративистский анализ систем налогообложения в странах СНГ.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НЕДВИЖИМОСТИ В СТРАНАХ СНГ

В настоящее время в СНГ в качестве действительных членов входят: Россия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, а также Туркменистан в качестве ассоциированного члена. Поскольку Украина не подписала Устав СНГ, одновременно являясь учредителем Содружества, имущественные налоги этой страны не рассматривались. Исследование проводилось на основании открытых источников – нормативных документов и научных статей. Перейдем к описанию его основных результатов.

Азербайджан

Республика Азербайджан установила для собственников недвижимости налог на

имущество и земельный налог¹. Сбором налогов занимаются органы местного самоуправления. Из-за отсутствия единой системы учета как недвижимого имущества, так и налогоплательщиков в Азербайджане долгое время существовала проблема уклонения от уплаты земельных налогов и налогов на имущество. Введенные в действие с 1 января 2015 г. изменения в Налоговый кодекс скорректировали существовавший с конца 90-х гг. механизм сбора муниципальных налогов, предоставили дополнительные полномочия муниципалитетам по переоценке стоимости имущества, отменили инвентарную стоимость имущества в качестве налогооблагаемой базы по налогу на недвижимость. В настоящее время при расчете налога на имущество для физических лиц в качестве налогооблагаемой базы берется площадь объектов недвижимости, для юридических лиц – среднегодовая стоимость основных средств (1/2 от суммы остаточных стоимостей имущества на начало и конец налогового периода). Данный механизм значительно облегчает расчет налогов и не зависит от субъективности оценочных компаний. Ставка налога на недвижимость для физических лиц находится в диапазоне от 0,1 маната за м² в год (в небольших населенных пунктах, поселках, селах и т.д.) до 0,4 маната за м² в столице Азербайджана, причем налогом облагается только та недвижимость, которая превышает 30 м². Для целей исчисления земельного налога в качестве налоговой базы используется площадь земельных участков. Ставка налога на землю зависит от месторасположения региона, назначения, кадастровой стоимости и размера участка. Ставка налога на землю под жилье и приусадебные участки составляет от 0,1 до 1,2 маната за 100 м², ставка налога на землю под коммерческие объекты – от 2 до 20 манат за 100 м². Для налогов на землю сельскохозяйственного назначения (за исключением приусадебных участков) определена ставка налога в размере 0,06 маната за

¹ *Налоговый кодекс Азербайджанской Республики. Закон Азербайджанской Республики от 11.07.2000 г. № 905-IQ // Информационная система Континент. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30414629 (дата обращения: 12.02.2021).*

гектар, который умножается на условный балл, установленный в зависимости от качества земли и ее месторасположения. Налогом облагаются земельные участки площадью более 100 000 м².

При рассмотрении особенностей налогообложения недвижимости в Республике Азербайджан интерес представляет исследование М.М. Ахмедова, который сравнивал налог на недвижимость в Азербайджане и странах мира, рассматривая его сущность и пути совершенствования. В данном исследовании подчеркивается неготовность страны к глубоким налоговым реформам в результате отсутствия четких правил определения кадастровой стоимости имущества, неготовности налогоплательщиков к изменению правил исчисления имущественных налогов и связанного с этим возможного роста уровня социального напряжения [16].

Армения

В Республике Армения с 2016 г. налог на землю и налог на имущество были заменены на единый налог – налог на имущество¹ с налоговой базой в виде кадастровой стоимости, определяемой согласно Приложению № 1 Налогового кодекса Республики Армения. Кадастровая стоимость объектов капитального строительства определяется как расчетная величина с использованием стоимости одного квадратного метра недвижимости, зависящей от материала, из которого построен объект, и коэффициентов, характеризующих местоположение, состояние и функциональное назначение объекта недвижимости. Кадастровая стоимость земельных участков определяется на основании данных о плодородии, физических и иных качественных характеристик, естественных и хозяйственных условий, районирования, зонирования, целевого назначения земель. Оценка проводится на основании данных мониторинга земель, Единого государственного кадастра недвижимого имущества, исследований и наблюдений состояния земель. Исключением является

определение базы для земель сельскохозяйственного назначения – расчетный чистый доход рассчитывается по правилам Приложения № 2 к Налоговому кодексу в зависимости от величины расчетного чистого дохода с соответствующего земельного угодья, установленного Правительством Республики Армения. В отношении особенностей определения налоговой базы по налогу на имущество в Армении А.А. Маргарян отмечает необходимость разработки информационного сервиса для минимизации ошибок в расчете кадастровой стоимости недвижимости с помощью методов сравнения и экономико-математического моделирования [17].

С 1 января 2021 г. в Армении изменилась методика кадастровой оценки недвижимости, тарифы на налоги увеличились в 2–3 раза и рассчитываются на основе значений, приближенных к рыночной стоимости недвижимости. Данные изменения были внесены из-за того, что в республике кадастровая стоимость имущества была заниженной по сравнению с рыночной, следовательно, налог на имущество был очень низкий. В соответствии с Законом Республики Армения «О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Армения» от 29 июня 2020 г. № ЗР-321 были установлены новые шкалы для базы налога на недвижимость, а для некоторых единиц недвижимости – новые ставки. Кроме того, изменилась система зонирования, в зависимости от которой устанавливается ставка налога. В результате количество территориальных зон увеличилось. При этом обратим внимание, что для предотвращения резкого повышения налогового бремени предусмотрен поэтапный переход к новой системе налогообложения.

Беларусь

В Республике Беларусь действуют земельный налог и налог на недвижимость, который взимается с капитальных строений. Сумма налога на недвижимость рассчитывается как произведение налоговой базы и налоговой ставки. Налоговой базой для налога на недвижимость юридических лиц является остаточная стоимость имущества по данным бухгалтерского учета, для арендованных объектов – стоимость объекта арен-

¹ Закон Республики Армения от 04.10.2016 г. «Налоговый кодекс Республики Армения» // ARLIS. Armenian legal information system. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=137404> (дата обращения: 12.02.2021).

ды, указанная в договоре. Для физических лиц налоговая база определяется на основании оценки, выполненной территориальным органом государственной регистрации по заказам местного исполкома. Эта стоимость корректируется ежегодно налоговым органом при помощи коэффициентов переоценки. Ставка налога на недвижимость устанавливается на уровне 0,2 % – в отношении жилых помещений в многоквартирных или блокированных жилых домах для физических лиц, имеющих два и более жилых помещения в многоквартирных и (или) блокированных жилых домах, или на уровне 0,1% – для иных объектов недвижимости. По решению местных Советов депутатов вышеуказанные ставки могут быть уменьшены или увеличены (не более чем в два раза).

Годовая сумма земельного налога рассчитывается как произведение налоговой базы и соответствующих ставок земельного налога. Налоговой базой для земель сельскохозяйственного назначения является их площадь, для остальных земель – кадастровая стоимость земельных участков. Кадастровая оценка земель в Республике Беларусь проводится не реже одного раза в четыре года, для земель сельскохозяйственного назначения – не реже чем раз в десять лет. Данные оценки корректируются ежегодно с учетом существующего состояния земель. Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь инициирует кадастровую оценку земель, которая проводится и финансируется из средств республиканского бюджета. Сведения о кадастровой стоимости вносятся в регистр стоимости земель и земельных участков. Правила проведения кадастровой оценки установлены государственными стандартами и инструкциями. В стандарте указано, что кадастровая оценка осуществляется при помощи моделирования рынка на основании сведений, содержащихся в государственном земельном и градостроительном кадастрах, и построении модели оценки, основанной на этих данных. Ставки земельного налога устанавливаются в процентах или в фиксированной сумме в белорусских рублях, в зависимости от функционального использования земельных участков и от того, какая налоговая база

(кадастровая стоимость или площадь земельного участка) применяется при исчислении земельного налога. Ставки земельного налога могут варьироваться от 0,025 %, или 11,49 белорусских рублей (для жилой многоквартирной зоны), до 3 %, или 172,13 белорусских рублей (для автомобильных рынков и игорных заведений).

Также в отношении Республики Беларусь подчеркнем, что В.А. Тулько, исследуя проблемы и перспективы развития налога на недвижимость в стране, отмечает, что все они связаны с увеличением налоговых ставок и налоговой нагрузки на налогоплательщиков [18].

Казахстан

В Республике Казахстан действуют: 1) налог на имущество с налоговой базой, определяемой для юридических лиц как среднегодовая стоимость амортизируемых активов (1/13 от суммы остаточных стоимостей имущества на первое число каждого месяца и первое число месяца следующего налогового периода), а для физических лиц – как стоимость объектов недвижимости на 1 января каждого года; 2) земельный налог с налоговой базой в виде площади участка¹. Стоимость объектов недвижимости определяет Государственная корпорация «Правительство для граждан» – как произведение базовой стоимости одного квадратного метра недвижимости, полезной площади, коэффициентов физического и функционального износа, коэффициента зонирования и изменения месячного расчетного показателя. Налоговой базой по земельному налогу является площадь земельного участка или земельной доли при общей долевой собственности. При этом полного исключения стоимости земельного участка не происходит, она влияет на величину налога посредством налоговой ставки. Например, для земель сельскохозяйственного и промышленного назначения ставка налога зависит от балла бонитета (количественный показатель оценки качества природного объекта) и является прогрессив-

¹ Закон Республики Казахстан от 25.12.2017 г. № 121-VI «Налоговый кодекс Республики Казахстан» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=33745225 (дата обращения: 12.02.2021).

ной. Для земель населенных пунктов ставка зависит от категории населенного пункта и является наиболее высокой для города республиканского значения – г. Алматы – 28,95 тенге за один квадратный метр площади (по данным на 01.04.2021 г.)¹. Далее по нисходящей шкале – для столицы, городов областного и районного значения, других категорий. Самая низкая ставка налога установлена для села – 0,48 тенге. Т.Л. Ищук и А.С. Баймухаметова считают, что определение налоговой базы по критерию площади облегчает налоговое администрирование, так как ее проще определить, чем стоимость участка [19]. Также следует отметить, что кадастровая оценка земельных участков определяется исключительно для сдачи их в аренду². В заключение отметим, что в исследовании А. Тажиханова обосновывается неэффективность системы налогообложения Казахстана и ее последствия с позиции роли налогов как важнейших структурных элементов экономики. [20].

Кыргызстан

По налоговому законодательству Кыргызской Республики для исчисления налога на имущество по объектам недвижимости используется налогооблагаемая стоимость одного квадратного метра, которая рассчитывается исходя из оценочной стоимости, установленной Налоговым кодексом Кыр-

гызстана³, в зависимости от материала стен, года ввода объекта в эксплуатацию и других коэффициентов, учитывающих местоположение, тип недвижимости и др. В качестве налоговой базы для земельного налога используется площадь участка. Базовые ставки земельного налога за пользование сельскохозяйственными угодьями устанавливаются Налоговым кодексом и зависят от местоположения земельного участка и его вида (пастбища, сенокосы, многолетние насаждения, пашня богарная и орошаемая). Ставки земельного налога за использование земель населенных пунктов и земель несельскохозяйственного назначения зависят от численности населения региона, где расположен участок. Также для дифференцирования ставок применяются зональный коэффициент, зависящий от особенностей экономико-планировочных зон, и коэффициент коммерческого использования: понижающий коэффициент применяется для земель под объектами социальной инфраструктуры и повышающий – для иных коммерческих объектов (магазины, рынки, офисы, сооружения рекламы).

Анализируя эффективность налога на жилую недвижимость, И.В. Лукашова отмечает неэффективность введенного в 2010 г. налога за счет отсутствия механизмов, учитывающих инфляцию [21]. М.Ш. Рысалиева, рассматривая перспективы развития имущественного налогообложения в Кыргызской Республике, акцентирует внимание на незначительности бюджетных доходов от поступления налога на имущество, однако подчеркивает важность его мультипликативного эффекта, особенно в части содействия легализации «теневых» доходов, и считает, что создание эффективной системы администрирования налога перспективно для развития рыночной экономики [22]. По ее мнению, низкая собираемость земельного налога и высокий уровень недоимок связаны с убыточностью сельскохозяйственной отрасли в республике, наличием необоснован-

¹ *Постановление* Правительства Республики Казахстан от 02.09.2003 г. № 890 «Об установлении базовых ставок платы за земельные участки при их предоставлении в частную собственность, при сдаче государством или государственными землепользователями в аренду, а также размера платы за продажу права аренды земельных участков» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1044003 (дата обращения: 12.02.2021).

² *Закон* Республики Казахстан от 20.06.2003 г. № 442-П «Земельный кодекс Республики Казахстан» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1040583 (дата обращения: 12.02.2021); *Постановление* Правительства Республики Казахстан от 02.09.2003 г. № 890 «Об установлении базовых ставок платы за земельные участки при их предоставлении в частную собственность, при сдаче государством или государственными землепользователями в аренду, а также размера платы за продажу права аренды земельных участков» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1044003 (дата обращения: 12.02.2021).

³ *Закон* Кыргызской Республики от 17.10.2008 г. № 230 «Налоговый кодекс Кыргызской Республики» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30355506 (дата обращения: 12.02.2021).

ных льгот и освобождений от уплаты налога землепользователей, а также отсутствием стимулирующей составляющей к эффективному использованию земель [23]. Л.Г. Баранова и В.С. Федорова, анализируя экономические последствия изменения имущественного налогообложения на макро- и микроуровне, делают вывод о том, что малейшее изменение в налогообложении имущества оказывает заметный эффект на стабилизацию бюджетных доходов, увеличение (снижение) административной и налоговой нагрузки на предприятия в Республике Кыргызстан [24].

Молдова

Налоговый кодекс Республики Молдова¹ предусматривает только налог на недвижимое имущество с оцененной (кадастровой) стоимостью для определения налоговой базы без самостоятельного выделения земельного налога. Для определения стоимости типовых объектов и специфических (нетиповых) объектов недвижимого имущества законодательство регламентирует использование различных видов оценки: массовую оценку для однотипных объектов или индивидуальную оценку – для специфических [25]. Оценку проводят территориальные кадастровые органы. Переоценка недвижимого имущества осуществляется территориальными кадастровыми органами один раз в три года за счет средств государственного бюджета. Для оценки используется массив данных о сделках по продаже объектов недвижимости, формируемый государственными органами. Эти данные вносятся в кадастровую систему *VALUECAD*, обрабатываются, и для каждой категории недвижимого имущества выбираются объекты-эталон, для разработки модели оценки (в основном используется метод сравнения продаж). Определение стоимости оцениваемых объектов происходит автоматически на основании введенных характеристик объекта.

Ставка имущественного налога в части минимального и максимального значения в процентах от налогооблагаемой базы опре-

делена Налоговым кодексом. Конкретная ставка устанавливается ежегодно представительным и правомочным органом местного публичного управления. Кроме того, в законе прописаны категории лиц, освобождающиеся от уплаты налога, с указанием предельной стоимости такого недвижимого имущества, предназначенного для жилья, в муниципиях, включая населенные пункты, входящие в их состав, в городах и селах (коммунах), в пределах которой предоставляется освобождение от уплаты налога на недвижимое имущество. Также для жилой недвижимости площадью более 120 квадратных метров и оцененной стоимостью более 1,5 млн леев (5,4 млн руб.) в Республике Молдова действует поимущественный налог с повышенной налоговой ставкой.

Рассматривая вопросы совершенствования оценки недвижимого имущества в целях налогообложения, О. Бузу отмечает ряд недостатков существующей налоговой системы Молдовы, такие как отсутствие массовой регистрации недвижимого имущества, несовершенная процедура ввода в эксплуатацию новых объектов, большой объем нелегального строительства, недостаточная квалификация специалистов-оценщиков, отсутствие базы данных о реальных сделках с объектами недвижимого имущества [26].

Россия

В Налоговом кодексе Российской Федерации установлено три налога на недвижимость – земельный налог и налоги на имущество физических и юридических лиц². Для исчисления земельного налога с 2005 г. используется кадастровая стоимость земли. Для исчисления налога на имущество физических лиц базой является инвентаризационная стоимость недвижимости, скорректированная на ежегодно обновляемый коэффициент-дефлятор, или кадастровая стоимость (если такое решение принято субъектом РФ), а для юридических лиц – среднегодовая стоимость имущества (1/13 от суммы остаточных стоимостей имущества на первое число каждого месяца и на первое

¹ Закон Республики Молдова от 24.04.1997 г. № 1163 «Налоговый кодекс Республики Молдова» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30398075 (дата обращения: 12.02.2021).

² Федеральный закон от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 12.02.2021).

число следующего налогового периода) или кадастровая стоимость для отдельных объектов недвижимости (в основном это крупные торговые и административные центры). Следует отметить, что для определения кадастровой стоимости недвижимости необходимо использовать Федеральный стандарт оценки № 4¹ и Федеральный закон, регулирующий оценочную деятельность².

По данным сайта Росреестра³, зная кадастровый номер земельного участка, достаточно легко получить информацию о его кадастровой стоимости. Иная ситуация складывается с объектами недвижимости, массовая кадастровая оценка которых проводится государственными бюджетными учреждениями, созданными специально для этих целей в настоящее время. Кадастровая стоимость для целей налогообложения предполагает определение наиболее вероятной цены приобретения недвижимости. При этом если методы массовой оценки неприменимы из-за особенностей оцениваемого объекта, возможно использование индивидуальной оценки.

Анализ литературных источников показывает, что не все эксперты положительно оценивают нововведения в области налогообложения недвижимости в РФ. Так, Д.Ю. Жукова, изучая будущее налога на недвижимость в России, отмечает постепенный рост сумм налога, взимаемых с налогоплательщиков [27], а Н.М. Турбина негативно характеризует перевод кадастровой оценки в государственные структуры [28]. Р.Т. Куданов, рассматривая перспективы замены трех налогов на недвижимость одним, в качестве основной проблемы отказа от данного предложения называет отсутствие единой методики кадастровой оценки

недвижимости [29]. Е.С. Вылкова в качестве направлений совершенствования имущественного налогообложения в России отмечает важность достижения баланса интересов государства и налогоплательщиков, необходимость снижения задолженности по имущественным налогам и значимость практико-ориентированной обоснованности льгот по налогам [30]. С.П. Коростелев считает, что в РФ в области налогообложения имущества имеется ряд концептуальных проблем, что привело к утрате социальной и регулирующей функций, являющихся определяющими для системы налогообложения. Фискальный характер налогов на имущество привел к резко негативному отношению налогоплательщиков к реализуемым изменениям налогообложения недвижимости [31]. С.В. Грибовский, оценивая качество кадастровой оценки недвижимости для целей налогообложения, основной проблемой видит приближенный характер массовой кадастровой оценки, обусловленный невозможностью визуального осмотра всех объектов недвижимости и учета всех ценообразующих факторов. Основной причиной неточности оценки, по его мнению, является низкий уровень качества данных информации, находящейся в ЕГРН [32]. В.А. Шишкина и Н.А. Хушт рассматривают результаты проводившегося в период с 1996 по 2005 г. эксперимента по введению единого налога на недвижимость с акцентом на важных российских особенностях, усложняющих данный процесс, – наличие огромной территории с неравномерно развитыми региональными рынками недвижимости и существенно различающимися доходами населения в субъектах РФ. Они полагают, что в современных условиях для сокращения рисков негативных последствий введения единого налога подобный эксперимент целесообразно повторить [33].

Таджикистан

В Республике Таджикистан действуют земельный налог и налог на объекты недвижимости. Налоговой базой для земельного налога является площадь земельного участка, для налога на объекты капитального строительства – общая площадь объекта, для подвальных помещений и мансард –

¹ Приказ Минэкономразвития России от 22.10.2010 г. № 508 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Определение кадастровой стоимости (ФСО № 4)» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113247/ (дата обращения: 12.02.2021).

² Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 12.02.2021).

³ Росреестр: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: <https://rosreestr.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2021).

50 % общей площади. Ставка налога на объекты недвижимости определяется в зависимости от занимаемой объектом площади и целей его использования в размере от 3 до 25 %, а также от величины регионального коэффициента в разрезе городов и районов – от 0,09 до 1,0. По объектам недвижимости, расположенным в зонах развития туризма и отдыха, ставки налога устанавливаются в двукратном размере от указанных¹.

Ставки налога с одного гектара земли с учетом кадастровых зон и видов угодий каждые пять лет устанавливаются Правительством Республики Таджикистан и ежегодно индексируются в соответствии с уровнем инфляции за предыдущий календарный год. Также существует система повышающих коэффициентов для земельных участков свыше 800 квадратных метров – при превышении до 1 200 квадратных метров ставка налога на превышающую площадь принимается в двукратном размере. Если земельный участок более чем 2 000 квадратных метров, дополнительно к повторному превышению применяется пятикратное увеличение налоговой ставки.

Изучая современное состояние налогообложения имущества в Республике Таджикистан, исследователи отмечают высокий уровень налогового бремени [34; 35], сложное налоговое администрирование [36; 37], низкую собираемость налогов [38], высокий уровень теневой экономики [39].

Узбекистан

В Республике Узбекистан, как и в России, установлены три имущественных налога². Налоговая база для юридических лиц определяется как среднегодовая стоимость имущества (1/12 от суммы остаточных стоимостей каждого объекта недвижимости на последнее число каждого месяца отчетного периода), а для физических лиц – кадастро-

вая стоимость недвижимости, в случае отсутствия которой принимается условная стоимость в размере от 84 млн сум (563 тыс. руб.) до 210 млн сум (1,4 млн руб.) в зависимости от местонахождения имущества. Расчет кадастровой стоимости недвижимости основан на использовании данных о восстановительной стоимости в базисных ценах 1991 г. из сборников укрупненных показателей восстановительной стоимости нежилых зданий и сооружений, которая умножается на коэффициент ежегодной индексации, учитывающий изменения индекса цен на строительные материалы в предыдущем году по данным, предоставленным Государственным комитетом Республики Узбекистан по статистике с учетом территориальных поправочных коэффициентов и коэффициентов износа. Для земельного налога налоговой базой является площадь земельного участка, за исключением земель сельскохозяйственного назначения, для которых налоговой базой является нормативная стоимость, определяемая Узбекским государственным научно-проектным институтом «Уздаверлойиха» Государственного комитета Республики Узбекистан по земельным ресурсам, геодезии, картографии и государственному кадастру³.

И. Ниязметов, С. Воронин, Б. Корабоев и Д. Угай, рассуждая о пути реформирования налога на имущество в Республике Узбекистан, пришли к выводу о недостаточной эффективности действующих механизмов налогообложения имущества, превышении расходов на налоговое администрирование над фискальным значением налога на имущество, взимаемого с физических лиц [40].

С учетом вышеизложенного в таблице приведены результаты сравнительного анализа особенностей определения налоговой базы налогов на недвижимость в странах СНГ.

¹ Закон Республики Таджикистан от 17.09.2012 г. № 901 «Налоговый кодекс Республики Таджикистан» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31270626 (дата обращения: 12.02.2021).

² Закон Республики Узбекистан от 25.12.2007 г. № ЗРУ-136 «Налоговый кодекс Республики Узбекистан» // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421027 (дата обращения: 12.02.2021).

³ Приложение № 21 к Постановлению Президента Республики Узбекистан от 27.12.2016 г. № ПП-2699 «О прогнозе макроэкономических показателей и параметрах государственного бюджета Республики Узбекистан на 2017 год» // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=92582 (дата обращения: 12.02.2021).

Сравнительный анализ особенностей определения налоговой базы налогов на недвижимость в странах СНГ*

Comparative analysis of the real estate taxable income determination in the CIS countries

Страны	Земельный налог		Налог на имущество/недвижимость	
	юридическое лицо	физическое лицо	юридическое лицо	физическое лицо
Азербайджан	Sзу	Sзу	ОСср	Сон
Армения	ЗУкс (для с/х земель – ЧДр)	ЗУкс (для с/х земель – ЧДр)	ОНкс	ОНкс
Беларусь	ЗУкс (для с/х земель – Sзу)	ЗУкс (для с/х земель – Sзу)	СИост	ОНос по государственной оценке
Казахстан	Sзу	Sзу	ААср	Стоимость, определяемая ежегодно
Киргизия	Sзу	Sзу	$1 \text{ м}^2 (\text{нс}) \times \text{Сон}$	$1 \text{ м}^2 (\text{нс}) \times \text{Сон}$
Молдова	СИоц (кадастровая)	СИоц (кадастровая)	СИоц (кадастровая)	СИоц (кадастровая)
Россия	ЗУкс	ЗУкс	ОНкс, в случае отсутствия ОНср	ОНкс
Таджикистан	Sзу	Sзу	Сон	Сон
Узбекистан	Sзу (для с/х земель – НС)	Sзу (для с/х земель – НС)	ОНср	ОНкс

* Условные обозначения, использованные в таблице: Sзу – площадь земельных участков; Сон – площадь объектов недвижимости; СИост – остаточная стоимость имущества; СИоц – оцененная стоимость имущества; НС – нормативная стоимость; $1 \text{ м}^2 (\text{нс})$ – налогооблагаемая стоимость одного квадратного метра; ЗУкс – кадастровая стоимость земельного участка; ОСср – среднегодовая стоимость основных средств; ААср – среднегодовая стоимость амортизируемых активов; ОНср – среднегодовая стоимость объекта недвижимости; ОНос – оценочная стоимость объекта недвижимости; ОНкс – кадастровая стоимость объекта недвижимости; ЧДр – расчетный чистый доход.

Согласно результатам сравнительного анализа определение налоговой базы налогов на недвижимость в странах СНГ производится на основе:

1. Кадастровой или иной формы государственной оценки. Кадастровая оценка недвижимости – процесс трудоемкий, требующий системного подхода. Для проведения кадастровой оценки необходима разработка стандартов оценки, выбор грамотных специалистов-оценщиков, наличие большого объема данных. Достаточно часто проведение массовой кадастровой оценки усложняется плохим качеством информации, используемой для расчетов [41], что, в свою очередь, может привести к искажению стоимости объектов недвижимости.

2. Среднегодовой или остаточной стоимости объекта недвижимости. Определение налоговой базы по налогу на имущество на основании данных бухгалтерской отчетности не представляет существенных трудностей. Однако этот вариант не отражает реальную рыночную стоимость объекта не-

движимости, поскольку налоговая база зависит от величины затрат на приобретение недвижимости и обоснованности определения срока ее полезного использования. Также существенное влияние на величину налоговой базы будет оказывать выбранный способ начисления амортизации.

3. Площади объекта недвижимости. Этот способ определения налоговой базы также достаточно просто применять на практике. Вместе с тем его использование вынуждает законодателя вводить дифференцирование налоговых ставок в зависимости от местоположения объектов недвижимости, поскольку применение единой налоговой ставки при налогообложении двух качественно отличающихся объектов равной площади, находящихся на разных территориях, не является справедливым.

Следует отметить, что статья 4 Главы 6 Модельного Налогового кодекса предполагает для налога на имущество следующую вариативность определения налоговой базы: кадастровая оценка, инвентаризационная

оценка, балансовая остаточная стоимость основных средств¹.

Что касается земельного налога, то для исчисления налоговой базы предусмотрено использование кадастровой стоимости и площади участка². Следовательно, использование среднегодовой стоимости имущества не соответствует правилам Модельного Налогового кодекса, что свидетельствует об отставании процесса гармонизации налогообложения в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане согласно совместно принятому Модельному Налоговому кодексу СНГ.

На формирование налоговой системы оказывают существенное влияние экономические, исторические, политические факторы, которые могут как стимулировать, так и замедлять развитие и совершенствование налоговой системы стран СНГ. Разнообразие способов определения налоговой базы усложняет процессы совершенствования налогового законодательства единого экономического пространства СНГ в целом и Российской Федерации в частности.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НЕДВИЖИМОСТИ В РФ

Ранее нами контурно были выявлены проблемы, характерные для налогообложения недвижимости в России в контексте сравнительного анализа национальных систем налогообложения стран СНГ. Конкретизируем далее данные проблемы, усложняющие процессы совершенствования

налогового законодательства РФ для определения направлений совершенствования налогообложения недвижимости в нашей стране.

Во-первых, в настоящее время определение налоговой базы по налогу на имущество является непрозрачным. Так, если в налогообложении земель РФ установлена единая налоговая база в виде кадастровой стоимости земельного участка, справедливость налоговой нагрузки достигается регулированием величины налоговых ставок на местном уровне, то в налогообложении имущества присутствует вариативность выбора налоговой базы, возложенная на регионы. В целом в российском налогообложении происходит постепенный перевод налогообложения имущества с налоговой базы, определяемой по данным бухгалтерского учета (среднегодовая стоимость), на налоговую базу, регулирующую государством (кадастровая стоимость). Однако до сих пор существует «несправедливость» имущественного налогообложения для юридических лиц, поскольку не все объекты недвижимости облагаются налогом по кадастровой стоимости и достаточно велика доля объектов, налог на имущество которых определяется по среднегодовой стоимости. Это ставит в неравные условия налогоплательщиков – юридических лиц.

Во-вторых, в информационных базах данных содержится большое количество ошибок. Переход со среднегодовой стоимости на государственную кадастровую оценку усложняется тем, что многие объекты недвижимости впервые в своей истории получили кадастровую оценку. Понимание кадастровой оценки как оценки массовой, осложненной большим количеством некачественной информации, вынуждает искать инструменты для повышения ее прозрачности. Следует отметить, что на государственном уровне происходит постоянная доработка нормативных актов, регулирующих эти вопросы. Так, в 2020 г. был принят Федеральный закон № 269-ФЗ³, который внес суще-

¹ *Постановление* двадцать восьмого пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 31.05.2007 г. № 28-9 «Модельный Налоговый кодекс для государств – участников СНГ (Специальная часть: Глава 6. Налог на имущество)» // Консорциум «Кодекс»: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902053515> (дата обращения: 12.02.2021).

² *Постановление* двадцать восьмого пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 31.05.2007 г. № 28-9 «Модельный Налоговый кодекс для государств – участников СНГ (Специальная часть: Глава 7. Земельный налог)» // Консорциум «Кодекс»: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902053515> (дата обращения: 12.02.2021).

³ *Федеральный закон* от 31.07.2020 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358790/ (дата обращения: 12.02.2021).

ственные изменения в Федеральные законы № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке»¹ и № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»², а именно: сокращены сроки рассмотрения заявлений об исправлении ошибок в ЕГРН, регионы наделены возможностью массовых исправлений ошибок, а также уточнен перечень возможных к исправлению ошибок, обязанность исправлять которые была возложена на государственные бюджетные учреждения. При этом последние должны исправлять ошибки не только по тем объектам недвижимости, в отношении которых поступили заявления, но и по тем, на стоимость которых могла повлиять допущенная ранее неточность.

В-третьих, для региональных и местных налогов имеются различия в правилах их исчисления, приводящие к неравномерности распределения налогов между субъектами РФ. Территория Российской Федерации насчитывает 85 субъектов, более 20 тысяч муниципальных образований и более 150 тысяч населенных пунктов, значительно отличающихся друг от друга плотностью, количеством и качеством объектов недвижимости. Региональные рынки недвижимости значительно отличаются друг от друга специфической сегментацией, особенностями правового оформления сделок, уровнем ликвидности, динамикой колебания цен. Данные обстоятельства приводят к сложностям своевременного получения актуальной и достоверной информации о стоимости объектов недвижимости на территории РФ и далее к проблемам взимания и равномерности распределения налогов между субъектами РФ. Региональный характер налога на имущество организаций и местный характер налога на имущество физических лиц, а также земельного налога и возможность корректировки правил исчисления налогов

на региональном и местном уровне, с одной стороны, способствует индивидуализации подхода к налогоплательщикам, с другой – приводит к разночтениям в определении правил исчисления налога.

В-четвертых, недостаточно отработан механизм процедуры кадастровой оценки недвижимости. В 2020 г. в 76 субъектах РФ (из 85) проводилась государственная кадастровая оценка недвижимости, в начале 2021 г. результаты определения кадастровой стоимости были внесены в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), который ведет Росреестр. Ежегодно 3–4 % обращений в Росреестр связаны с вопросами государственной кадастровой оценки недвижимости, большинство из которых могут быть сняты повышением качества проведенной процедуры расчета стоимости.

Для получения справедливой кадастровой оценки, удовлетворяющей требованиям всех субъектов налоговой системы РФ, на наш взгляд, необходимо вести целенаправленную работу в следующих направлениях.

Первое – повышение удобства администрирования налога. Отметим, что первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, для налогоплательщиков – физических лиц сумму налога, используя данные ЕГРН, рассчитывает Федеральная налоговая служба. В случае выявления ошибок расчета (неверная величина налоговой базы, неверное применение налоговых льгот, неприменение налоговых льгот, «лишние» имущественные объекты и др.) налогоплательщик через Личный кабинет на сайте *nalog.ru* или в письменном сообщении описывает ошибку и ожидает ее исправления от ФНС. Администрирование налогообложения юридических лиц затруднено вариативностью налоговой базы. Если правильность исчисления налога при налоговой базе, определяемой как кадастровая стоимость, проверить очень легко, то при использовании среднегодовой стоимости имущества автоматическая проверка правильности определения налоговой базы затруднена. Более того, следует также учитывать величину затрат на приобретение недвижимости (например, в случае сделок между взаимозависимыми лицами и др.), способ начисления амортизации, правиль-

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (дата обращения: 12.02.2021).

² Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 12.02.2021).

ность определения срока полезного использования объекта и другие факторы. Для дальнейшего совершенствования имущественного налогообложения необходимо осуществить окончательный переход на определение налоговой базы при помощи государственной кадастровой оценки, что позволит упростить проверку корректности исчисления налога.

Второе – обеспечение справедливости определения кадастровой стоимости имущества для целей налогообложения. Массовость проведения кадастровой оценки является причиной большого количества ошибок в расчете налоговой базы. Однако неверно только массовостью оценки объяснять ошибки расчета. Перевод данных ЕГРН на цифровые носители затруднен разнообразием данных, хранимых на бумажных носителях, некачественностью переноса данных на цифровые носители, большим объемом сведений, необходимых для расчета, колоссальным объемом информации, ранее хранимом на бумажных носителях и переносимом на цифровые носители. Для сокращения подобных ошибок государственной кадастровой оценки необходимо обеспечение постоянного контроля уровня качества информации на всех этапах работы с ней, в том числе при помощи информационных технологий.

Третье – исправление ошибок в системе ЕГРН. Помимо некорректно определенной государственной кадастровой стоимости имущества в отдельных случаях по объектам недвижимости кадастровая стоимость отсутствует либо данные объекта недвижимости не включены в ЕГРН и др. Требуется постоянный мониторинг информации, включенной в ЕГРН, в том числе через ее сопоставление с другими информационными базами данных.

Четвертое – упрощение использования льгот по налогам. Заявительный характер большинства льгот по налогу на недвижимость и отсутствие информации об условиях их предоставления ограничивает права собственников имущества и затрудняет возможность их использования. Перечень льгот, ставки налогов, критерии и порядок предоставления льгот по налогу на имуще-

ство или освобождение от уплаты налога отличаются в различных субъектах РФ. Налогоплательщики зачастую не имеют информации о наличии у них возможности использования тех или иных льгот и снижения налоговой нагрузки. По мнению авторов, необходимо распространить беззаявительный порядок предоставления налоговых льгот для большинства категорий налогоплательщиков, в первую очередь для физических лиц. Цифровые технологии позволяют автоматизировать процесс передачи всей необходимой информации для предоставления льгот из государственных регистрирующих органов, Пенсионного фонда, органов соцзащиты и другие в налоговые органы.

Пятое – постоянное информирование налогоплательщиков о правилах расчета имущественных налогов, возможных налоговых льготах, величине налоговых ставок, сроках уплаты налогов. Отсутствие «привычки» платить налог на имущество лишь усугубляет ситуацию. Физические лица привыкли к незначительности суммы налога, юридические лица – к уменьшающейся сумме налогового платежа, связанной с уменьшением среднегодовой стоимости имущества в связи с начислением амортизации. Разъяснение правил уплаты налогов, сокращение изменений в правилах исчисления налогов, своевременное и корректное информирование налогоплательщиков позволит повысить сознательность налогоплательщиков и увеличить собираемость налогов.

Шестое – повышение требований к специалистам государственных бюджетных учреждений, выполняющих государственную кадастровую оценку. Для выполнения работ по государственной кадастровой оценке необходимо привлечение высококвалифицированных специалистов-оценщиков, имеющих профильное образование и опыт практической работы, проходящих постоянное повышение квалификации, несущих персональную ответственность за результаты своей работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях современной экономики все экономические процессы имеют тенденцию к глобализации. Система налогообложения не является исключением. В таких условиях появляется возможность использования лучших зарубежных практик налоговых систем с целью повышения эффективности налогового администрирования и национальной налоговой системы в целом.

В данном исследовании проведен сравнительный анализ особенностей определения налоговой базы налогов на недвижимость в странах СНГ, который позволит разработать пути совершенствования налоговой политики России.

Реализуемый в Российской Федерации процесс перевода налоговой базы объектов недвижимости от среднегодовой стоимости

к кадастровой оценке соответствует общемировому тренду [42], повышая справедливость налогообложения. Для совершенствования системы налогообложения недвижимости в Российской Федерации необходимо повышение удобства налогового администрирования и простоты определения налоговой базы. Недостатки кадастровой оценки могут быть нивелированы путем повышения качества информационных данных, разработки цифровых инструментов для массовой оценки объектов недвижимости, оцифровки кадастровых данных, расширения объема информации, содержащейся в кадастре.

Дальнейшее исследование будет направлено на более подробный анализ правил определения справедливой кадастровой стоимости недвижимости с целью устранения недостатков существующей методики оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский И.В. Модельный Налоговый кодекс СНГ как инструмент интеграции // Финансовый журнал. 2012. № 2. С. 31–36.
2. Клириков А.Г., Мошкова Г.Н. О налогообложении государств-участников СНГ // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 4. С. 123–127.
3. Смирнов В.И. Налогообложение в странах Содружества Независимых Государств // Обеспечение экономической безопасности России в современных условиях. 2018. С. 389–392.
4. Пилипенко И.В., Пищик В.Я., Бунич Г.А. Переход к рыночной экономике и структурные реформы в государствах-членах Евразийского экономического союза. СПб.: Научное издание, 2019. 976 с.
5. Лукашова И.В. Сравнительный анализ налога на жилую недвижимость в странах Центральной Азии // Финансы и управление. 2016. № 2. С. 1–21. doi: 10.7256/2409-7802.2016.2.17578.
6. Григоров К.Н. Сравнительно-правовой анализ регулирования налогов на имущество организаций Республики Беларусь и Республики Казахстан // Финансовое право. 2015. № 5. С. 31–37.
7. Зозуля В.В., Журавлев П.Д. Гармонизация налоговых систем как способ ограничения налоговой конкуренции в условиях интеграции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 23. С. 33–39.
8. Гусейнова Г.М. Тенденции развития налоговых и бюджетных систем стран СНГ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2009. № 3. С. 49–57.
9. Голодова Ж.Г., Ранчинская Ю.С. Налогообложение недвижимого имущества стран СНГ // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 37 (331). С. 11–22.
10. Кузнецов Л.Д. Актуальность изучения налоговых систем России и зарубежных стран // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 125–128.
11. Косенкова Ю.Ю. Зарубежный опыт налогообложения недвижимости // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, № 4. С. 61–64.
12. Симакова Е.К. Правовой режим налога на имущество физических лиц: российский и зарубежный опыт // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 2. С. 78–83.
13. Адигамова Ф.Ф., Орлова М.Е. Пути гармонизации налогового регулирования в странах СНГ и ЕАЭС // Вестник экономики, права и социологии. 2019. Т. 2, № 3. С. 6–12.
14. Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С. 25 лет СНГ и евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и перспективы // Экономическая наука современной России. 2017. № 2 (77). С. 123–136.
15. Валиев Д.С., Хабарова И.А. История развития государственного кадастрового учета // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2018. № 4. С. 20–32.

16. Ахмедов М.М. Проблемы совершенствования механизмов применения налога на недвижимость в Азербайджане // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 2. С. 20–25.
17. Маргарян Р.А. Проблемы и перспективы имущественного налогообложения в Республике Армения // Налоги и налогообложение. 2019. № 1. С. 1–6. doi: 10.7256/2454-065X.2019.1.28721.
18. Тулько В.А. Проблемы и перспективы развития налога на недвижимость в Республике Беларусь // НИРС БГЭУ: сб. науч. ст. 2019. Вып. 8. С. 157–159.
19. Ицук Т.Л., Баймухаметова А.С. Особенности налогообложения физических лиц с имущества и прочих доходов в России и Казахстане // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 42. С. 139–160. doi: 10.17223/19988648/42/10.
20. Тажиханов А. Налогообложение недвижимости Республики Казахстан // Современные инновации. 2017. № 4 (18). С. 24–27.
21. Лукашова И.В. Сравнительный анализ фискальной эффективности действующего налога на жилую недвижимость и налоговых инициатив в Киргизской Республике // Налоги и налогообложение. 2018. № 2. С. 33–44. doi: 10.7256/2454-065X.2018.2.25439.
22. Рысалиева М.Ш. Перспективы развития имущественного налогообложения в Кыргызской Республик // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 2 (3). С. 193–196.
23. Рысалиева М.Ш. О роли земельного налога в формировании доходов государственного бюджета Кыргызской Республики // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 2-2 (92). С. 122–125. doi: 10.23670/IRJ.2020.92.2.057.
24. Баранова Л.Г., Федорова В.С. Экономические последствия изменений имущественного налогообложения на макро- и микроуровне // Экономические исследования и разработки. 2020. № 5. С. 7–12.
25. Бузу О.В., Гуцу В.Г., Гуцу Д.В. Кадастр недвижимого имущества в Республике Молдова: Опыт междисциплинарного исследования: монография. Кишинев: CEP USM, 2016. 154 с.
26. Бузу О. Совершенствование организации оценки недвижимого имущества в целях налогообложения в Республике Молдова // Economic growth in conditions of globalization. 2016. С. 119–122.
27. Жукова Д.Ю. Будущее налога на недвижимость // Теория и практика бухгалтерского учета и налогообложения. 2016. С. 74–80.
28. Турбина Н.М. Проблемы кадастровой оценки при взимании имущественных налогов // Актуальные вопросы совершенствования бухгалтерского учета, статистики и налогообложения организаций: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т.; Тамбов, 15 февраля 2019 г. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. Т. 2. С. 58–64.
29. Куданов Р.Т. Перспективы введения единого налога на недвижимое имущество в России // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей: сб. науч. ст.; Саратов, 26 апреля 2018 г. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 136–138.
30. Вылкова Е.С. Направления совершенствования имущественного налогообложения в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 12 (1). С. 127–135. doi: 10.26794/1999-849X-2019-12-1-127-135.
31. Коростелев С.П. Концептуальные проблемы налогообложения недвижимости в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 7 (190). С. 58–69.
32. Грибовский С.В. К вопросу о качестве кадастровой оценки объектов недвижимости для целей налогообложения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 9 (216). С. 24–29.
33. Шишкина В.А., Хуит Н.И. Практический опыт единого налогообложения недвижимости // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2020. № 6. С. 121–129. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/3079> (дата обращения: 12.02.2021).
34. Джурсаева Г.А. Налогообложение в Республике Таджикистан: проблемы и перспективы // Вестник Российско-Таджикского (Славянского) университета. 2018. № 2. С. 160–167.
35. Блиничкина Н.Ю. Налоговая политика Республики Таджикистан в ракурсе экономической безопасности: ошибки и перспективы // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2018. № 23. С. 133–137.
36. Маъмуров А.М., Номанова А.С. Тенденции развития налогового администрирования в Таджикистане // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2014. № 1. С. 144–151.

37. Хамидова С.Х. Роль налоговой системы Республики Таджикистан в структуре национальной экономики // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2019. № 5-2. С. 20–26.

38. Нажмиидинов М.М., Надеждина С.Д. К вопросу об эффективности налоговой системы Республики Таджикистан // Актуальные направления научной мысли: проблемы и перспективы: сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. (нац.) конф.; Новосибирск, 18–20 марта 2019 г. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2019. С. 303–312.

39. Джумабаев Х.К. Некоторые аспекты совершенствования налоговой системы Республики Таджикистан в условиях рыночной экономики // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 6. С. 123–127.

40. Ниязметов И., Воронин С., Коробоев Б., Угай Д. О пути реформирования налога на имущество в Республике Узбекистан // Общество и экономика. 2021. № 3. С. 30–43.

41. Дайнеко Л.В. Проблемы, возникающие при массовой кадастровой оценке недвижимости // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. XI Междунар. конф.: в 2 т.; Екатеринбург, 17–19 ноября 2016. В 2-х томах. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. Ч. 2. С. 241–244.

42. Дементьева М.А., Захарова А.В., Кирова Е.А. Опыт налогообложения недвижимого имущества физических лиц в зарубежных странах и его применение в России // Вестник университета. 2019. № 1. С. 100–107. doi: 10.26425/1816-4277-2019-1-100-107.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Людмила Владимировна Дайнеко – старший преподаватель кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: l.v.daineko@urfu.ru).

Наталья Вадимовна Гончарова – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: n.v.goncharova@urfu.ru).

Наталья Михайловна Караваева – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: n.m.karavaeva@urfu.ru).

Инна Игоревна Юрасова – старший преподаватель кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: i.i.iurasova@urfu.ru).

REFERENCES

1. Gorskii I.V. Model'nyi Nalogovyi kodeks SNG kak instrument integratsii [CIS model tax code as an instrument of integration]. *Finansovyi zhurnal* [Financial Journal], 2012, no. 2, pp. 31–36. (In Russian).

2. Klirikov A.G., Moshkova G.N. O nalogooblozhenii gosudarstv-uchastnikov SNG [Taxation in CIS countries]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxation. Law], 2014, no. 4, pp. 123–127. (In Russian).

3. Smimov V.I. Nalogooblozhenie v stranakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv [Taxation in the Commonwealth of Independent States]. *Obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii v sovremennykh usloviyakh* [Economic Security in Russia in Modern Context], 2018, pp. 389–392. (In Russian).

4. Pilipenko I.V., Pishchik V.Ya., Bunich G.A. *Perekhod k rynochnoi ekonomike i strukturnye reformy v gosudarstvakh-chlenakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [Transition to the market economy and structural reforms in members states of the Eurasian Economic Union]. Saint Petersburg, Naukoemkie tekhnologii Publ., 2019. 976 p. (In Russian).

5. Lukashova I.V. Sravnitel'nyi analiz naloga na zhiluyu nedvizhimost' v stranakh Tsentral'noi Azii [Comparative analysis of tax on housing in the Baltic countries]. *Finansy i upravlenie* [Finance and Management], 2016, no. 2, pp. 1–21. (In Russian). doi: 10.7256/2409-7802.2016.2.17578.

6. Grigorov K.N. Sravnitel'no-pravovoi analiz regulirovaniya nalogov na imushchestvo organizatsii Respubliki Belarus' i Respubliki Kazakhstan [Comparative law analysis of regulation of company's property taxes in the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2015, no. 5, pp. 31–37. (In Russian).
7. Zozulya V.V., Zhuravlev P.D. Garmonizatsiya nalogovykh sistem kak sposob ogranicheniya nalogovoi konkurentsii v usloviyakh integratsii [Harmonization of tax systems as a method of limitation of tax competition in conditions of integration]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2014, no. 23, pp. 33–39. (In Russian).
8. Guseinova G.M. Tendentsii razvitiya nalogovykh i byudzhetykh sistem stran SNG [Tendencies of tax and budgetary systems development of the CIS countries]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Economics], 2009, no. 3, pp. 49–57. (In Russian).
9. Golodova Zh.G., Ranchinskaya Yu.S. Nalogooblozhenie nedvizhimogo imushchestva stran SNG [Taxation of real estate of citizens: Experience of the CIS countries]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet* [International Accounting], 2014, no. 37 (331), pp. 11–22. (In Russian).
10. Kuznetsov L.D. Aktual'nost' izucheniya nalogovykh sistem Rossii i zarubezhnykh stran [Relevance of studying the tax systems of Russia and foreign countries]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2020, no. 10, pp. 125–128. (In Russian).
11. Kosenkova Yu.Yu. Zarubezhnyi opyt nalogooblozheniya nedvizhimosti [Foreign practices of real estate taxation]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes], 2014, vol. 9, no. 4, pp. 61–64. (In Russian).
12. Simakova E.K. Pravovoi rezhim naloga na imushchestvo fizicheskikh lits: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Legal regime of natural person's property taxation mode: Russian and foreign experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii* [Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy], 2016, no. 2, pp. 78–83. (In Russian).
13. Adigamova F.F., Orlova M.E. Puti garmonizatsii nalogovogo regulirovaniya v stranakh SNG i EAES [Ways of harmonization of tax regulation in the CIS and EAEU countries]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2019, vol. 2, no. 3, pp. 6–12. (In Russian).
14. Ziyadullaev N.S., Ziyadullaev U.S. 25 let SNG i evraziiskie integratsionnye proekty: ozhidaniya, razocharovaniya i perspektivy [25 years of CIS and Eurasian integration projects: expectations, disappointments and perspectives]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2017, no. 2 (77), pp. 123–136. (In Russian).
15. Valiev D.S., Khabarova I.A. Istoriya razvitiya gosudarstvennogo kadastrivogo ucheta [History of state cadastral registration development]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh nauk i tekhnologii «Integral»* [International Journal of Applied Sciences and technologies “Integral”], 2018, no. 4, pp. 20–32. (In Russian).
16. Akhmedov M.M. Problemy sovershenstvovaniya mekhanizmov primeneniya naloga na nedvizhimost' v Azerbaidzhane [Improvement problems the mechanism of taxation of real estate in Azerbaijan]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice], 2016, no. 2, pp. 20–25. (In Russian).
17. Margaryan R.A. Problemy i perspektivy imushchestvennogo nalogooblozheniya v Respublike Armeniya [Problems and future of the real estate taxation in the Republic of Armenia]. *Nalogi i nalogooblozhenie* [Taxes and Taxation], 2019, no. 1, pp. 1–6. (In Russian). doi: 10.7256/2454-065X.2019.1.28721.
18. Tul'ko V.A. Problemy i perspektivy razvitiya naloga na nedvizhimost' v Respublike Belarus' [Problems and future development of real estate taxation in the Republic of Belarus]. *NIRS BGEU: sbornik nauchnykh statei* [Scientific Resource of Belarus State University of Economics: Collection of Works], 2019, iss. 8, pp. 157–159. (In Russian).
19. Ishchuk T.L., Baimukhametova A.S. Osobennosti nalogooblozheniya fizicheskikh lits s imushchestva i prochikh dokhodov v Rossii i Kazakhstane [Features of taxation of individuals from property and other income in Russia and Kazakhstan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics], 2018, no. 42, pp. 139–160. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/42/10.
20. Tazhikhanov A. Nalogooblozhenie nedvizhimosti Respubliki Kazakhstan [Taxation of real estate in the Republic of Kazakhstan]. *Sovremennye innovatsii* [Modern Innovations], 2017, no. 4 (18), pp. 24–27. (In Russian).
21. Lukashova I.V. Sravnitel'nyi analiz fiskal'noi effektivnosti deistvuyushchego naloga na zhiluyu nedvizhimost' i nalogovykh initsiativ v Kirgizskoi Respublike [Comparative analysis of fiscal efficiency for the acting real estate tax and tax initiatives in the Kyrgyz Republic]. *Nalogi i nalogooblozhenie* [Taxes and Taxation], 2018, no. 2, pp. 33–44. (In Russian). doi: 10.7256/2454-065X.2018.2.25439.

22. Rysaliev M.Sh. Perspektivy razvitiya imushchestvennogo nalogooblozheniya v Kyrgyzskoi Respublike [Prospects for the development of property taxation in the Kyrgyz Republic]. *Evrasiiskoe Nauchnoe Ob"edinenie* [Eurasian Scientific Association], 2020, no. 2 (3), pp. 193–196. (In Russian).

23. Rysaliev M.Sh. O roli zemel'nogo naloga v formirovanii dokhodov gosudarstvennogo byudzheta Kyrgyzskoi Respubliki [On the role of land tax in the formation of gains of the state budget in Kyrgyz Republic]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 2020, no. 2-2 (92), pp. 122–125. (In Russian). doi: 10.23670/IRJ.2020.92.2.057.

24. Baranova L.G., Fedorova V.S. Ekonomicheskie posledstviya izmenenii imushchestvennogo nalogooblozheniya na makro i mikrourovne [Economic consequences of changes in property taxation at the macro and micro levels]. *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki* [Economic Development Research Journal], 2020, no. 5, pp. 7–12. (In Russian).

25. Buzu O.V., Gutsu V.G., Gutsu D.V. Kadastr nedvizhimogo imushchestva v Respublike Moldova: Opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. Monografiya [Estate property cadaster in the Republic of Moldova: A case of interdisciplinary research. Monograph]. Kishinev, CEP USM Publ., 2016. 154 p. (In Russian).

26. Buzu O. Sovershenstvovanie organizatsii otsenki nedvizhimogo imushchestva v tselyakh nalogooblozheniya v Respublike Moldova [Better organization of real estate evaluation for taxation purposes in the Republic of Moldova]. *Economic Growth in Conditions of Globalization*, 2016, pp. 119–122. (In Russian).

27. Zhukova D.Yu. Budushchee naloga na nedvizhimost' [Future real estate taxation]. *Teoriya i praktika bukhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya* [Theory and Practice of Accounting and Taxation], 2016, pp. 74–80. (In Russian).

28. Turbina N.M. Problemy kadastrovoi otsenki pri vzimanii imushchestvennykh nalogov [Cadastral evaluation problems for property tax collection]. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya bukhgalterskogo ucheta, statistiki i nalogooblozheniya organizatsii. Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 tomakh. Tambov, 15 fevralya 2019 g.* [Relevant issues of better accounting, statistics, and taxation of organizations. Proceedings from VIII International Scientific Practical Conference: In 2 volumes. Tambov, 15 February 2019]. Tambov, Izdatel'skii dom «Derzhavinskii» Publ., 2019, vol. 2, pp. 58–64. (In Russian).

29. Kudanov R.T. Perspektivy vvedeniya edinogo naloga na nedvizhimoe imushchestvo v Rossii [Future possible introduction of common real estate tax in Russia]. *Aktual'nye problemy pravovogo, sotsial'nogo i politicheskogo razvitiya Rossii. Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov, soiskatelei: sbornik nauchnykh statei. Saratov, 26 aprelya 2018 g.* [Relevant issues of law, social, and political development in Russia. Proceedings from XI International Scientific Practical Conference among students, Master's degree students, Postgraduates: Collection of scientific papers. Saratov, 26 April 2018]. Saratov, «Saratovskii istochnik» Publ., 2018, pp. 136–138. (In Russian).

30. Vylkova E.S. Napravleniya sovershenstvovaniya imushchestvennogo nalogooblozheniya v Rossiiskoi Federatsii [Improving the property taxation in the Russian Federation]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxation. Law], 2019, no. 12 (1), pp. 127–135. (In Russian). doi: 10.26794/1999-849X-2019-12-1-127-135.

31. Korostelev S.P. Kontseptual'nye problemy nalogooblozheniya nedvizhimosti v Rossiiskoi Federatsii [Conceptual problems of property taxation in the Russian Federation]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2017, no. 7 (190), pp. 58–69. (In Russian).

32. Gribovskii S.V. K voprosu o kachestve kadastrovoi otsenki ob"ektov nedvizhimosti dlya tselei nalogooblozheniya [On the question about the quality of cadastral evaluation of the property units for taxation purposes]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2019, no. 9 (216), pp. 24–29. (In Russian).

33. Shishkina V.A., Khusht N.I. Prakticheskii opyt edinogo nalogooblozheniya nedvizhimosti [Practical experience of unified real estate taxation]. *Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU»* [Scientific Works of the Kuban State Technological University], 2020, no. 6, pp. 121–129. Available at: <http://ntk.kubstu.ru/file/3079> (accessed 12.02.2021).

34. Dzhuraeva G.A. Nalogooblozhenie v Respublike Tadjikistan: problemy i perspektivy [Taxation in the Republic of Tajikistan: Problems and prospects]. *Vestnik Rossiisko-Tadjikskogo (Slavyanskogo) universiteta* [Bulletin of Russian-Tajik Slavonic University], 2018, no. 2, pp. 160–167. (In Russian).

35. Blinichkina N.Yu. Nalоговая политика respubliki Tadjikistan v rakurse ekonomicheskoi bezopasnosti: oshibki i perspektivy [Tax policy of the Republic of Tajikistan in the foreshortening of economic security: Errors and prospects]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire* [Fundamental and Applied Studies in Modern World], 2018, no. 23, pp. 133–137. (In Russian).

36. Ma"murov A.M., Nomanova A.S. Tendentsii razvitiya nalogovogo administrirovaniya v Tadjikistane [Tendencies of development in reference to tax administering in Tajikistan]. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk* [Bulletin of TSULBP. Series of Social Sciences], 2014, no. 1, pp. 144–151. (In Russian).

37. Khamidova S.Kh. Rol' nalogovoi sistemy Respubliki Tadjikistan v strukture natsional'noi ekonomiki [Role of tax system of the Republic of Tajikistan in the structure of the national economy]. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya sotsial'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk* [Bulletin of Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences], 2019, no. 5-2, pp. 20–26. (In Russian).

38. Nazhmiddinov M.M., Nadezhdina S.D. K voprosu ob effektivnosti nalogovoi sistemy Respubliki Tadjikistan [On the efficiency of the taxation system in the Republic of Tajikistan]. *Aktual'nye napravleniya nauchnoi mysli: problemy i perspektivy. Sbornik materialov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi (natsional'noi) konferentsii. Novosibirsk, 18–20 marta 2019 g.* [Relevant Areas in Scientific Thought: Problems and Prospects. Collection of Materials from VI Russian Scientific Practical (National) Conference. Novosibirsk, 18–20 March 2019]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i upravleniya "NINKh" Publ., 2019, pp. 303–312. (In Russian).

39. Dzhumabaev Kh.K. Nekotorye aspekty sovershenstvovaniya nalogovoi sistemy Respubliki Tadjikistan v usloviyakh rynochnoi ekonomiki [Some aspects of improving the taxation system in the Republic of Tajikistan in the context of market economy]. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya sotsial'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk* [Bulletin of Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences], 2018, no. 6, pp. 123–127. (In Russian).

40. Niyazmetov I., Voronin S., Koraboev B., Ugai D. O puti reformirovaniya naloga na imushchestvo v Respublike Uzbekistan [Ways of property tax reform in the Republic of Uzbekistan]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2021, no. 3, pp. 30–43. (In Russian).

41. Daineko L.V. Problemy, vznikayushchie pri massovoi kadaastrovoi otsenke nedvizhimosti [Mass cadastral evaluation of real estate problems]. *Rossiiskie regiony v fokuse peremen. Sbornik dokladov XI Mezhdunarodnoi konferentsii. Ekaterinburg, 17–19 noyabrya 2016 g. V 2-kh tomakh.* [XI International Conference "Russian Regions in the Focus of Changes". Yekaterinburg, 17–19 November 2016. In 2 volumes]. Yekaterinburg, UMTs UPI Publ., 2016, vol. 2. pp. 241–244.

42. Dement'eva M.A., Zakharova A.V., Kirova E.A. Opyt nalogooblozheniya nedvizhimogo imushchestva fizicheskikh lits v zarubezhnykh stranakh i ego primenenie v Rossii [Experience of taxation of real estate of individuals in foreign countries and its application in Russia]. *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 2019, no. 1, pp. 100–107. (In Russian). doi: 10.26425/1816-4277-2019-1-100-107.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liudmila Vladimirovna Daineko – Senior Lecturer at the Department of Economics and Management in Construction and Real Estate Market, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: l.v.daineko@urfu.ru).

Natalia Vadimovna Goncharova – Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management at Metallurgical and Machine-Building Enterprises, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: n.v.goncharova@urfu.ru).

Natalia Mikhailovna Karavaeva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management in Construction and Real Estate Market, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: n.m.karavaeva@urfu.ru).

Inna Igorevna Yurasova – Senior Lecturer at the Department of Economics and Management in Construction and Real Estate Market, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: i.i.yurasova@urfu.ru).

Статья поступила в редакцию 03.05.2021, принята к печати 23.06.2021

Received May 03, 2021; accepted June 23, 2021

doi 10.17072/1994-9960-2021-2-127-149
JEL Code D02, E02, E14
УДК 330.34, ББК 65.01

© Сухарев О.С., 2021

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ИМПОРТ ИНСТИТУТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Олег Сергеевич Сухарев

ORCID ID: [0000-0002-3436-7703](https://orcid.org/0000-0002-3436-7703), Researcher ID: [C-3767-2018](https://orcid.org/C-3767-2018), e-mail: o_sukharev@list.ru

Институт экономики Российской академии наук (Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32)

В современной экономике актуализируются проблемы институциональной конкуренции, выражающиеся в перманентном несоблюдении правил экономическими агентами, вводе новых институтов, стандартов и договоренностей, разрушении действующей системы институтов. Наиболее значимой формой институциональной конкуренции является импорт институтов. В процессе их заимствования внутренние институты и организационные формы испытывают влияние привнесенных правил, становятся, как и их исполнители, зависимыми от них. Это дает инициатору установления данных правил определенную выгоду и ведущую роль в институциональной конкуренции. Цель исследования – на основе теоретического обоснования феномена институциональной конкуренции предложить унифицированную методику оценки качества действующих и вновь вводимых институтов для принятия управленческих решений по коррекции институциональной системы. Методологию исследования составляет институциональная теория и подходы к оценке классической и функциональной эффективности, а также в области оценки качества функционирования институтов, под которыми понимаются формальные нормы и организационные структуры, в частности, институты развития в виде агентств регионального развития. Результатом исследования стала построенная общая модель институциональной конкуренции с позиционированием эффекта блокировки и дисфункции импортируемого института, а также предложенная унифицированная методика сравнительной оценки качества действующих и импортируемых институтов. Обосновано, что фабула теоремы Коуза противоположна «эффекту блокировки» (*lock in эффект*), а институциональная конкуренция по условию теоремы Коуза отсутствует. Показано, что на практике в случае институциональной конкуренции транзакционные издержки не равны нулю. При импорте институтов издержки могут возрастать, а эффект блокировки и дисфункции институтов усиливаться. В связи с этим требуется обоснование необходимости ввода новых институтов с учетом не только параметров эффективности их функционирования в других странах, но и условий социально-экономической системы, где они предполагаются быть использованными, и аспекта институциональной конкуренции. Феномен институциональной конкуренции рассмотрен на примере импорта институтов развития в виде агентств регионального развития. Перспективы настоящего исследования видятся в апробации предлагаемого подхода по оценке качества институтов и построенных моделей определения допустимого объема импорта институтов.

Ключевые слова: институты, институциональная конкуренция, импорт институтов, «эффект блокировки», дисфункция институтов, институты развития, агентства регионального развития, теорема Коуза, внешние эффекты.

Для цитирования:

Сухарев О.С. Институциональная конкуренция и импорт институтов: теоретические аспекты // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Том 16. № 2. С. 127–149. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-127-149

INSTITUTIONAL COMPETITION AND IMPORT OF INSTITUTIONS: THEORETICAL ASPECTS

Oleg S. Sukharev

ORCID ID: [0000-0002-3436-7703](https://orcid.org/0000-0002-3436-7703), Researcher ID: [C-3767-2018](https://orcid.org/C-3767-2018), e-mail: o_sukharev@list.ru

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russia)

Modern economy updates the problems of institutional competitions manifested in permanent non-compliance with the rules by the economic agents, the introduction of new institutions, standards, agreements, destruction of the current institution system. The import of the institutions is the most relevant type of the institutional competition. The borrowing of the institutions exert the impact of the established rules on the internal institutions and organizational forms, thus becoming dependent, just like their executors. This provides the initiator of the introduced rules with some benefits and the leading role in the institutional competition. The purpose of the research is to use theory of the institutional competition to propose a unified quality assessment method for the acting and re-introduced institutions to approve of the managerial decisions aimed to adjust the institutional system. The research methodology consists of institutional theory and assessment approaches to classical and functional efficiency, as well as in the field of quality assessment for the institution performance, which are defined as abstract norms and organizational structures, including the development institutions as regional development agencies. The result of the study was a designed general model of institutional competition, presentation of the blocking effect and dysfunction of the imported institution, as well as the proposed unified comparative assessment method for the quality of acting and imported institutions. It is also substantiated that the plot of the Coase theorem is opposite to the "lock-in" effect, while the Coase theorem lacks institutional competition. In practice, transactional costs are shown not to be equal to zero for the institutional competition. When institutions are imported, costs can increase with lock-in effects and dysfunction. In this regard, the introduction of new institutions should be justified with the parameters of the performance efficiency in some countries and with the conditions of the social economic system where they are supposed to be used, taking into account the institutional competition. The institutional competition is showcased as the import of development institutions as regional development agencies. Further research is seen to be connected with testing the proposed approach under the quality assessment criteria from the institutions and designed models for determining the permissible volume of imports of institutions.

Keywords: institutions, agents, institutional competition, import of institutions, lock-in effect, dysfunction of institutions, development institutions, regional development agencies, Coase theorem, external effects.

For citation:

Sukharev O.S. Institutional competition and import of institutions: Theoretical aspects. *Perm University Herald. Economy*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 127–149. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-127-149

ВВЕДЕНИЕ

Предмет современных исследований в области институциональной теории включает эволюцию отдельных институтов [1], функционирование правил и организаций на коротких и длинных интервалах времени [2; 3], контракты [4], гибридные механизмы осуществления сделок и промежуточных институтов, которые связывают базисную архитектуру правил и действия конкретных

экономических агентов [5]¹. Значительный пласт исследований посвящен изучению влияния институтов на развитие конкретных секторов экономики и отдельных организаций, например, обеспечение экономического роста, в том числе в сельских районах [7], решение экологических и правовых проблем экономического развития [8; 9], включая аспекты доверия. Достаточно большое количество работ посвящено вопросам эффек-

¹ Отдельно выделяются исследования по методологии институционального анализа [6].

тивного функционирования институтов и трансакционным издержкам¹ [2; 10–15]. Институты могут заимствоваться – импортироваться из одной социально-экономической среды в другую, тем самым порождая различные эффекты взаимодействия с уже работающими в этой среде институтами. Имеются и рамочные условия изменения правил внутри страны в виде неких стандартов и международных обязательств, членства в международных организациях, что вынуждает выполнять установленные вновь правила. Возникает особое состояние, определяемое состязанием игроков в международной конкуренции, а также конкуренции внутри страны за то, кто из них будет устанавливать правила и влиять на их изменение. Так может быть обеспечен и контроль рынков. Более того, появляются работы по стандартам интервенций в целях государственного строительства [16], в которых рассматривается вопрос импорта правил для выстраивания системы государственного управления и демократического выбора. Строго говоря, указанная работа Р. Майерсона [16] формирует подход с позиции институциональной конкуренции, но в конкретном случае изучается вопрос условий интервенции и по существу принудительного импорта институтов. Однако выбор, в том числе институциональный, осуществляют экономические агенты, поэтому конкуренция по правилам осуществляется посредством агентов.

Под институциональной конкуренцией будем понимать такой вид конкуренции агентов, проектирующих, внедряющих и корректирующих работу институтов², когда посредством правил удастся получить определенные выгоды, причем не только прибыль, но и выгоды нематериального характера в виде конкурентной победы. Причем

¹ Объем литературы здесь является колоссальным, но обзор или приведение значительного числа источников по этим вопросам не является целью настоящего исследования. Например, самостоятельным направлением исследования выступает измерение трансакционных видов деятельности и трансакционного сектора, анализ и методики оценки различных процессов его развития.

² В статье термины «институт», «норма», «правило» употребляются в равнозначном смысле – как законодательно или административно установленные – формальные институты.

эти выгоды могут быть приобретены с течением времени, со значительной отсрочкой в связи с тем, что правила могут иметь пролонгированное действие. Тем самым институциональная конкуренция выступает выражением стратегической экономической игры, особенно когда она имеет форму распространения правил на агентов других стран посредством международных институтов и организаций, а также при проведении политики импорта институтов. Тем самым формируется и распространяется контроль экономического поведения, так как правила и переносимые институты детерминируют определенные модели поведения агентов, исполняющих эти правила, что обеспечивает предсказуемость поведения и задает диапазон хозяйственных возможностей.

В связи со сказанным цель настоящего исследования – на основе теоретического обоснования феномена институциональной конкуренции предложить унифицированную методику оценки качества действующих и вновь вводимых институтов для принятия управленческих решений по коррекции институциональной системы. Выбирается не только более эффективное правило, которое до ввода еще не имеет эффективности в данной экономике, но и такое, которое дает более высокое ожидание качества. Конечно, специфической стороной любых институциональных исследований, не только теоретических, но и полевых, выступает то, что пока институт не функционирует, что-то сказать о его эффективности или качестве можно только предположительно. Это относится к импортируемым институтам, причем доводы, что эти правила показали эффективность и высокое качество в иных условиях, не может означать, что они покажут равнозначное функционирование, будучи перенесенными в другую экономическую среду. Поставленная цель предполагает решение задачи описания институциональной конкуренции в рамках теоремы Коуза, а затем теоретического решения задачи оценки качества институтов при условии их импорта или ввода новых институтов при проведении институциональных реформ. Последовательно изложим сущность указанных вопросов, реализуя поставленную цель.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ТЕОРЕМА КОУЗА

В ряде классических институциональных задач, например в рамках теоремы Коуза [10], когда рассматривается фермер и скотовод, которому принадлежит стадо, выпасывающее посевы фермера, институциональная конкуренция в явном виде отсутствует. Ни фермер, ни скотовод не влияют на действующие правила, регулирующие производство и сбыт, рынок мяса и пшеницы. Они также не создают правил, способных повлиять на поведение друг друга. Однако эти правила могут изменяться, устанавливаться извне в виде неких стандартов и тем самым влиять на поведение агентов. Кроме того, правительство может позаимствовать некоторые институты, перенося их в страну, влияя на фермера и скотовода, а также других агентов, которые изменяют влияние друг на друга. Тем не менее в задаче Коуза ни один из агентов не влияет ни на правила, ни на организации, в частности суд. Вместе с тем, по фабуле теоремы Коуза, трансакционные издержки равны нулю, права точно определены, так что перераспределение права собственности не повлияет на структуру и ценность производства. Изменение в праве собственности, конечно, может касаться только прогона скота, чтобы исключить перенос издержек от скотовода к фермеру в виде потравы посевов. Но оно может касаться производства в целом – полного спектра иных правомочий, из которых складывается владение производственным активом и управление им. В этом случае изменение владельца не может не сказаться на ценности и структуре производства, поскольку изменится базовый институт, регулирующий ситуацию – владелец. Искусственная ситуация с прогоном стада и оценка лишь данного аспекта совершенно не может быть перенесена на процесс производства в целом. Здесь возможна ошибка переноса с частного на общее.

В экономике действуют две большие разновидности видов экономической деятельности – сугубо трансакционные и производственные, где присутствует трансакционная компонента в виде обслуживающих

видов работы. Для трансакционных видов деятельности полные издержки представлены трансакционными затратами. В связи с этим равенство таких издержек нулю означает отсутствие создания данного вида благ по этим видам деятельности. В производственных видах деятельности присутствуют трансакционные и производственные издержки, поэтому равенство нулю трансакционных издержек возможно, но при этом издержки производства не равны нулю. Более того, они могут возрасти по причине отсутствия сопровождающих видов экономической деятельности, с которыми были связаны трансакционные издержки, равные нулю согласно условию теоремы Коуза. Ситуация будет аналогичной, если рассматривать отдельно взятый контракт. Если перераспределить право для вида деятельности или контракта из первой группы, то ценность производства и структура издержек не изменятся, поскольку издержки равны нулю. Теорема Коуза вне всяких сомнений действует в области нуля. Если же распределить право для видов деятельности или контракта второй группы, то различные владельцы по-разному могут повлиять на производственные издержки, которые Р. Коуз не рассматривал в таком аспекте. Следовательно, структура издержек и ценность производства изменятся для условий фабулы теоремы Коуза, когда предполагается, что передача права собственности происходит без издержек, то есть в отсутствие суда и подобных правовых ограничений [3]. На практике действия экономических агентов подпадают под различные ограничивающие институты, в результате регулировать право владения и передачу права собственности очень сложно. Следовательно, можно говорить о том, что теорема Коуза верна только для трансакционных видов экономической деятельности, поскольку если эта деятельность отсутствует, то не будет влияния ни на ценность, ни на структуру производства. Для производственной деятельности, а именно для случая задачи с фермером и скотоводом, она может оказаться верна по одному из аспектов (правомочий) производства, в ситуации внешних эффектов, где проблема носит сугубо трансакционный ха-

ракти (право на прогон скота). Однако в этом случае нельзя рассматривать эффект влияния на производство, не принимая во внимание иные влияющие на производство факторы. Кстати, эффект неизменности ценности и структуры будет выделить трудно – для этого придется отделить влияние различных факторов. В таком случае формулировка теоремы Коуза, по нашему мнению, представляется ограниченной. Более того, применительно к производственной деятельности и контрактам она не соблюдается даже при нулевых транзакционных издержках, не говоря о том, когда издержки не нулевые и, например, растут.

Следует также заметить, что теорема Коуза обосновывается условием наличия внешнего отрицательного эффекта [10; 14], то есть скотовод своим стадом потравил посе́вы фермера, снизив объем производства пшеницы. При этом, видимо, может возрасти или не возрасти объем производства скота. Если рассматривать право на прогон скота, то его распределение при нулевых издержках может как не повлиять, так и повлиять на производство. Это будет определяться соотношением ущерба, издержек и выгод. Однако производство устроено так, что по целому набору агентов, его организации и функционирования в принципе отсутствует ситуация внешнего эффекта. Она отсутствует и в случае, если бы дорога к пастбищам для скотовода не лежала рядом с посевами фермера. В этом случае постановка задачи относительно передачи права собственности бессмысленна, точнее, подобная передача, даже если транзакционные издержки равны нулю, очевидно, приведет к изменению ценности и структуры производства. Иными словами, для общей справедливости теоремы Коуза необходимо наличие внешнего отрицательного эффекта (причем стороной, воспринимающей ущерб, должен быть именно экономический агент, а, например, не природная среда) и наиболее высокая транзакционность вида деятельности или контракта, к которым применяется условие теоремы. Для частной ситуации отдельного правомочия или одного из прав экономических агентов она может оказаться верна. Но общее распространение фавулы

теоремы Коуза, как удалось показать, весьма уязвимо или, как минимум, не может осуществляться без указанных здесь оговорок. Отрицательный внешний эффект дает больше одного блага, но меньше другого. Общее изменение благосостояния должно складываться из суммы ущерба, нанесенного природе, и полученного текущего блага.

Проблема в том, что объем блага выше в ближайшей перспективе, а эффект загрязнений в силу отрицательного внешнего эффекта проявляется в долгосрочном периоде. Именно это выступает поощрительным институтом современного капиталистического развития [1; 3; 4], приводящим к указанным следствиям. Один разговор, когда отрицательный внешний эффект компенсируется, и совершенно иной – когда уничтожается природная среда, которую не удастся восстановить, а затраты во много раз превосходят выгоды от дополнительно произведенного блага в силу переноса текущих издержек на природу.

Если рассматривать эффективность институтов (E) как отношение разницы выгод (V) и транзакционных издержек (Tr) к транзакционным издержкам ($E = (V - Tr)/Tr$), то в случае $Tr = 0$ в сугубо математическом смысле эффективность возрастает до бесконечности (знаменатель равен нулю). Следовательно, теорема Коуза в этом случае создает как минимум неопределенную ситуацию по поводу институциональной эффективности, если определять ее стандартным критерием. Конечно, если какие-то действия осуществляются без издержек совсем – это наиболее эффективный вариант. При этом важна оговорка, могут ли подобные действия быть совершены в принципе. Однако при нулевых транзакционных издержках распределение права собственности происходит согласно фавуле теоремы Коуза, а это означает, что неэффективное устойчивое состояние невозможно, следовательно, теорема дает случай прямо противоположный эффекту блокировки *lock in* [17]. В рамках фавулы теоремы Коуза эффект блокировки становится невозможным. Кроме того, теорема рассматривает сложившуюся институциональную ситуацию *status quo*, то есть ситуация, когда экономические агенты специ-

ально формируют институты, оказывающие на другого агента силовое влияние, не рассматривается. Тем самым институциональной конкуренцией пренебрегают. Введя иной критерий эффективности в виде числа исполняемых функций института на единицу транзакционных издержек, представив дисфункцию как отношение числа неисполняемых функций к общему числу функ-

ций, не сложно показать условие для роста эффективности институтов: темп роста транзакционных издержек должен быть меньше суммы роста общего числа функций и взвешенного¹ темпа роста дисфункций. В случае теоремы Коуза это неравенство вырождается, так как темп роста издержек равен нулю, а эффективность становится неопределенной.

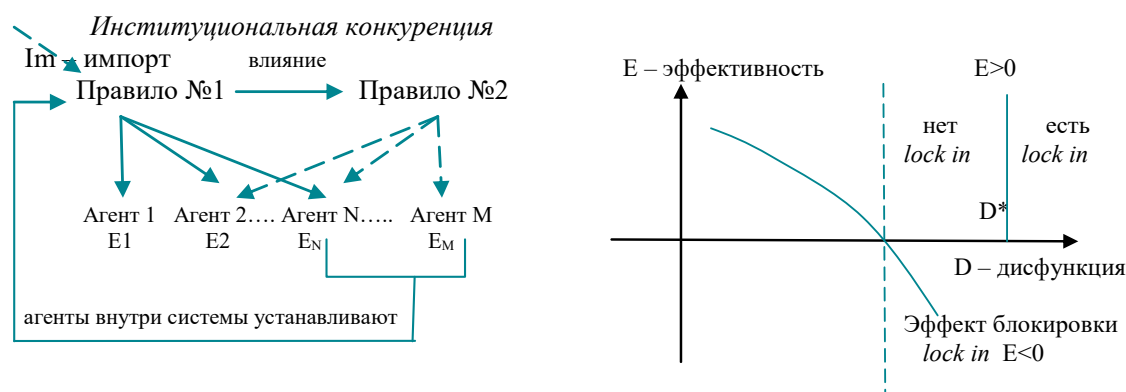

Рис. 1. Схема институциональной конкуренции (слева), эффективность и дисфункция (справа)

Fig. 1. Diagram of institutional competition (left), efficiency and dysfunction (right)

На рис. 1, слева отражена общая схема, описывающая институциональную конкуренцию по двум правилам. Правило № 1 оказывает влияние на правило № 2, но различные группы экономических агентов следуют двум правилам. Однако некоторая часть экономических агентов может влиять на формирование правила № 1, которому подчиняется правило № 2. В связи с этим если правилу № 2 следует какая-то часть экономических агентов, включая тех, кто создавал правило № 1, то эти экономические агенты, создававшие правило № 1, влияют на агентов, следующих обоим правилам. Они относительно иных агентов обладают своеобразной монополией на эти правила, поскольку могут влиять на других экономических агентов как посредством этого правила, так и посредством других правил, которые зависят от установленного. Каждое правило каждый экономический агент может исполнить по-своему. Это предполагает ситуацию, когда создатели правила не обязательно будут его исполнять. В связи с этим и издержки функционирования правила детерминируются с точностью до агента – испол-

нителя правила, который собственно и порождает эти издержки. Тем самым имеем несколько величин эффективности работы правил по агентам $E_1, E_2, \dots, E_N, \dots, E_M$ (см. рис. 1, слева). Нужно отметить, что правило № 1 может быть установлено отнюдь не экономическими агентами из набора $1 \dots N \dots M$, а быть привнесено извне, например в результате импорта институтов. Влияние его на правило № 2 сопровождается и обратной реакцией правила № 2, так что следование правилу № 1 зависит от этой реакции и состояния правила № 2. Данное обстоятельство необходимо учитывать не только при обосновании импорта института, но и вводе созданного внутри данной экономической системы правила, которое по отношению к действующим правилам также будет являться новым.

Только в случае одинакового исполнения правил и одинакового распределения затрат и выгод между экономическими агентами эффективность для каждого из них будет

¹ Взвешивающим коэффициентом выступает выражение $D/(1 - D)$, где $D < 1$ – величина дисфункции.

равна E . Особо следует отметить, что здесь речь идет об эффективности, связанной с выполнением одного правила, по другому правилу и затраты, и степень его исполнения для каждого из агентов будут отличаться, что и даст иную эффективность по каждому из экономических агентов. Когда функционирует множество правил, отделить эффективности бывает весьма проблематично – придется рассматривать каждый институт отдельно, что и происходит при проведении полевых институциональных исследований.

Институциональная эффективность для j -го агента составит $E_j = (V_j - Tr_j)/Tr_j$ для одного i -го института, а по всем экономическим агентам нужно найти сумму числителя и знаменателя. Для учета всех институтов требуется осуществить такую же операцию по каждому агенту и, получив суммарную эффективность одного института для всех агентов по каждому институту, сложить эти параметры, разделив на число институтов, определив среднюю эффективность данного набора институтов¹. Посредством установления правила № 1 определенные агенты влияют на других агентов и на правило № 2. Они могут устанавливать это правило для своих целей, но оно может импортироваться (стрелка Im на рис. 1, слева), в случае если другие экономические агенты посчитают необходимым использовать это правило для своих целей. Агенты в своей деятельности порождают не только транзакционные, но и производственные издержки, величина которых также зависит от правил². Пренебрежение данным обстоятельством позволяет получить усеченную картину об эффективности правил и их влиянии на экономические объекты. В таком случае вместо транзакционных издержек в формуле для эффектив-

ности (правил) должны фигурировать полные издержки, включающие и производственную часть издержек.

Тем самым правило № 2 откровенно используется в подчиненном режиме относительно правила № 1. В итоге, контролеры правила № 1 имеют преимущества относительно тех экономических агентов, кто ориентируется на правило № 2, а также на перенос или подчинение правилу № 1. Представленное описание и схема дают характеристику содержанию институциональной конкуренции. Она отличается от рыночной конкуренции по качеству и цене продукта, сбыту или рекламе, что показательно описано в трудах представителей неоклассической школы, в частности Э. Чемберлином [18]. В результате действия институциональной конкуренции формируются правила, предоставляющие длительные преимущества одним экономическим агентам и определяющие зависимое положение других агентов.

При этом зависящие агенты в момент импорта института могут не осознавать, что организуют зависимую модель собственного развития. На рис. 1, справа показано, что снижение эффективности правила с ростом дисфункции является одним из возможных вариантов институциональной эволюции [6; 13] до момента, когда возникает эффект блокировки при $E < 0$. Однако привязка к возникновению данного эффекта только к эффективности института не учитывает то обстоятельство, что функции института могут быть расстроены весьма существенно, а его эффективность по основному критерию может быть выше нуля. Тем самым вполне возможен эффект блокировки в привязке к критерию дисфункции, а не эффективности института, когда экономические агенты исполняют правила с весьма расстроенными функциями, при извлечении некой выгоды, имеющей, кстати, нематериальное измерение. Стандартно показатель эффективности E оценивается количественно, связывая измеримую оценку выгод и издержек. Однако могут присутствовать и нематериальные выгоды, которые в формулу оценки эффективности стандартного вида не входят. Поэтому на

¹ Отметим, что этот способ не является безупречным, но он может рассматриваться как один из возможных.

² Институциональная теория обычно сводит проблемы агентских взаимодействий к анализу транзакционных издержек, но влияние правил на производственные издержки принимается во внимание крайне редко или ими вообще пренебрегается. Такой подход существенно ослабляет позиции институциональной теории в объяснении сущности экономических изменений.

рис. 1, справа показан диапазон эффекта блокировки при положительной эффективности, но высокой дисфункции института ($D > D^*$).

Такой исход может проявляться при импорте институтов, которые в одной социально-экономической среде эффективны и обладают не высокой дисфункцией, но в другой, сохраняя положительную эффективность, тем не менее, перестают должным образом исполнять ряд важных функций в силу различных причин. При этом они воспринимаются как панацея при проведении экономической политики развития. В частности, в качестве институтов регионального развития часто рассматривают агентства регионального развития, не принимая в расчет то, что в российских регионах уже действуют различные фонды, аналитические центры, региональные торговые палаты, которые в сумме возмещают с избытком функции, придаваемые этим агентствам, перенос и организационные издержки функционирования которых могут оказаться фатальными для решения текущих вопросов регионального развития.

Обобщая, отметим, что созданные в рамках институциональной теории интеллектуальные конструкции, становясь аналитическими институтами, влияют не только на проводимый анализ, но и на интерпретацию исследуемой ситуации, способны повлиять и на выводы относительно экономического развития. Конкуренция по институтам может вводить и в плоскость экономического анализа, используемого для нужд экономической политики и обоснования некоего набора применяемых правительствами мероприятий. Качество создаваемых институтов и аналитических приемов влияет на возможности использования и совершенствования институтов, взаимодействия, уровень дисфункции и глубину эффекта блокировки.

КАЧЕСТВО, ИМПОРТ ИНСТИТУТОВ И ЭФФЕКТ БЛОКИРОВКИ

Институциональная конкуренция, так или иначе, реализуется экономическими агентами, с деятельностью которых порождаются трансак-

ционные издержки (сами по себе эти издержки не возникают без агентов – какие бы институты¹ ни рассматривались, поскольку институты вне агентов не работают и не создают издержки). Именно экономические агенты, формируя и следуя правилам, конкурируют, однако в случае институциональной конкуренции их соревнование происходит не посредством созданного блага (продукта, услуги), а посредством установления набора правил. В свою очередь правила имеют силовое влияние на агентов, понуждают действовать так, а не иначе, хотя агенты могут и уклоняться от их исполнения. Победа в такой конкуренции обеспечивается, если иные агенты, вынужденные исполнять установленные данным агентом правила, следуют им. В этом случае возникает определенная зависимость экономических агентов именно от данного набора институтов, и появляются некие формы контроля исполнения данных правил. В таком случае складывается новая форма монополизма, реализуемая не через долю рынка продукта или услуги, благодаря цене и качеству предоставляемых на рынках благ и дифференцированному продукту или сбыту как при монополистической конкуренции [18], а по причине наличия институциональной силы, формируемой спроектированными и подконтрольными правилами. Эти правила могут регулировать рынок экономических благ, но их изменение может быть инициативой определенной группы игроков этого рынка. Следовательно, подобная деятельность подчинена задаче увеличения монополизма и извлечения монопольной прибыли. Кто проектирует, устанавливает стандарты, тот контролирует рынок и экономическую ситуацию в целом, являясь ведущим игроком относительно иных – ведомых по этим стандартам (нормам). Качество создаваемых и уже функционирующих институтов, а также импорт институтов и возникающий эффект блокировки институционального состояния или усиливающиеся дисфункции сильно влияют на складывающийся-

¹ Неформальные институты, правила в виде традиций, обычаев, кодексов, имеющие не обязательное исполнение по своей природе, здесь детально не рассматриваются.

ся режим такой институциональной конкуренции, поскольку порождают потребность в замене или коррекции действующих институтов, вводе новых институтов, в том числе в результате импорта. На мировом рынке институциональная конкуренция выражается в соперничестве по поводу установления стандартов, борьбе за правила, лоббизме по поводу проведения тех или иных нормативов и в создании международных организаций различного профиля и назначения. Приведем примеры расширяющейся институциональной конкуренции:

– торговые войны в рамках Всемирной торговой организации по поводу изменения правил (борьба с Францией, противящейся приравнению продуктов культуры – кинопродукции – к общим продуктам питания, подобно хлебу);

– отказ от финансирования не устраивающих международных организаций (Всемирная организация здравоохранения со стороны США в условиях пандемии 2020 г.);

– распространение стандартов в области науки и образования (Болонский процесс);

– внедрение стандартов в области защиты окружающей среды – выбросов, подписание договоров, из которых ряд стран выходят, не соглашаясь с условиями договоров и рассматривая ситуацию как ограничивающую их экономический успех.

Кроме того, имеется литература по стандартам в области государственного строительства, причем на примере оккупированных государств, например работа нобелевского лауреата Р. Майерсона [16]. По существу, она формирует взгляд на то, каким должно выглядеть институциональное влияние на уровне государственного строительства и ввода (импорта) институтов, которые были ранее чужды данной стране, но в ходе оккупации, сводимой к демократизации, – будут вводиться, подчиняясь указанной цели¹.

Это не что иное, как примеры институциональной борьбы либо за правила, либо за то, чтобы требовать исполнения установленных правил, для чего вводятся санкции, как способ силового влияния на экономиче-

ское развитие страны². Конечно, причин, порождающих разные варианты институциональной конкуренции, множество. Однако качество институтов, издержки их функционирования, переноса и адаптации при импорте (при доказанной необходимости импорта, которая обычно отсутствует) детерминируют не только реакции экономических агентов, но и мотивы сохранения или изменения «институционального стандарта», то есть некоего набора правил, которым необходимо следовать.

Как видно из представленных рассуждений, вопрос эффективности и качества институтов выступает, так или иначе, главной темой, причем измеряться эти параметры могут как реакциями и поведением экономических агентов, складывающимся под действием данных формальных норм, так и собственно характеристиками самих институтов. Последний вариант наиболее удобен и, на взгляд автора, обоснован, хотя издержки связаны с действием, их не может осуществлять собственно институт, как правило, они связаны с агентом. Однако и в общем смысле сама по себе величина издержек не может характеризовать эффективность института (по величине можно сравнить лишь затраты, но это может ничего не означать, кроме того, что эти затраты больше или меньше), являющуюся относительным параметром, предполагающим оценку результата. К тому же существуют различные виды эффективности, характеризующие разные стороны функционирования объекта, в данном случае института как формального правила.

Оценка качества, как правило, еще более сложная, требующая идентичного подхода, иначе различные по содержанию институты проблематично будет сравнивать по данному параметру. Для этой задачи используются индексы качества институциональной среды или институтов, то есть осуществляются агрегированные оценки состояния правил на уровне институциональной макроэкономики. Это позволяет сравнивать страны по уровню развития институтов, опреде-

¹ Подробнее возражения Р. Майерсону см. [19].

² Методические подходы к оценке санкционных режимов подробно разобраны в работе [20].

лять качество институтов по наиболее обобщенным вариантам оценки. Можно вводить параметры или характеристики института (цель, область приложения, функциональное содержание, время действия, издержки действия и устойчивость к внутренним и внешним воздействиям, изменениям) и, применяя экспертные процедуры, давать балловую оценку этих характеристик или параметров, выводя также некий общий показатель качества. На этом же принципе основан и подход в области «экономики качества» для оценки качества продукции по норме потребительной стоимости¹. Допустим, некая подсистема характеризуется числом правил – O , при этом вводятся новые правила числом – N (число правил не равно нулю). Это могут быть импортируемые правила, переносимые из внешней социально-экономической и культурной среды в данную страну. Тем самым общее число правил, регулирующих функционирование рассматриваемой подсистемы, $Q = N + O$. Число новых или импортируемых институтов $N = aQ$ представляет некую долю (a) от общего числа правил. Исчисляя параметр качества по каждому институту, представим среднюю величину качества (K_S) для такой подсистемы, которая принимает новые институты или импортируемые институты, в виде

$$K_S = \frac{\sum_{i=1}^N K_{Ni} + \sum_{j=1}^O K_{Oj}}{N + O}, \quad (1)$$

где K_{Ni} – показатель качества² i -го института из вновь вводимых или импортируемых³

числом N правил; K_{Oj} – показатель качества j -го уже действующего правила из числа старых институтов O .

Связь числа новых и старых правил имеется в виде $N = aO/(1 - a)$.

Обозначим отношение суммарного показателя качества по новым институтам к аналогичному показателю по уже действующим институтам следующим образом:

$$f = \frac{\sum_{i=1}^N K_{Ni}}{\sum_{j=1}^O K_{Oj}}. \quad (2)$$

Следовательно,

$$K_S = \frac{\sum_{i=1}^N K_{Ni}}{N} a(1 + 1/f). \quad (3)$$

Выражение (3) для среднего качества институтов в рассматриваемой подсистеме равно взвешенному на величину $a(1+1/f)$ среднему качеству новых институтов.

Обозначим среднее качество новых и старых институтов K_{NS} , K_{OS} соответственно. Тогда $f = N K_{NS}/(O K_{OS})$. Обозначим отношение средних параметров качества институтов $b = K_{NS}/K_{OS}$, $N/O = a/(1 - a)$, $a, b > 0$.

Если в рассматриваемой системе присутствуют проблемы в области качества институтов, то при вводе новых институтов или импорте институтов возникает условие, аналогичное тому, что используется в «экономике качества», то есть $K_S < 1$, тогда среднее качество новых институтов будет подчинено неравенству $K_{NS} < 1/[a + (1 - a)/b]$. Графическое изображение представленной модели представлено на рис. 2.

¹ Этот показатель используется в давних работах Н.С. Перекаллиной, Н.А. Виткевич, Б.Н. Клепинина и многих других, которые заложили методические основы измерения этого показателя и обоснование применения в области «экономики качества» и маркетинге в машиностроении. Автор также много лет назад использовал их разработки в ряде своих работ: к решению задачи оценки институтов, реструктуризации промышленности и др., совместно с Б.Н. Клепининым к методике оценки нормы потребительной стоимости.

² В качестве такого показателя качества может применяться норма потребительной стоимости, исчисляемая для каждого института отдельно по его характеристикам. Вводятся общие характеристики по группам институтов, которые могут присутствовать или отсутствовать для разных институтов (прямая аналогия для продукции). Число характеристик вводится идентично, для одних правил набор может быть одним, для других –

другим. Показатель рассчитывается экспертным методом по аналогии с методами, используемыми в области «экономики качества». Причем проблемы с качеством продукции возникают, когда этот показатель менее единицы. Используя известную методику, применительно к правилам данный показатель можно посчитать, ориентируясь на приводимые выше параметры института. И если данная норма будет меньше единицы, то имеются некие проблемы с качеством институтов.

³ Может рассматриваться ввод новых институтов для подсистемы внутри страны либо заимствование, импорт или трансплантация институтов извне. Возможен также совмещенный процесс. Для данной подсистемы это будут новые правила. Термины «заимствованные», «трансплантируемые» или «импортируемые институты» употребляются в одинаковом значении, обозначают перенесение правил из внешней среды в данную систему (страну).

Рис. 2. Графическое изображение модели качества институтов

Fig. 2. Graphical representation of the model of institutions quality

При $K_{NS} < 1$ новые институты испытывают кризис, при импорте или вводе внутри страны отторгаются. Если среднее качество уже действующих институтов (старых) выше (случай $b = 0,7$), то предельная величина среднего качества по новым институтам (импортируемым) будет ниже – линия DE на рис. 2. Причем с ростом числа новых институтов (по их доле – a) растет среднее качество вводимых (импортируемых) институтов. При низком среднем качестве старых институтов ($b = 1,1$) с ростом числа новых институтов понижается среднее их качество. Обратим внимание, что здесь рассматривается ситуация среднего качества институтов $K_S < 1$, отвечающая росту институциональных проблем (это равнозначно увеличению дисфункций институтов). При этом среднее качество вновь вводимых институтов (включая импорт) может оказаться меньше единицы (линия DE) либо выше единицы (линия CE). В первом случае качество новых институтов низкое, что может быть связано с их отторжением, различными эффектами типа дисфункций и блокировки (а также высоким качеством старых институтов или исходным низким качеством новых институтов).

Во втором случае оно относительно высокое, но может понижаться с ростом числа таких институтов. Это может быть связано, например, с тем, что новые правила, взаимодействуя со старыми правилами, начинают мешать друг другу. Число новых институтов может расти, может сокращаться от общего числа действующих правил. Это

сказывается на надежности экономики, которая со временем может понижаться, особенно с ростом дисфункций – расстройств правил (их функций и характеристик). Для данной величины новых институтов (импортируемых) чем ниже качество старых институтов, тем выше предельное значение среднего качества новых институтов, а чем выше качество старых институтов, тем ниже могут быть требования к качеству заимствуемых или вводимых институтов. Таким образом, если вводить очень качественные институты в институциональную среду с очень низким качеством, то может возникнуть весьма сильный механизм отторжения, так как экономические агенты могут оказаться не готовы к таким новым институтам. Аспекты обучения и приспособления здесь присутствуют и требуют как времени, так и иных затрат. Очень качественные институты могут вообще не интериоризоваться в данную институциональную среду. В связи с обозначенными моментами аспект институционального планирования, включающий процесс проектирования и ввода институтов, составляет нетривиальную задачу управления.

Как видим, от оценки и анализа качества институтов зависит многое, в частности, обоснование ввода новых институтов и заимствования – импорта институтов. Кстати, довольно часто в работах российской новой институциональной школы приходится видеть не просто весьма пространные рассуждения о качестве институтов, но и анализ импорта институтов вне связи как с оценкой качества и эффективности действующих институтов, так и с отсутствием доказательств, что такой импорт необходим. Поэтому позже, разбирая провалы экономических (институциональных) реформ, следует обратить на указанное обстоятельство пристальное внимание. Часто такой вопрос [о необходимости импорта правил] даже не ставится, как и не анализируются альтернативы в виде проектирования внутренних институтов, без копирования их извне¹.

¹ Забывается также эффект шахматной игры, когда в дебюте четырех коней черные, копируя ходы белых, после определенного хода имеют неотвратимое конкурентное поражение или по крайней мере существенное ухудшение стратегической позиции.

Следовательно, с позиций конкурентных отношений импорт и заимствование имеют существенные ограничения. Причем подход в рамках планирования институтов должен учитывать альтернативы. Процесс проектирования, как составная часть процесса институционального планирования, требует определения потребности в новом институте и отдельно – потребности в том, стоит ли копировать какие-то правила, перенося их в иную социально-экономическую и культурную среду. Далее осуществляется постановка цели, формулировка задач, области приложения правила, функций, времени работы, издержек функционирования, переноса и возможного конфликта и отторжения как следствия импорта института, а также оценки устойчивости и эффективности его текущего и дальнейшего функционирования. Без такого минимально возможного алгоритма проводимый экономический анализ институтов и их импорта, влияния на экономическое развитие становится весьма ограниченным. Обычно он не дает значимого результата, а само заимствование становится необоснованным, с неясными последствиями для развития экономической системы, куда переносятся подобные институты. Кроме того, факт заимствования говорит о том, что субъект, выполняющий трансплантацию правила, зависит от внешних правил, ориентируется на них. Это ставит его в заведомо не выигрышное конкурентное положение, потому что создатель правил находится на шаг впереди и совершенствует свои правила. Возникает своеобразная институциональная конкуренция или конкуренция по поводу стандартов. Она, как было отмечено выше, распространена сегодня в мировой экономике, но ее режимы и следствия малоизучены даже с институциональной точки зрения, особенно с учетом иерархического построения институтов, когда международные правила и организации имеют силовой приоритет.

Трансплантация институтов (импорт, заимствование, перенос) может происходить внутри страны, между фирмами, регионами. Ее можно обозначить как внутреннюю трансплантацию правил, причем она может быть односторонней и двусторонней, когда

две фирмы или два региона перенимают какой-то опыт построения внутренних правил друг у друга. И бывает внешняя трансплантация, когда на уровне фирм, регионов и страны в целом происходит импорт внешних институтов. Она также может быть двусторонней и односторонней. В последнем случае страна или фирма перенимает правила извне, но и правила данной страны не интересны противоположной стороне и не заимствуются. Процесс двусторонней трансплантации, разумеется, на практике происходит по разному набору правил для заимствующих их субъектов.

Импорт институтов зависит от издержек функционирования внутренних институтов (Z_S), их качества и эффективности, степени дисфункции и вместе с тем весьма сильно от издержек самого процесса трансплантации, включая затраты на сопротивление, конфликты и адаптацию (Z_P), задающие новые параметры эффективности как новым институтам, так и уже действующим.

В связи с этим изменение числа импортируемых институтов (N) можно в виде модели связать с разницей в указанных видах издержек и качества внутренних, действующих институтов – K_{OS} . Модель может принять вид¹

$$\frac{dN}{dt} = \frac{1}{K_{OS}} [Z_S - Z_P]. \quad (4)$$

Чем выше издержки внутренних институтов и ниже издержки трансплантации, тем, очевидно, больше возникает новых институтов по импорту. Чем выше качество действующих институтов, тем меньше будет число импортируемых институтов. Стратегия расширения импорта правил описывается неравенством $dN/dt > 0$. Видно, что издержки действующих институтов должны превосходить издержки импорта и приспособления к новым институтам, чтобы импорт расширялся. Проблема институцио-

¹ Приводимая автором математическая модель не представляет собой истину в последней инстанции, а является всего лишь одной из возможных схем исследования процесса импорта институтов, определяя объем импорта в соответствии с издержками и качеством действующих институтов. Вместо параметров издержек можно использовать показатели эффективности, а также оценку глубины дисфункции или эффекта блокировки как дальнейшее развитие указанного подхода.

нального анализа в том и состоит, что пока не перенесли институт, точно определить издержки его функционирования проблематично. Это будут лишь ориентировочные оценки будущего функционирования и предположения о его качестве, которое динамически изменяется. Проблема динамики качества институтов представляется весьма значимой, особенно с точки зрения оценки самого качества, осуществляемой по различным критериям и подходам. Нужен общий подход к качеству, например, развиваемый в инженерных науках и применяемый в технико-экономических исследованиях, когда вводится полный набор возможных характеристик и определяется их наличие и соответствие запросу по аналогичным или различным изделиям (здесь применяется также балловый метод)¹.

Издержки переноса зависят от числа импортируемых институтов и от времени $Z_P = Z_P(N, t)$, от действующих институтов – от времени и их числа, $Z_S = Z_S(O, t)$. Число действующих институтов на данном интервале времени можно считать фиксированным, тогда учтя, что $q(N, O, t) = Z_S(O, t) / Z_P(N, t)$,

можно записать представленную модель в виде

$$\frac{dN}{Z_P(N,t)} = \frac{1}{K_{OS}(t)} [q(N, O, t) - 1] dt. \quad (5)$$

Получив соответствующие функции издержек и качества, не сложно проинтегрировать данное уравнение, установив число импортируемых институтов для каждого момента времени. Например, задавшись $Z_P = bN$, $Z_S = e^{rt}$, $K_{OS} = e^{-kt}$, интегрируя, приходим к уравнению в виде (b, r, k – константы) $\ln N = s1 e^{(r+k)t}/N - s2e^{kt}$.

Задавшись иным законом для указанных функций ($Z_P = bN$, $Z_S = at$, $K_{OS} = c/t$, где a, b, c – константы), наиболее простым для демонстрации подхода, получим $\ln N = a t^3 / (3cN) - b t^2 / (2c) + c1b$. Такого типа уравнения могут не иметь решений, могут иметь несколько решений в зависимости от их вида и подобранных функций. Общая идея поиска числа импортируемых институтов отражена на рис. 3. Левую часть уравнения назовем $U1$, правую $U2$. Понятно, что правая часть зависит от исходных функций затрат, качества институтов и процесса интегрирования этих функций.

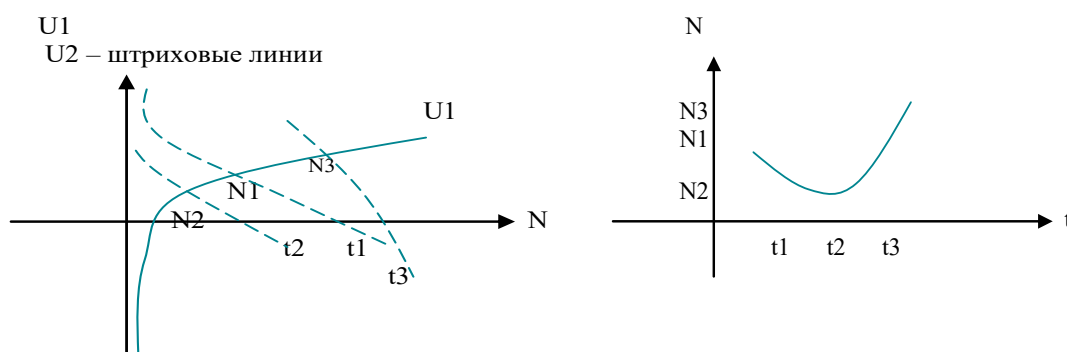

Рис. 3. Решение (графическое изображение) по поиску числа импортируемых институтов

Fig. 3. Solution (graphic) to find the number of imported institutions

На рис. 3 отражено число импортируемых институтов для каждого момента времени (слева), полученное в ходе решения левой и правой части уравнения – $U1, U2$ графическим путем. Справа показано изменение числа институтов от времени. Момен-

ты времени изменяются последовательно от $t1$ до $t3$. Число институтов может снизиться, потом возрасти. Это зависит от вида функций затрат и качества и решения уравнений, общий вид которых для отдельных частных случаев показан выше. Тем самым модель связи изменяющего числа новых институтов, в том числе импортируемых, зависит от соотношения издержек внутренних институтов и процесса трансплантации и изменя-

¹ Один из вариантов именно такого подхода к оценке качества институтов представлен в статье выше. Впервые он был предложен в работах автора 2003–2005 гг., в частности в [21].

ющего качества действующих институтов. Конечно, модель может усложняться, так как со временем будет изменяться качество привнесенных новых институтов, что невозможно не учесть для того, чтобы процесс институциональных изменений был более правдоподобно описан.

Центральный вопрос относительно заимствования институтов – обоснование такой необходимости в сравнении с внутренними возможностями по проектированию и внедрению собственных правил. Во многих исследованиях этот вопрос обходится стороной, делают значительные обобщения иностранного опыта развития отдельных институтов, в частности проектного управления и агентств регионального развития [22] как института развития регионов. При этом общие принципы проектного управления и решения проектировочных задач [23–26], применяемые и известные давно в науке, как бы отходят на второй план. Особенно наблюдается пренебрежение советско-российским опытом в пользу преимуществ зарубежного опыта, причем аргументом выступает число публикаций по этой тематике, без учета «эффекта моды» в области научных публикаций¹. По институтам

¹ Этот эффект возникает подобно тому, что наблюдается в области модной одежды, создается ажиотажный научный и аналитический запрос на определенную тему. Многие исследователи переориентируются на ее разработку, обсуждение, часто забывая созданное ранее и те позиции, которые могут быть полезны в этом вопросе. Возникают завышенные ожидания по использованию некоего опыта или иных разработок, охватываемые проблемой импорта институтов и подходов в области управления. Конечно, рассмотрение чужого опыта полезно, однако если оно реализуется с чистого листа, то это чревато абсолютизацией и ложным обоснованием необходимости применения в другой социально-экономической среде, где аналоги давно функционируют и решают указанные задачи, только требуется повысить качество этих решений, а функционал и ресурсы – расширить без дополнительных реорганизаций в соответствии с нормативами (институтами) чужого опыта. Ученые и аналитики, работающие в рамках «неоправданных параллелей» чужого опыта, работают на импорт институтов и подходов, создают для него аналитическую базу, без ответа на, казалось бы, тривиальный вопрос – насколько это необходимо и каковы внутренние альтернативы. Именно этот вопрос стал основополагающим при оценке различных возможностей хозяйственных изменений (организационных и управленческих).

развития создана теоретическая основа в рамках современной российской экономической школы [25; 26]. Поэтому, чтобы не породить дисфункцию на уровне аналитических процедур, стремясь популяризировать иные подходы без весомых доказательств их необходимости в России и переноса, а также без элементарного сравнительного анализа функционала различных институтов регионального развития, требуется, на взгляд автора, использовать теоретическую основу, созданную в рамках российской экономической школы по указанному направлению.

По итогам аналитической работы может формироваться (возникать) институт, абсолютизирующий некий исход, например, работу региональных агентств или проектный метод управления². Не представляется очевидным, что в данном виде эти институты полезны и применимы в иной социально-экономической системе или их применение не нуждается в коррекции с учетом окружения и специфики ее развития. Может возникнуть вариант, что они окажутся бесполезны при решении стоящих перед конкретной экономикой задач развития. И понадобятся альтернативные правила и процедуры управления. Однако сила аналитической работы состоит в том, что она может закреплять неэффективное представление в виде набора правил, то есть порождать эффект блокировки, распространяемый на дальнейшие действия и решения по развитию экономической системы.

Кроме того, низкое качество институтов и относительно высокие издержки следования этим правилам также работают на возникновение эффекта блокировки, то есть закрепляют функционирование неэффективной нормы. Преодоление такой ситуации требует добавочных издержек, и если они больше, нежели издержки следования неэффективной норме, то агенты будут следовать этому правилу. Помимо этой причины, если

² Появляется масса работ, обосновывающих с неким цифровым материалом то, как необходимы, например, агентства регионального развития или правила проектного управления. Однако убедительные доказательства, не говоря уже о решении задачи, когда эти подходы используются конкурирующими сторонами, а также кто и в каком варианте одержит верх, даже не обозначаются.

правило занимает важное место в некоей структуре правил (институтов), то его преобразование или замена в силу неэффективности может пошатнуть режим функционирования всей институциональной системы. В результате становится проще следовать неэффективному правилу, чем заменить или повысить его эффективность. Кстати, важная оговорка состоит в том, что вопрос о критерии эффективности и ее оценке применительно к институтам является определяющим. Как было показано автором, наибольшее расстройство функций института (правила) не означает самой низкой эффективности, как и наибольшая эффективность правила не означает минимального расстройства его функций относительно применяемых критериев оценки функциональных расстройств (по дисфункции) и эффективности правила, исчисляемой по исполняемым функциям на единицу транзакционных затрат [13]. По указанной причине и устойчивое неэффективное состояние института [11], получившее в России наименование «институциональной ловушки»¹, может быть сопряжено с различным уровнем дисфункции института так, что возникновение эффекта блокировки может быть обусловлено не увеличением расстройства функций, а иными факторами. Конечно, сильные дисфункции могут приводить к резкому снижению эффективности институтов. Оценка же устойчивости правила, эффективное оно или нет, составляет отдельную задачу, но сводимую к измерению величины отклонения от исполнения данного правила, нормы [11, с. 37, 39–46]. Возникает вопрос о допустимой величине отклонения помимо критерия эффективности/неэффективности правила (института), что сказывается не только на определении институциональной ловушки как таковой или эффекта блокировки, но и идентификации различных состояний, подпадающих под такой эффект².

¹ За рубежом применялся термин «эффект блокировки» (*lock in эффект*).

² Отметим, что далеко не все макроэкономические состояния и явления (коррупция, пессимистические ожидания, уклонение от налогов, неплатежи, бартер [8]), относимые к негативным исходам, могут быть отнесены к ловушкам

Эффект блокировки и рост дисфункции фактически фиксируют низкое качество институтов, что, с одной стороны, может породить мотив на импорт более качественных институтов извне, с другой – выступает препятствием для такого импорта в силу высоких издержек импорта, адаптации, которые

или эффекту блокировки. Объясняя импорт институтов, в частности неудачные формы импорта, провалы реформ, культурной инерцией и институциональным конфликтом [8, с. 46], не учитывают, что такой конфликт возникает все равно посредством экономических агентов, которые своими реакциями воплощают и изменяют то или иное влияние институтов. Возникающие расстроенные по функциям институты не представляют собой мутантов и институциональных ловушек, а воплощают высокую степень дисфункции, что видно по невыполнению или перерождению их исконных функций. Нужно отметить, что оценка неэффективности с позиции некоего критерия может не учитывать то, что именно эта форма приспособления и сложившегося функционирования является в создавшихся условиях реформ единственной, обеспечивающей жизнеспособность экономической структуре, поддерживающей какие-то параметры ее функционирования. Тем самым при рассмотрении эффекта блокировки требуется точно оценить эффективность правила, его устойчивость и, наконец, время действия самого эффекта. Иными словами, необходимыми минимум три критерия, с точностью до которых и будет дана оценка. Если они расплывчаты (отсутствует строгость в определении) либо имеются измерительные проблемы относительно идентифицируемых состояний, подпадающих по эффект блокировки, то аналитическая полезность резко снижается и сводится к риторическому наименованию, под которым отсутствуют строгие основания. Полезность для выстраивания экономической политики в таком случае также оказывается не высокой. Объяснение институциональных ловушек добавочными эффектами – координации, обучения, инерции – усложняет анализ, так как это процессы, которые сами могут оказаться неэффективными. Более того, лоббирование [8] может быть рассмотрено как составная часть коррупции или ее условие – почва. Если при отклонении от неэффективной нормы экономической агент проигрывает, значит данная ситуация для него еще более неэффективная. Явление имеет место, когда так поступает большая часть агентов. Стоит ли в таком случае ситуацию обозначать как институциональную ловушку или эффект блокировки, если иные исходы хуже и так спроектированная институциональная система в целом, а переход всех агентов к альтернативной норме возможен только при системных изменениях. Преодоление эффекта блокировки требуется искать не только в правилах, но на уровне экономических агентов и мотивов, проектируя правила, задающие необходимые мотивы и модели поведения для целей общественного прогресса (хотя оценка прогресса также требует критерия).

в случае неучета приведут к углублению блокировки институционального развития.

Далее на концептуально-теоретическом уровне рассмотрим некоторые важные моменты влияния институтов развития на функционирование хозяйства и его регионов с акцентом на накопленные российской экономической школой представления об этом. Тем самым покажем еще один ракурс институциональной конкуренции, касающейся аналитической работы и обоснования тех или иных позиций, имеющих в дальнейшем практическое направление реализации.

Завершая исследование, приведем характеристику отдельных форм институтов развития в аспекте проблемы институциональной конкуренции, качества и импорта институтов.

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЕ – НУЖЕН ЛИ ИМПОРТ ПРАВИЛ?

Институты развития могут быть представлены двумя основными типами: 1) собственно правилами, определяющими условия развития какого-либо объекта (сектора, отрасли, региона, страны); 2) организациями, которые исполняют финансово-аналитические, управленческие и организационные функции по обеспечению развития какой-то территории или группы объектов [12; 22; 25]. На практике может применяться и смешанная форма – организаций в виде фондов, агентств, банков и особых правил регулирования, задающих режим функционирования какого-либо экономического сектора или региона. Смешанная форма институтов развития наиболее рельефно представлена в особых экономических зонах или территориях опережающего развития. Если обобщить, то назначение институтов развития определяется необходимостью создания, концентрации или преобразования ресурсов для придания объекту новой динамики и качества функционирования. Они, как правило, формируют условия для развития различных видов деятельности, стимулы и требующиеся модели поведения экономических агентов, которые при сложившейся институциональной структуре без ввода институтов

развития не возникали в необходимом для развития масштабе. Тем самым потребность в значительном числе институтов развития, как и их распространение по регионам страны, свидетельствует о весьма серьезных ограничениях в развитии, задаваемых сложившейся институциональной системой. Применение институтов развития представляет собой значительную институциональную коррекцию, призванную изменить качество действующих институтов и стимулировать развитие социально-экономических систем за счет предоставления соответствующих ресурсов и создания условий для принятия необходимых решений на разных уровнях управления.

При вводе институтов развития их функционирование будет зависеть не только от возможности применять ресурс на развитие социально-экономической системы, но и от вида взаимодействия со сложившимися институтами, в том числе теми, которые они заменяют. В связи с этим качество институтов развития (таблица), их потенциальные возможности определяют степень влияния на динамику и качество объекта, на который они призваны воздействовать. Часто приходится наблюдать аналитические заключения о полезности применения тех или иных институтов развития в различных странах. Более того, зарубежный опыт выступает своеобразной индульгенцией для применения институтов развития в других социально-экономических условиях. Вместе с тем не учитываются те аспекты, которые касаются качества институтов, институциональной конкуренции, включая возможный конфликт при импорте институтов.

Параметры таблицы позволяют, например, осуществить сравнительную оценку качества институтов, для чего понадобится определить веса параметров и применить изложенную выше методику в сравнительном анализе действующих и импортируемых институтов.

Исходя из таблицы и назначения институтов развития, можно утверждать, что относительно сложившихся институтов они являются новыми правилами, особенно при импорте. В связи с этим ограничения, возникающие при импорте или вводе нового

института внутри страны, распространяются на эту ситуацию – развертывания и применения институтов развития. Однако следует отметить, что их эффективность будет

зависеть от глубины влияния и достижения целей развития, издержек ввода и эксплуатации данного института в конкретных условиях.

Качественная характеристика институтов развития*

Qualitative characteristics of development institutions

Параметры института	Содержание
Цель	Обеспечить ресурсом развитие либо создать условия для поступления и обработки ресурса для стимулирования развития, с достижением конкретно измеримых параметров функционирования объекта
Область применения (приложения)	Объект или объекты, требующие нового динамизма в развитии (страна, регион, отрасль)
Функциональный потенциал	Координированное выполнение функции по развитию для достижения поставленных целей
Время функционирования	Определяется этапами решения задач по стимулированию развития
Издержки	Обеспечивают общую эффективность работы института развития, обусловлены вводом института, текущими затратами на его ввод и применение, взаимодействие со сложившимися институтами
Устойчивость к внутренним изменениям	Стабильность цели, области приложения и функций – при отклонении происходит возврат к прежним значениям
Устойчивость к внешним изменениям	Нечувствительность к импорту институтов и внешним факторам, влияющим на структуру правил внутри данной экономической системы. При возникающих отклонениях – возврат к прежнему режиму функционирования

* Разработано автором.

Одним из институтов развития, приобретающим значительную популярность в аналитических работах, является Агентство регионального развития (АРР) или местные агентства экономического развития (МАЭР)¹ [22; 27], а также проектное управление [24] и финансирование [28], отвечающее принципам эффективности, устойчивости реализуемой стратегии и справедливости, которое [проектное управление] обычно трактуется без привязки к методам решения проектируемых задач [23].

При проектном управлении важно не только инвестирование и качество (содержание) проектов [29], но и собственно рассмотрение проектной ситуации аналитически точными методами и обоснование эффективных управленческих решений, зависящих от умений и опыта субъекта управления, а также от правил принятия решений.

При управлении территорией (регионом), как при использовании институтов развития, так и без них, аспект функционального обеспечения управления – функций агентств регионального развития становится определя-

ющим, как и стандартного набора институтов, функционировавших до ввода такого института развития как агентство регионального развития. В связи с этим вопрос относительно полноты и качества этого стандартного набора институтов, а также целесообразности ввода новых институтов в виде таких организаций, как агентства регионального развития, становится центральным при принятии решения и рассмотрении конкретной проектной ситуации в данном регионе.

Без поиска ответа на вопрос: почему уже существующие институты, отвечающие за развитие, не выполняли заданные им функции и почему не предпринимались действия по повышению эффективности этих институтов, а возникла необходимость в импорте институтов развития на основании некоторых (ограниченных) оценок успешности их работы в иных социально-экономических условиях² – невозможно понять целесообразность

¹ Такой вариант их обозначения также встречается в литературе.

² Заметим, что подобные оценки сами по себе требуют более подробного рассмотрения для определения факторов успешного функционирования этих институтов. Эта задача не снимает другую, еще более важную задачу – поиска причин неуспешности действующих институтов, определяющую потребность (явную или мнимую) на ввод институтов развития для данного региона или территории.

импорта. Особенно сомнительна целесообразность в случае, когда внутренние институты, действующие на территории, выполняют схожие функции [25; 26], а новый институт развития (Агентство регионального развития) зависит от выделяемого ресурса на развитие, ограниченность которого может стать причиной не столь высокой успешности применения данного института на конкретной территории. Кроме того, текущее состояние сложившихся институтов также будет оказывать влияние на функционирование вновь вводимых институтов, особенно если абсолютизируется зарубежный опыт и не учитывается функциональное наполнение действующих институтов, отвечающих за реализацию стимулов к развитию регионов.

Нужно отметить, что в разных странах институт развития в виде агентств регионального развития имеет свой собственный функционал и назначение, показывая определенную эффективность при влиянии на развитие регионов. Так, местные агентства по развитию в Южной Африке [27] имели ограничения в применении в виде величины местного экономического потенциала, ресурсного обеспечения и готовности институциональной системы к решению возникающих проблем. Например, в Турции организация агентств регионального развития ориентирована на установление контактов с университетами [30], поскольку основной целью их функционирования является повышение производительности труда в регионах за счет сотрудничества бизнеса с университетами и в рамках реализации совместных проектов. Имеются и критические оценки, в частности, решения проблемы экологической модернизации экономических систем посредством агентств регионального развития в регионах Англии [31]. На примере Уэльса рассматриваются отдельные функции агентств регионального развития, такие как координация, поощрение развития различных секторов экономики и повышение конкурентоспособности в производственном секторе и секторе информационных технологий [32]. Выявление отраслевых проблем развития, отбор и продвижение проектов бизнеса для их решения выступают основными задачами и определяют функционал агентств региональ-

ного развития в Португалии [33]. Здесь агентства имеют иной функционал, отличающий их от института предпринимательских ассоциаций, занимающихся не только экономическими проблемами развития бизнеса и проектами. Это важное обстоятельство, так как институты регионального развития не дублируют функции уже действующих институтов. Кроме того, агентства создаются для решения определенных проблем развития, которые необходимо решить в данной конкретной стране с точки зрения особенностей ее регионального развития. Вопрос относительно использования здесь зарубежного опыта остается открытым, но конкурентные преимущества от функционирования таких институтов развития могут быть приобретены при условии, что не будет происходить импорта институтов, вызывающих конфликт с действующим набором правил и организаций. При этом в отношении данного набора институтов будут не исчерпаны способы повышения эффективности действующих институтов и придания им необходимого разнообразия в решении возникающих проблем регионального развития. Так, в Чехии [34] работа агентств регионального развития не лишена недостатков, поскольку их состояние и функции четко не определены, в том числе в силу давления в рамках Европейского Союза.

На агентства возлагались надежды по поддержанию устойчивого экономического роста регионов, а их развертывание в разных странах происходило начиная с 1990-х гг. и продолжилось в 2000-е гг. в разных странах. Однако функционал и успешность функционирования агентств регионального развития существенно отличались. В связи с этим можно говорить о том, что влияние на региональное управление подчинялось многим факторам, где вклад агентств регионального развития мог быть не определяющим. Структурно-отраслевые аспекты развития регионов, проектное управление могли приобретать более весомое значение, например, при решении проблем зеленой или альтернативных форм энергетики [35]. Более того, применительно к задачам регионального развития российской экономики функционал агентств и применяемого проектного управ-

ления может оказаться весьма узким, чтобы импортировать институты [36]. Узость этого подхода связана с явным пренебрежением собственным опытом управления и действующими институтами развития – программами, ассоциациями предпринимателей, торгово-промышленными палатами, аналитическими региональными центрами развития (прямые аналоги агентств¹) и т. д. Причем весь набор указанных организаций, так или иначе, включает функционал агентств регионального развития, которым посвящена приводимая здесь литература.

Подводя итог, отметим, что без анализа причин снижения качества действующих институтов в регионах зарубежный опыт, имеющий свою страновую специфику, может не принести пользы, а общий аналитический тренд на обоснование импорта таких институтов в исследованиях российских ученых слабо обоснован. В связи с этим представляется важным заметить, что организация различных институтов развития, в том числе на региональном уровне, требует подчинения стоящим задачам развития и может осуществляться соразмерно масштабу возникающих проблем и имеющихся ресурсов. Этим и будет задан функционал института развития, какую бы правовую и организационно-управленческую форму он ни принимал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование, сформулируем основные релевантные выводы, имеющие не только сугубо теоретическое значение, но и обладающие полезностью в плоскости выработки управленческих решений по коррекции институтов, обоснованию необходимости импорта институтов и повышению качества действующих правил, регулирующих развитие экономики.

Во-первых, в современной экономике складывается новая форма конкуренции – институциональная конкуренция или борьба за стандарты и их соблюдение. Наиболее выгодная монополия – это монополия не на продукт на рынке, а на систему правил, кото-

рой следуют многие экономические агенты, а сами правила зависят от одного игрока, который получает подобного рода монопольную ренту. В связи с этим институциональная конкуренция выступает в виде относительно нового феномена современной конкурентной борьбы. Теорема Коуза как ядро институциональной экономики не учитывает ситуации изменения правил в аспекте институциональной конкуренции, когда трансакционные издержки явно не равны нулю.

Во-вторых, при импорте институтов может возрастать дисфункция и эффект блокировки, с чем можно бороться, аналитически точно обосновывая необходимый объем заимствования институтов с учетом определения конкурентных возможностей вводимых и действующих институтов в ситуации отсутствия, самостоятельного построения правил. Рассмотренные зарубежные исследования по проблемам создания и функционирования агентств регионального развития подтверждают, что в каждой стране они имели свои цели и функционал, что следовало из необходимости решения конкретных задач развития территорий. В связи с этим, с учетом масштабов российской экономики и территории России, отдельных регионов, критериальные требования по импорту к оценке эффективности подобных институтов развития должны быть четко определены.

В-третьих, обоснование импорта институтов требует оценки качества действующих и заимствуемых институтов. Подобный сопоставительный анализ можно осуществить по единообразному показателю качества (например, норме потребительной стоимости), выявив режим и масштаб заимствования или ввода новых институтов, замещающих уже действующие. В настоящем исследовании представлена одна из возможных методик для проведения указанного анализа.

Таким образом, представляется, что ожидания от импорта институтов развития в виде агентств регионального развития и проектного управления являются завышенными, а без выработки собственного институционального ландшафта обеспечить высокую конкурентоспособность не только в институциональной плоскости, но и по широкому набору благ для российской экономики будет

¹ Автор в 2012–2017 гг. в своих работах [12; 25; 26] отмечал эти обстоятельства, которыми пренебрегают в иных источниках [22].

весьма не просто. Потребность в импорте институтов вполне может рассматриваться как форма поражения в институциональной конкуренции. Перспективы настоящего исследо-

вания видятся в апробации предлагаемого подхода по оценке качества институтов и построенных моделей определения допустимого объема импорта институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Либроком, 2010. 368 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
3. Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. М.: Высшая школа экономики, 2011. 416 с.
4. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
5. Menard C. Research frontiers of new institutional economics // RAUSP Management Journal. 2018. Vol. 53 (1). P. 3–10. doi: 10.1016/j.rauspm.2017.12.002.
6. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. 464 с.
7. Meador J.E., Skerratt S. On a unified theory of development: New institutional economics and the charismatic leader // Journal of Rural Studies. 2017. Vol. 53. P. 144–155. doi: 10.1016/j.jrurstud.2017.05.007.
8. Park N.Y. Trust and trusting behavior in financial institutions: Evidence from South Korea // International Review of Economics and Finance. 2020. Vol. 67. P. 408–419. doi: 10.1016/j.iref.2020.02.007.
9. Prevost B., Rivaud A. The World Bank's environmental strategies: Assessing the influence of a biased use of New Institutional Economics on legal issues // Ecosystem Services. 2018. Vol. 29 (B). P. 370–380. doi: 10.1016/j.ecoser.2017.03.014.
10. Коуз Р. Фирма. Рынок. Право. М.: Дело, 1993. 192 с.
11. Полтерович В.М. Институциональная динамика и теория реформ // Эволюционная экономика и «мэйнстрим»: доклады участников междунар. симп., г. Пушино 29 мая – 1 июня 1998 г. М.: Наука, 2000. С. 31–54.
12. Сухарев О.С. Институты развития: необходимость и эффективность // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. № 2. С. 8–16.
13. Сухарев О.С. Дисфункция правил и институциональная эффективность // Журнал экономической теории. 2020. № 2. С. 433–450. doi: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.16.
14. Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Издательство института Гайдара, 2011. 224 с.
15. Candela R.A., Geloso V. Coase and transaction costs reconsidered: The case of the English lighthouse system // European Journal of Law and Economics. 2019. Vol. 48, № 3. P. 331–349. doi: 10.1007/s10657-019-09635-4.
16. Майерсон Р. Стандарты интервенций с целью государственного строительства. Экономика для любознательных. О чем размышляют Нобелевские лауреаты. М.: Изд-во института Гайдара, 2017. С. 222–241.
17. Khalil E.L. Lock-in institutions and efficiency // Journal of Economic Behavior and Organization. 2013. Vol. 88. P. 27–36. doi: 10.1016/j.jebo.2011.10.017.
18. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. М.: Экономика, 1996. 351 с.
19. Сухарев О.С. Мировой кризис: институциональные проблемы и реформы // Инвестиции в России. 2020. № 5. С. 7–15.
20. Сухарев О.С. Экономические санкции: проблема оценки ущерба // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8 (ч. 4) (85-4). С. 80–87.
21. Сухарев О.С. Институты и экономическое развитие. М.: ДеКА, 2005. 384 с.
22. Полтерович В.М. Региональные институты модернизации: доклад на заседании ученого совета Института экономики РАН. 22.11.2011. URL: <https://inecon.org/institut/arxiv-zasedaniya-uchenogo-soveta/Page-9.html> (дата обращения 08.09.2020).
23. Джонс Дж. К. Методы проектирования. М.: Мир, 1986. 326 с.
24. Мир управления проектами. Основы, методы, организация, применение / под редакцией Решке Х, Шелле Х. М.: Издательство «Аланс», 1993. 304 с.
25. Сухарев О.С. Институты регионального развития: концептуально-практический анализ организационных изменений // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 4 (259). С. 2–12.
26. Сухарев О.С. Региональная экономическая политика. М.: Ленанд, 2014. 144 с.

27. Lawrence F. The role of local economic development agencies in the South African local economic development landscape // *Urban Forum*. 2013. Vol. 24. P. 523–541. doi: [10.1007/s12132-013-9195-z](https://doi.org/10.1007/s12132-013-9195-z).
28. Kibris O., Tapki I.G. A mechanism design approach to allocating central government funds among regional development agencies // *Review of Economic Design*. 2014. Vol. 18, Iss. 3. P. 163–189. doi: [10.1007/s10058-014-0160-7](https://doi.org/10.1007/s10058-014-0160-7).
29. Momeni M.A., Yaghoubi S., Aliha M.R.M. An optimal control model for analyzing quality investment in the project management // *Computers and Industrial Engineering*. 2019. Vol. 129. P. 529–544. doi: [10.1016/j.cie.2019.02.007](https://doi.org/10.1016/j.cie.2019.02.007).
30. Eren E., Kosan N.I. The importance of the cooperation of regional development agencies with universities founded in the provinces in terms of entrepreneurship and innovation projects // *Procedia – Social and Behavioral Science*. 2012. Vol. 41. P. 363–366. doi: [10.1016/j.sbspro.2012.04.042](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.04.042)
31. Gibbs D. Ecological modernisation, regional economic development and regional development agencies // *Geoforum*. 2000. Vol. 31 (1). P. 9–19. doi: [10.1016/S0016-7185\(99\)00040-8](https://doi.org/10.1016/S0016-7185(99)00040-8).
32. Huggins R. Regional competitive specialization. Development Agency Sector Initiatives in Wales // *Area*. 1997. Vol. 29, Iss. 3. P. 241–252. doi: [10.1111/j.1475-4762.1997.tb00026.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-4762.1997.tb00026.x).
33. Salvador R., Juliao R.P., Ferreira J. Regional development agencies in Portugal // 40th Congress of the European Regional Science Association. Barcelona, 2000. 16 p.
34. McMaster I. Czech regional development agencies in a shifting institutional landscape // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58 (3). P. 347–370.
35. Goh H.H., Lee S.W., Chua Q.S., Goh K.C., Kok B.C., Teo K.T.K. Renewable energy project: Project management, challenges and risk // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2014. Vol. 38. P. 917–932. doi: [10.1016/j.rser.2014.07.078](https://doi.org/10.1016/j.rser.2014.07.078).
36. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. 2001. № 3. С. 24–50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Сергеевич Сухарев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: o_sukharev@list.ru).

REFERENCES

1. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of leisure class]. Moscow, Librokom, 2010. 368 p. (In Russian).
2. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions. Institutional change and economic performance]. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala» Publ., 1997. 180 p. (In Russian).
3. Commons J. *Pravovye osnovaniya kapitalizma* [Legal foundations of capitalism]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2011. 416 p. (In Russian).
4. Williamson O. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma* [The economic institutions of capitalism]. Saint Petersburg, Lenizdat Publ., 1996. 702 p. (In Russian).
5. Menard C. Research frontiers of new institutional economics. *RAUSP Management Journal*, 2018, vol. 53 (1), pp. 3–10. doi: [10.1016/j.rauspm.2017.12.002](https://doi.org/10.1016/j.rauspm.2017.12.002).
6. Hodgson G. *Ekonomicheskaya teoriya i instituty* [Economics and institutions]. Moscow, Delo Publ., 2003. 464 p. (In Russian).
7. Meador J.E., Skerratt S. On a unified theory of development: New institutional economics and the charismatic leader. *Journal of Rural Studies*, 2017, vol. 53, pp. 144–155. doi: [10.1016/j.jrurstud.2017.05.007](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.05.007).
8. Park N.Y. Trust and trusting behavior in financial institutions: Evidence from South Korea. *International Review of Economics and Finance*, 2020, vol. 67. pp. 408–419. doi: [10.1016/j.iref.2020.02.007](https://doi.org/10.1016/j.iref.2020.02.007).
9. Prevost B., Rivaud A. The World Bank's environmental strategies: Assessing the influence of a biased use of New Institutional Economics on legal issues. *Ecosystem Services*, 2018, vol. 29 (B), pp. 370–380. doi: [10.1016/j.ecoser.2017.03.014](https://doi.org/10.1016/j.ecoser.2017.03.014).

10. Coase R. *Firma. Rynok. Pravo* [The firm, the market and the law]. Moscow, Delo Publ., 1993. 192 p. (In Russian).
11. Polterovich V.M. *Institutsional'naya dinamika i teoriya reform* [Institutional dynamics and theory of reforms]. *Evolyutsionnaya ekonomika i «meinstrim». Doklady uchastnikov mezhdunarodnogo simpoziuma g. Pushchino 29 maya – 1 iyunya 1998 g* [Evolutionary economy and mainstream. Reports of the speakers in Pushchino International Symposium, 29 May – 01 June 1998]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 31–54. (In Russian).
12. Sukharev O.S. *Instituty razvitiya: neobkhodimost' i effektivnost'* [Institutions of development: Necessity and effectiveness]. *Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika* [Public audit. Law. Economy], 2017, no. 2, pp. 8–16. (In Russian).
13. Sukharev O.S. *Disfunktsiya pravil i institutsional'naya effektivnost'* [Dysfunctions of the rules and institutional effectiveness], *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2020, no. 2, pp. 433–450. (In Russian).
14. *Tullock G. Obshchestvennye blaga, pereraspredelenie i poisk renty* [Public goods, redistribution and rent seeking]. Moscow, Izdatel'stvo instituta Gaidara Publ., 2011. 224 p. (In Russian).
15. Candela R.A., Geloso V. Coase and transaction costs reconsidered: The case of the English lighthouse system. *European Journal of Law and Economics*, 2019, vol. 48, no. 3, pp. 331–349. doi: [10.1007/s10657-019-09635-4](https://doi.org/10.1007/s10657-019-09635-4).
16. Myerson R. *Standarty interventsii s tsel'yu gosudarstvennogo stroitel'stva. Ekonomika dlya lyuboznatel'nykh. O chem razmyshlyayut Nobelevskie laureaty* [Standards for state-building interventions. Economics for the curious. What the Nobel laureates are thinking about]. Moscow, Izdatel'stvo instituta Gaidara Publ., 2017, pp. 222–241. (In Russian).
17. Khalil E.L. Lock-in institutions and efficiency. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 2013, vol. 88, pp. 27–36. doi: [10.1016/j.jebo.2011.10.017](https://doi.org/10.1016/j.jebo.2011.10.017).
18. Chamberlin E. *Teoriya monopolisticheskoi konkurentsii* [Theory of monopolistic competition]. Moscow, Ekonomika Publ., 1996. 351 p. (In Russian).
19. Sukharev O.S. *Mirovoi krizis: institutsional'nye problemy i reformy* [Global crisis: Institutional problems and reforms]. *Investitsii v Rossii* [Investments in Russia], 2020, no. 5, pp. 7–15. (In Russian).
20. Sukharev O.S. *Ekonomicheskie sanktsii: problema otsenki ushcherba* [Economic sanctions: The problem of assessing damages]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2017, no. 8 (part 4) (85-4), pp. 80–87. (In Russian).
21. Sukharev O.S. *Instituty i ekonomicheskoe razvitie* [Institutes and economic development], Moscow, DeKA Publ., 2005. 384 p. (In Russian).
22. Polterovich V.M. *Regional'nye instituty modernizatsii: doklad na zasedanii uchenogo soveta Instituta ekonomiki RAN* [Regional institutes of modernization: Report at the Session of Academic Council in RAS Economics Institute]. 22.11.2011. Available at: <https://inecon.org/institut/arxiv-zasedaniya-uchenogo-soveta/Page-9.html> (accessed 08.09.2020).
23. Jones J.C. *Metody proektirovaniya* [Design methods of human futures]. Moscow, Mir Publ., 1986. 326 p. (In Russian).
24. *Mir upravleniya proektami. Osnovy, metody, organizatsiya, primeneniye / pod redaktsiei Reshke Kh, Shelle Kh* [Project management world. Fundamentals, methods, organization, application. Ed. by Kh. Reshke, Kh.M. Shelle]. Moscow, Izdatel'stvo «Alans» Publ., 1993. 304 p. (In Russian).
25. Sukharev O.S. *Instituty regional'nogo razvitiya: kontseptual'no-prakticheskii analiz organizatsionnykh izmenenii* [Institutes of regional development: Conceptual practical analysis of organizational changes]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: Theory and Practice], 2012, no. 4 (259), pp. 2–12. (In Russian).
26. Sukharev O.S. *Regional'naya ekonomicheskaya politika* [Regional economic strategy]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 144 p. (In Russian).
27. Lawrence F. The role of local economic development agencies in the South African local economic development landscape. *Urban Forum*, 2013, vol. 24, pp. 523–541. doi: [10.1007/s12132-013-9195-z](https://doi.org/10.1007/s12132-013-9195-z).
28. Kibris O., Tapki I.G. A mechanism design approach to allocating central government funds among regional development agencies. *Review of Economic Design*, 2014, vol. 18, iss. 3, pp. 163–189. doi: [10.1007/s10058-014-0160-7](https://doi.org/10.1007/s10058-014-0160-7).
29. Momeni M.A., Yaghoubi S., Aliha M.R.M. An optimal control model for analyzing quality investment in the project management. *Computers and Industrial Engineering*, 2019, vol. 129, pp. 529–544. doi: [10.1016/j.cie.2019.02.007](https://doi.org/10.1016/j.cie.2019.02.007).

30. Eren E., Kosan N.I. The importance of the cooperation of regional development agencies with universities founded in the provinces in terms of entrepreneurship and innovation projects. *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2012, vol. 41, pp. 363–366. doi: 10.1016/j.sbspro.2012.04.042.

31. Gibbs D. Ecological modernisation, regional economic development and regional development agencies. *Geoforum*, 2000, vol. 31 (1), pp. 9–19. doi: 10.1016/S0016-7185(99)00040-8.

32. Huggins R. Regional competitive specialization. Development Agency Sector Initiatives in Wales. *Area*, 1997, vol. 29, iss. 3, pp. 241–252. doi: 10.1111/j.1475-4762.1997.tb00026.x.

33. Salvador R., Juliao R.P., Ferreira J. Regional development agencies in Portugal. *40th Congress of the European Regional Science Association*, 2000. 16 p.

34. McMaster I. Czech regional development agencies in a shifting institutional landscape. *Europe-Asia Studies*, 2006, vol. 58 (3), pp. 347–370.

35. Goh H.H., Lee S.W., Chua Q.S., Goh K.C., Kok B.C., Teo K.T.K. Renewable energy project: Project management, challenges and risk. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2014, vol. 38, pp. 917–932. doi: 10.1016/j.rser.2014.07.078.

36. Polterovich V.M. Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutes]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2001, no. 3, pp. 24–50.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg Sergeevich Sukharev – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russia; e-mail: o_sukharev@list.ru).

Статья поступила в редакцию 26.11.2020, принята к печати 17.03.2021

Received November 26, 2020; accepted March 17, 2021

РАЗДЕЛ II. РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ
ЭКОНОМИКА

doi 10.17072/1994-9960-2021-2-150-167
JEL Code R58, D02, E02
УДК 330, ББК 65.01

© Базуева Е.В., Дубровская Ю.В., 2021

**ОБОСНОВАНИЕ ПРИЧИН НЕЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ
ИНСТИТУТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РФ
В КОНТЕКСТЕ ПАРАМЕТРОВ КАЧЕСТВА**

Елена Валерьевна Базуева^a

ORCID ID: [0000-0002-0945-3597](https://orcid.org/0000-0002-0945-3597), Researcher ID: [E-1233-2017](https://orcid.org/E-1233-2017), e-mail: bazueva.l@mail.ru

Юлия Владимировна Дубровская^b

ORCID ID: [0000-0002-3205-9264](https://orcid.org/0000-0002-3205-9264), Researcher ID: [F-2437-2017](https://orcid.org/F-2437-2017), e-mail: uliadubrov@mail.ru

^a Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15)

^b Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Россия, 614046, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29)

Предпринята попытка обоснования причин неэффективности функционирования системы институтов пространственного развития РФ на основе оценки базовых детерминантов качества данной системы. С этой целью на основе использования инструментария институциональной экономической теории, иерархического анализа, постулатов теории систем сформулированы и охарактеризованы параметры качества системы институтов пространственного развития: 1) объективность, предполагающая адекватность изменения системы институтов пространственного развития материальным условиям функционирования национальной экономики; 2) связь между элементами системы, определяющая уровень сбалансированности развития прямых и обратных, вертикальных и горизонтальных связей в системе; 3) когерентность целей и функций элементов системы, оценивающая согласованность функционального содержания институтов пространственного развития на разных уровнях иерархии; 4) уровень разнообразия, учитывающий степень инвариантности институциональных условий регионов в национальной политике пространственного развития; 5) эффективность как комплексный критерий качества системы институтов пространственного развития. Установлено, что система институтов пространственного развития РФ неэффективна по всем заданным детерминантам качества: воспроизводятся советские принципы территориального планирования, сдерживающие инновационность национальной экономики; не развиты обратные и горизонтальные связи, обеспечивающие целостность и адаптивность системы, возможность получения эффектов от специализации экономики регионов; не согласованы цели формальных и неформальных институтов на разных уровнях иерархии; игнорируются институциональные различия и уровни развития территорий при реализации региональной политики РФ; не выполняются критерии экономичности и результативности. В результате действующая система институтов пространственного развития РФ не способствует реализации главной задачи территориальной организации экономики – сокращению межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения путем активизации и интенсификации продуктивного межрегионального сотрудничества. Сделан вывод, что выделенные детерминанты качества системы институтов пространственного развития позволят более точно задать стратегические императивы необходимых изменений данной системы в России.

Ключевые слова: институты пространственного развития, эффективность, детерминанты качества, пространственная неоднородность, межрегиональная дифференциация, иерархия.

Для цитирования:

Базуева Е.В., Дубровская Ю.В. Обоснование причин неэффективности системы институтов пространственного развития РФ в контексте параметров качества // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Том 16. № 2. С. 150–167. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-150-167

QUALITY DETERMINANTS BASED JUSTIFICATION OF THE REASONS FOR AN INEFFICIENT SYSTEM OF THE RF SPATIAL DEVELOPMENT INSTITUTIONS

Elena V. Bazueva^a

ORCID ID: [0000-0002-0945-3597](https://orcid.org/0000-0002-0945-3597), Researcher ID: [E-1233-2017](https://orcid.org/E-1233-2017), e-mail: bazueva.l@mail.ru

Julia V. Dubrovskaya^b

ORCID ID: [0000-0002-3205-9264](https://orcid.org/0000-0002-3205-9264), Researcher ID: [F-2437-2017](https://orcid.org/F-2437-2017), e-mail: uliadubrov@mail.ru

^a Perm State University (15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia)

^b Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky Prospekt, Perm, 614046, Russia)

The paper attempts to evaluate the basic quality determinants to substantiate the reasons for an inefficient system of spatial development institutions in the Russian Federation. To do this, institutional economic theory tools, hierarchical analysis, the postulates of systems theory are applied to propose and to characterize the following quality parameters of the spatial development institutions system: 1) objectivity which implies that the changes in the spatial development institutions system match the material conditions of the national economy performance; 2) the connections between the system's elements, which determines the equilibrium in the development of direct and reverse, vertical and horizontal links in the system; 3) the coherence of the goals and functions of the system's elements, which preserves the consistence in the functional content for spatial development institutions at different hierarchical levels; 4) the degree of diversity, taking into account the degree of institutional conditions invariance in the regions under the national policy for spatial development; 5) efficiency as a multidimensional quality criterion for the spatial development institutions system. The spatial development institutions system has been found to be inefficient as regards all quality determinants in question: the system reproduces the Soviet spatial planning principles which restrain the focus on innovations in the national economy; reverse and horizontal connections ensuring the system's integrity and adaptability, as well as the possibility to benefit from the regional economy specialization are not developed; the goals of formal and informal institutions at different levels of the hierarchy are not coordinated; the institutional differences and degrees of spatial development are ignored in the Russian Federation regional policy; the criteria of cost effectiveness and efficiency are not met. As a result, the current spatial development institutions system in the Russian Federation does not contribute into achieving the main objective for the territorial organization of the economy, which is to narrow the interregional gap between the level and quality of life by promoting and stimulating efficient interregional cooperation. The paper concludes that the identified quality determinants for the spatial development institutions system are likely to be a tool to set more precise strategic imperatives for the necessary changes in the system in Russia.

Keywords: spatial development institutions, efficiency, quality determinants, spatial heterogeneity, interregional differentiation, hierarchy.

For citation:

Bazueva E.V., Dubrovskaya J.V. Quality determinants based justification of the reasons for an inefficient system of the RF spatial development institutions. *Perm University Herald. Economy*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 150–167. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-150-167

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время все чаще предметом экономических исследований становятся проблемы усиления пространственной дифференциации в развитии национальных и региональных социально-экономических систем. Исследователи обращают внимание на большой спектр последствий такого неэффективного пространственного развития: увеличение неравномерности

распределения показателей занятости, производительности труда, дифференциации доходов населения, усиление неравенства возможностей в реализации и отдаче от капитала образования [1], рост уровня социальной маргинализации населения [2], социальной напряженности [3], повышение угроз национальной безопасности [4]. Ряд исследователей рассматривают последствия игнорирования про-

странственного фактора в качестве причины неэффективности функционирования национальных социально-экономических систем в целом [5–7].

Выделяют разные причины усиления межрегиональной дифференциации в развитии национальных и региональных социально-экономических систем, среди которых в современных исследованиях все больше внимания уделяется вкладу институтов в процесс увеличения дивергенции развития национальных и региональных социально-экономических систем.

Так, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон с помощью инструментария экономико-математического моделирования обосновывают большую значимость вклада институциональных факторов по сравнению с географическими и демографическими (плотность населения и степень урбанизации территории) в процесс увеличения дивергенции развития стран [8]. Подобные результаты относительно значимости институтов в уровне развития городов и регионов Европы получены [1; 9]. При этом для исследования различных отклонений в реализации теоретических постулатов пространственной экономики в практической деятельности, т.е. фактически неэффективности институтов пространственного развития (уточнение наше. – Е.В., Ю.В.), S. Iammarino, A. Rodriguez-Pose, M. Storper используют термин «пространственные ловушки» (*spatial traps*). Однако теоретическое обоснование возникновения феномена пространственных ловушек с использованием инструментария институциональной экономической теории не стало предметом анализа авторов.

Среди российских ученых также многие акцентируют внимание на институциональных причинах неэффективности пространственного развития России [см., например, 10]¹, предлагается использовать категориальный аппарат институциональной экономической теории для исследования процессов пространственной дифференциации.

К примеру, Р.М. Нижегородцев, исходя из последствий территориальной дифференциации, которая «по уровню социально-экономического развития, хотя и создает условия для дальнейшего воспроизводства этого процесса, но в то же время подрывает, исчерпывает предпосылки этого воспроизводства» [11, с. 8] предлагает рассматривать территориальную дифференциацию как институциональную ловушку.

Е.С. Куценко использовал термин зависимости от предшествующего развития (*path dependence*) при описании процессов инерции в размещении производительных сил в регионах России [12, с. 10, 13].

Как показал наш анализ, несмотря на актуализацию роли институтов в формировании и усилении неравенства в развитии национальных и региональных социально-экономических систем, инструментарий институциональной экономической теории используется фрагментарно и ее методология не становится определяющей в исследованиях.

Кроме того, как справедливо заметили А.Х. Алонсо и К. Гарсимартин, «не достаточно признать, что институты имеют значение. Необходимо также определить детерминанты качества институтов. Это важная задача, для того чтобы проводить политику, направленную на улучшение институтов» [13]. В связи с этим считаем, что определение на основе использования инструментария институциональной экономической теории базовых детерминантов качества институтов пространственного развития позволит по-новому взглянуть на проблемы межрегиональной дифференциации и выявить природу возникновения данного вида дисфункциональности системы.

Исходя из вышесказанного, целью данной статьи является **применение инструментария институциональной экономической теории для исследования проблем снижения эффективности функционирования системы институтов пространственного развития в РФ в контексте**

¹ См. также об этом: Мавлютов Э.Ф., Юсин Г.С., Раев Ю.В. Предпосылки «Доктрины пространственного развития системы расселения РФ до 2025 г.». М.: ГУП «Научно-исследовательский и проектный институт генерального плана города Москвы». 2011. 39 с.

заданных параметров качества данной системы¹.

Для реализации поставленной цели необходимо обозначить методологические основания исследуемой реальности, позволяющие выработать принципы соотношения различных научных методов для организации исследования системы институтов пространственного развития.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Кратко обозначим основные параметры исследования. Заметим, что рассмотрение теоретических вопросов изучения системы институтов пространственного развития, включающих в том числе характеристику ее структурных элементов и их функциональное наполнение, не входит в предметное поле данной статьи.

Во-первых, исходя из большого количества сложившихся на данный момент подходов к трактовке базовой категории институциональной экономической теории, считаем необходимым уточнить, что мы придерживаемся точки зрения представителей старого институционализма в аспекте необходимости подчеркивания объективной природы института [16–18]. Это предполагает, что институты формируются под влиянием материальных (хозяйственных) условий социально-экономической системы, упорядочивая возможность осуществления экономическими агентами определенных видов деятельности в рамках этого хозяйственного порядка.

Во-вторых, существует также обратная связь между социально-экономической системой и системой институтов [см. об этом, например, 19]. Это означает, что в случае формирования системы институтов пространственного развития без учета материальных условий хозяйствования и социального устройства общества будет снижаться

эффективность функционирования социально-экономической системы в целом [20, с. 74–75].

В-третьих, данная система институтов анализируется с использованием постулатов системного подхода, предполагающего, что целостность и адаптивность системы к изменениям обеспечивают наличие прямых, обратных и горизонтальных связей между ее элементами. Вертикальные связи являются системообразующими, позволяют закрепить функциональное содержание структурных элементов институциональной иерархии. Горизонтальные связи обеспечивают внутреннюю интегрированность институциональных структур, способность к институциональному управлению процессами пространственного развития на основе интенсификации экономического взаимодействия локальных территорий [21, с. 53].

В-четвертых, использование инструментария иерархического подхода к анализу системы институтов пространственного развития позволяет учесть наличие таких важных свойств экономического пространства, как «иерархичность и неоднородность» [22, с. 11]. В этом случае акцентируется внимание на отдельных частях данной системы, неоднородности взаимодействующих в ней субъектов, которые находятся в тесной взаимосвязи с друг другом и развиваются вместе с системой институтов в целом. Каждый элемент данной иерархической системы испытывает влияние других элементов, изменяя свое функциональное содержание. При этом управляющая система может находиться с объектом управления на разных уровнях иерархии. Следовательно, в иерархической системе труднее сформулировать однозначные цели управления, поэтому возникает проблема сбалансированного развития всех уровней иерархии [23, с. 31–33]. Применительно к нашему объекту исследования это предполагает, что функциональное наполнение института каждого уровня иерархии должно совпадать между собой, сформировав согласованные усилия в достижении единой цели конвергентного солидарного связанного пространственного развития.

В-пятых, синтез инструментария институциональной теории, иерархического ана-

¹ Обоснование подходов к определению универсальных параметров качества институциональной системы и их характеристика применительно к системе институтов гендерной власти и системе институтов кластерного развития региональной экономики представлены в следующих работах авторов [14; 15].

лиза и системного подхода сформировал в качестве одной из методологических предпосылок исследования системы институтов пространственного развития необходимость учета степени соответствия сложности принятия решений на более высоком уровне иерархии инвариантному многообразию поведения подсистем ее нижних уровней. Иными словами, при проектировании институтов пространственного развития на национальном уровне целесообразно учитывать разные институциональные условия и уровень развития регионов РФ. В этом случае снижается вероятность возникновения различных проблем функционирования всей системы институтов в виде институционального конфликта с действующей системой институтов, эффекта блокировки, проявления оппортунизма и т. д.

В-шестых, в понимании категории эффективности системы институтов пространственного развития мы исходим из широкого подхода к ее трактованию, распространенному в современной науке. Данный подход предполагает, что эффективность синтезирует три категории экономической науки: экономичность, результативность и качество. Это соответствует параметрам сложных саморазвивающихся систем, для которых определяющим признаком эволюции выступает качественное развитие, характеризующееся количественной определенностью [24].

Используем далее обозначенные выше методологические предпосылки для выявления проблем снижения эффективности функционирования системы институтов пространственного развития в РФ в контексте заданных параметров качества данной системы.

ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РФ В КОНТЕКСТЕ ПАРАМЕТРОВ КАЧЕСТВА

Предполагается, что выделенные в данном разделе параметры качества должны рассматриваться в единстве для обеспечения эффективности всей системы институтов пространственного развития. Их содержание раскрывает качество выполнения данной системой заданных функций, т. е. фактически

характеризует эффективность ее функционирования как системы в целом. Начнем с рассмотрения объективных основ формирования неэффективности современной системы институтов пространственного развития РФ.

Адекватность изменения системы институтов пространственного развития материальным условиям функционирования национальной экономики (параметр – объективность)

Действующая система институтов пространственного развития, несмотря на переход к рыночным условиям хозяйствования, сохраняет некоторые элементы, сформированные в советский период развития нашей страны. К таким элементам, на наш взгляд, можно отнести сохранение советских принципов территориального планирования (однопрофильность и ресурсоориентированность)¹. Ресурсоориентированность предполагала планомерное насаждение промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья с целью последовательной ликвидации всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни [27, с. 103–104]. Обязательным условием при принятии решения о развертывании производственных процессов в экономическом районе было сочетание «первичных форм сырья» с наличием источников получения энергии в экономическом районе и возможности их комплексного использования [28, с. 261. Цит. по: 26, с. 6].

Следовательно, главными факторами при определении границ экономических районов были природа и экономика. Как справедливо подчеркивает В.Л. Глазычев, социально-демографический компонент программирования был проигнорирован в ГОЭЛРО, что объяснимо не только общим контекстом эпохи «военного коммунизма», но и оправданной тогда, хотя и наивной, уверенностью в неисчерпаемости демографических ресурсов России [29]. Кроме того, при размещении

¹ Данные принципы были определены Комиссией по изучению естественных производительных сил страны России (КЕПС), созданной в 1915 г. под руководством В.И. Вернадского, и пролонгированы Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО), Советом по изучению производительных сил (СОПС). Подробнее: [25–27].

крупных предприятий не учитывались размеры и социальные параметры городских хозяйств, важность развития соответствующей инфраструктуры, антропогенная нагрузка на окружающую среду [26, с. 8].

Как показывают результаты исследований, развитие регионов России продолжает основываться на факторах первой природы: обеспеченность природными ресурсами и географическое положение [30]. При этом нельзя не согласиться с выводами ряда исследований, доказавших, что инновационные источники роста не могут возникнуть безосновательно. Они объективно формируются на основе имеющихся в регионе промышленных взаимосвязей и комплексов, определяющих новые возможности и новые отрасли развития экономики [31]. Вместе с тем современные факторы пространственного развития, к которым относят конкурентные преимущества, созданные деятельностью человека и общества, продолжают недооцениваться при территориальном планировании национальной экономики [см. подробнее: 32].

Вторым советским принципом территориального планирования, который также воспроизводится в современной России, является однопрофильность. Известно, что методология составления плана ГОЭЛРО опиралась на принцип выделения основного звена в структуре экономики региона. Специализация экономики региона закреплялась с целью соблюдения необходимой пропорциональности развития национальной экономики в целом за счет обеспечения одинаковых темпов роста всех отраслей [33, с. 12; 26]. Данный принцип сохранен и при определении современных приоритетов пространственного развития РФ¹.

Преимущество выделенных выше советских принципов экономического районирования при определении границ макрорегионов (федеральных округов) подчеркивается многими исследователями [см. например, 34], которые обращают внимание, что это является одной из основных причин не-

оптимальности пространственного развития современной российской экономики [26; 29; 35; 36].

Подчеркнем, что большая часть кластеров, функционирующих в настоящее время, также была сформирована централизованно, в рамках ведущей отрасли региональной экономики, учитывающей специализацию территории размещения [см. подробнее: 37].

В этой связи обратим внимание на бесперспективность пролонгации данного принципа в условиях современной экономики, так как однопрофильность может стать сдерживающим фактором инновационного развития национальной экономики. Так, на примере регионов Китая *Sh. Zhu, C. Hey, Y. Zhou* было доказано, что возможности развития территории не должны ограничиваться существующей отраслевой структурой экономики, поскольку инновационное развитие возможно только на основе развития новых отраслей, т.е. диверсификации экономики региона [38]. Не случайно, еще в 2007 г. была введена концепция «продуктового пространства» (*The Product Space*), обуславливающая необходимость комплексности производственной структуры страны [39]. Эмпирически учеными было доказано, что уровень ее разнообразия определяет более высокий уровень развития страны.

Подобные выводы на примере восточных и западных регионов России были получены Е.А. Коломак. Кроме того, автором акцентировано внимание на том, что ресурсоориентированная экономика, доминирующая в восточных регионах, также менее чувствительна к диверсификации [40, с. 143].

Исходя из вышесказанного, очевидна необходимость трансформации существующих инструментов экономического районирования для решения разнохарактерных задач развития рыночных отношений, соответствующих современным мировым тенденциям и реалиям мирового развития.

Определение уровня сбалансированности развития вертикальных и горизонтальных связей в системе институтов пространственного развития (параметр – связи между элементами системы)

В настоящее время многими исследователями подчеркивается, что для системы

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 25.05.2020).

институтов пространственного развития характерно развитие только прямых связей, позволяющих выстроить соподчиненность ее уровней.

Различные инструменты пространственного развития, нацеленные на развитие территорий и снижение их неоднородности, выстроенные только по данному принципу («сверху»), показывали свою неэффективность. Одним из последних таких инструментов пространственного развития стали макрорегионы, структура которых утверждена Правительством РФ в феврале 2019 г. в рамках принятой Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г.¹ При этом учеными подчеркивается, что формирование макрорегионов «сверху» эффективно только для реализации федеральной региональной политики, тогда как для развития межрегионального сотрудничества, указанного в качестве основного стратегического приоритета пространственного развития РФ до 2025 г., макрорегионы должны формироваться «снизу» [41]. В этом случае в большей степени будут учтены интересы каждого субъекта взаимодействия.

В настоящее время горизонтальные связи в системе институтов пространственного развития выстроены только в двух крупнейших агломерациях страны. Сложившиеся тренды, подчеркивает Н.В. Зубаревич, усиливают объективные барьеры пространственного развития [42, с. 55].

Не случайно, развитие обратных и горизонтальных связей является одной из целей развитых стран на современном этапе развития. Более того, опыт развитых стран показывает, что развитая система горизонтального управления в реализации европейской региональной политики и ее органов управления с активным участием предприятий, населения и институтов гражданского общества (обратные связи), обеспечивающим возможность влияния на стратегии регионального развития и формирование своих стратегий в собственных секторах и сфе-

рах, является одним из факторов сокращения пространственной дифференциации [43, с. 20–21]. Кроме того, только в условиях развитых горизонтальных и межсистемных связей возможно получение эффектов от специализации экономики регионов, сформировавшейся в советский период развития нашей страны и воспроизводящейся, как было показано нами выше, на современном этапе ее развития.

Оценка согласованности функционального содержания институтов пространственного развития на разных уровнях иерархии (параметр – когерентность целей и функций элементов системы)

В качестве единой цели системы институтов пространственного развития в РФ в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. определено: обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны. При этом под пространственным развитием законодателем понимается «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития»². Таким образом, принимая во внимание тот факт, что система расселения включает отдельных индивидов, а организация экономики – хозяйствующих субъектов, можно объективно заключить, что элементами системы пространственной организации экономики является вся совокупность субъектов различных иерархических уровней – от нано- до мегауровня. Это обуславливает высокий уровень сложности пространственной организации и пространственных взаимодействий в современной экономике.

В настоящее время для системы институтов пространственного развития, как отмечают многие исследователи, характерна некогерентность как интересов, так и, соот-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 25.05.2020).

² Там же.

ветственно, целей между различными уровнями иерархии. К примеру, Т.А. Пестерева акцентирует внимание на разнородности и разнонаправленности целей административно-территориального деления (федеральные округа) и экономического районирования (макрэкономические регионы) единой территории России [44]. Проблемы несогласованности интересов и целей институтов федеральных органов власти и местного самоуправления рассмотрены в [35]¹.

Разделяя мнение П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко, считаем, что оптимальный «институциональный баланс» (в терминах С.Г. Кирдиной) для гармонизации интересов субъектов экономики различных иерархических уровней может быть сформирован при доминирующей роли хозяйствующих субъектов [22, с. 23] при наращивании потенциала межуровневых взаимодействий [45, с. 646]. В целом это позволит обеспечить большую комплементарность системы формальных и неформальных институтов пространственного развития на разных уровнях иерархии и повысить эффективность данной системы.

Степень учета инвариантности институциональных условий регионов в национальной политике пространственного развития (параметр – уровень разнообразия)

В настоящее время многие исследователи акцентируют внимание на необходимости учета структурного разнообразия в аспекте оценки и возможности сокращения «пространственной неравномерности» развития экономики России, поскольку «найти различия проще, когда единицы наблюдения малы, чем среди крупных, где различия стираются. Агрегирование ведет к потере информации о контрастах пространства» [46, с. 19].

Спектр выделенных негативных последствий перманентного воспроизводства усредненного подхода в современной государственной региональной политике России, не учитывающего различия в уровне развития и

особенностях институциональных условий в регионах РФ, достаточно широк.

Так, применение единых критериев к оценке эффективности деятельности субфедеральных органов власти² и к отбору заявок на различные формы финансовой федеральной поддержки усиливает дифференциацию и неоднородность пространственного развития. Например, «средства на стимулирование региона к экономическому развитию» в виде грантов выделяются субъектам РФ, достигшим наилучших значений показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц и региональных органов исполнительной власти. В результате укрепляются конкурентные позиции заведомо сильных регионов, поскольку согласно порядку распределения грантов распределение средств производится на основе итогового рейтинга между субъектами РФ, занявшими с 1-го по 50-е места рейтинга.

Спонтанность процесса стратегирования без учета проблем, особенностей и конкурентных преимуществ регионов со слабым аналитическим обоснованием выбранных приоритетов и отсутствием конкретных проектов [см. подробнее: 47] приводит к принятию однотипных стратегий развития регионов, декларативный характер которых, с одной стороны, не обеспечивает достижение целевых индикаторов развития, с другой – ограничивает получение государственных инвестиций в полном объеме.

Унификация норм и правил пространственного обустройства страны в части административно-территориального деления путем формирования макрорегионов не решает, как показала проведенная нами оценка, возложенной на них задачи снижения пространственной неоднородности путем

¹ См. также об этом: Доклад о состоянии местного самоуправления в РФ, перспективах его развития и предложения по совершенствованию правового регулирования организации и осуществления местного самоуправления. М. 2017. 68 с.

² См. например, *Постановление* Правительства РФ от 17.07.2019 № 915 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ»; *Указ* Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».

интенсификации межрегионального сотрудничества [48]. Отчасти это связано с нерешенностью вопросов управления макрорегионами, что подтверждается рядом исследований [49–51]. В качестве решения проблемы предлагается отказ от единой универсальной структуры макрорегионов в пользу нескольких отраслевых. Как отмечает О.В. Кузнецова, «исходя из того, что для разных сфер деятельности оптимальными оказываются разные по масштабам и конфигурации макрорегионы, их отраслевых сеток в стране может быть несколько» [41, с. 116].

Реализация «модельного» подхода к формированию бюджетов, как подчеркивают Р.С. Афанасьев, Л.Н. Богданов, Р.В. Гулидов, С.Н. Леонов, фактически приведет к перераспределению средств от северных и дальневосточных регионов к другим субъектам РФ и достижению «всеобщего равенства в бедности» [52].

Таким образом, выделенные нами примеры усредненного подхода при реализации региональной политики России демонстрируют негативные последствия игнорирования институциональных различий и уровней развития территорий.

Эффективность как комплексный критерий качества системы институтов пространственного развития

Подробно раскроем содержание каждого элемента категории «эффективность» применительно к анализируемой институциональной системе.

Что касается критерия экономичности, то необходимо обратить внимание на неадекватность фактических затрат и результатов функционирования большей части действующих и вновь создаваемых институтов пространственного развития: кластерных структур [53], системы зон со специальными режимами хозяйствования [54–56], технопарков [57].

П.А. Минакир, анализируя национальный проект по развитию Дальнего Востока и расширение Дальневосточного федерального округа за счет передачи в его состав Республики Бурятия и Забайкальского края, также обращает внимание на ограниченность располагаемых экономических ресурсов для осуществления реальных преобразо-

ваний в социально-экономической и институциональной сферах [58, с. 16].

Что касается критерия результативности, предполагающего в том числе оценку степени достижения целей и функций институтов, то, к сожалению, в российской практике пространственного развития можно привести достаточно много примеров, когда функционирование института отклоняется от «стандартного» – от того, которое ожидалось экономическими агентами и (или) законодателем при трансплантации или конструировании [59, с. 91].

Одним из таких примеров институциональной неэффективности является проведение ***политики поддержки так называемых «регионов (полюсов) роста»***, которая благодаря агломерационным механизмам должна была автоматически привести к переливу знаний или распространению инноваций и, как следствие, сокращению уровня межрегиональной дифференциации в России. Однако учеными доказывается негативное влияние полюсов роста на окружающее пространство в части утраты имеющихся ресурсов [60]. Данные процессы, называемые «опустыниванием» соседних субъектов РФ [61, с. 47], способствуют истощению экономического потенциала регионов-доноров и повышению пространственного неравенства территорий. Подобные выводы получили подтверждение и на данных регионов Европы [1].

В качестве второго примера институциональной неэффективности можно привести ***функционирование института транспортной связанности регионов***, когда фактически уменьшение транспортных затрат приводит не к снижению, а напротив, к росту пространственной неоднородности.

Данный вывод был подтвержден А.Г. Исаевым с помощью регрессионных моделей на данных 75 смежных субъектов РФ за период 2000–2013 гг. Было выявлено статистически значимое отрицательное влияние (примерно одинаковое для двух типов прокси-индикаторов) автомобильных и железных дорог соседних регионов на экономический рост, что связывается автором с преобладанием локального типа инфраструктуры над сетевым. Кроме того, регионы с высокими темпами развития сети автомобильных дорог

имеют более высокие темпы роста среднедушевого дохода и, как следствие, более высокую отдачу на факторы производства – труд и капитал. Это приводит к усилению конкуренции между регионами за мобильные факторы производства, которые перемещаются в более динамично развивающиеся регионы [62, с. 67].

Схожие результаты были получены *S. Iammarino, A. Rodriguez-Pose, M. Storper* на данных стран ЕС, утверждающими, что транспортная связанность усиливает неоднородность в региональном развитии за счет увеличений различий в привлекательности регионов. Связанные между собой места не только лучше приспособлены для использования своих до сих пор скрытых сравнительных преимуществ, но и подвержены повторной централизации ресурсов и знаний из-за снижения транспортных издержек обслуживания менее густонаселенных регионов [1]. Подобный вывод о рассредоточении экономической активности в результате улучшения транспортной инфраструктуры на примере российских регионов делает Е.А. Коломак [40, с. 147].

Приведенные нами примеры институциональной неэффективности демонстрируют отклонение функционирования института от ожидаемых экономическими агентами результатов. Очевидно, что действенность и эффективность института определяется степенью его соответствия сложившимся условиям развития и действующей институциональной среде. Поэтому те или иные управленческие решения, связанные с улучшением пространственной организации, должны учитывать данные аспекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синтез инструментария институциональной экономической теории, иерархического анализа и системного подхода использован для обоснования причин неэффективности функционирования действующей системы институтов пространственного развития. С этой целью определены базовые параметры качества системы институтов пространственного развития, дана их характеристика. Исходя из представленного анализа, можно констатировать, что си-

стема институтов пространственного развития неэффективна, поскольку не соответствует критериям экономичности и результативности, финансово не обеспечена, не детерминирует и не регламентирует хозяйственную деятельность экономических субъектов и, как следствие, не способствует повышению экономической, социальной и институциональной эффективности функционирования социально-экономических систем.

В результате, сложившаяся система институтов пространственного развития не обеспечивает реализации главной задачи территориальной организации экономики – сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения путем активизации и интенсификации продуктивного межрегионального сотрудничества. Возможно, одной из фундаментальных причин устойчивости неэффективных институтов в данной области является то, что политические задачи управляемости в России превалируют над задачами экономического развития и роста, когда на передний план выходят «интересы преимущественно управленческого удобства» [34].

Данный тезис подтверждается в исследовании советского гражданства *G. Alexopoulos*, отмечающей, что основополагающими факторами при принятии решений в СССР являлись политические, при этом органы власти «принципиально не руководствовались экономическими соображениями» [63, с. 489].

Соглашаясь с тем, что «попытки модернизации России упираются в барьеры, обусловленные ее огромной территорией» [42, с. 48], отметим наличие положительного опыта ряда аналогично «больших» стран, успешно преодолевших данные барьеры. Так, страны ЕС успешно взаимодействуют в рамках концепции «умной специализации», реализованной на специальной платформе (*Smart Specialisation Platform*), которая позволяет выбрать специализацию путем сравнения собственных возможностей с возможностями других территорий, оценки собственной конкурентоспособности, определения целевых рынков и отраслевых приоритетов.

В США вопросы стимулирования межтерриториального сотрудничества решаются на основе государственно-частного партнер-

ства, объединяющего ресурсы богатых и бедных штатов при реализации совместных проектов [64]. Правовые основы указанного сотрудничества определены законодательно путем закрепления за территориями разных уровней специальных источников доходов. Таким образом, автономия налоговых поступлений имеет принципиальное значение для развития межрегиональной кооперации.

В данном контексте определенный интерес представляет опыт Канады, где часть провинций уполномочена не только принимать решения по вопросам налогообложения, но и изменять внутреннее конституционное устройство [64]. При этом доходы от использования природных ресурсов направляются на социальные расходы.

Приведенные примеры свидетельствуют о реальной возможности построения эффективных институтов пространственного развития в странах с большими площадями. Представляется, что дальнейшее исследование системы институтов пространственного развития национальной экономики в контексте выделенных детерминантов качества позволит не только наиболее точно определить исходное качество институциональной системы и степень ее дисфункциональности, но и более точно скорректировать вектор и содержание институциональных изменений, необходимых на данном этапе развития экономики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Разработка методологии, математического и программного инструментария пространственного развития экономики на основе реформирования системы межрегионального взаимодействия» 19-010-00562.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Iammarino S., Rodriguez-Pose A., Storper M.* Regional inequality in Europe: evidence, theory and policy implications // *Journal of Economic Geography*. 2019. № 19. P. 273–298. doi: 10.1093/jeg/lby021.
2. *Andres-Rosales R., Bustamante Lemus C., Argumosa Ramirez G.S.* Social exclusion and economic growth in the Mexican regions: A spatial approach // *Journal of Regional Research*. 2018. № 40. P. 57–78.
3. *Puga D.* European regional policy in light of recent location theories // *Journal of Economic Geography*. 2002. № 2. P. 373–406. doi: 10.1093/jeg/2.4.373.
4. *Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В.* Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // *Экономика региона*. 2019. № 3. С. 631–643. doi: 10.17059/2019-3-1.
5. *Татаркин А.И.* Историческая миссия среднего региона в модернизации российской экономики // *Федерализм*. 2011. № 1. С. 19–30.
6. *Минакир П.А.* Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // *Экономика региона*. 2019. № 4. С. 967–980. doi: 10.17059/2019-4-1.
7. *Кузнецова О.В.* Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // *Федерализм*. 2019. № 4. С. 112–125. doi: 10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-112-125.
8. *Robinson J.A., Acemoglu D., Johnson S.* Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. № 118. P. 1231–1294.
9. *Charron N., Dijkstra L., Lapuente V.* Regional governance matters: Quality of government within European Union member states // *Regional Studies*. 2014. № 48. P. 68–90. doi: 10.1080/00343404.2013.770141.
10. *Зубаревич Н.В.* Региональное развитие и институты. URL: <https://iq.hse.ru/news/177674371.html> (дата обращения: 05.05.2020).
11. *Нижегородцев Р.М.* Поляризация экономического пространства России и парадигма устойчивого неравновесия макросистем // *Инновационное развитие экономики*. 2019. № 5 (53), часть 2. С. 7–13.
12. *Куценко Е.С.* Зависимость от предшествующего развития в сфере пространственного размещения производительных сил – плохая новость для эмпирических исследований агломерационных эффектов // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2012. № 2 (14). С. 10–26.

13. *Alonso J., Garcimartin C.* The Determinants of institutional quality. URL: www.nottigham.ac.uk/credut/documents/papers/09-04.pdf. (дата обращения: 09.08.2011).
14. *Базуева Е.В.* Детерминанты качества институциональной системы (на примере системы институтов гендерной власти) // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 9. С. 17–29.
15. *Ковалева Т.Ю., Базуева Е.В.* Детерминанты качества системы институтов кластерного развития региональной экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». 2016. № 1. С. 21–30.
16. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс. 1984. 367 с.
17. *Московский А.Н.* Пределы институционализма // Экономист. 2005. № 6. С. 74–81.
18. *Шеломенцев А.Г.* Теория и методология эволюции хозяйственных сообществ в реальном секторе национальной экономики: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01; 08.00.05. Екатеринбург, 2003. 269 с.
19. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с.
20. *Базуева Е.В.* Система институтов гендерной власти в экономике России: основы теории и методологии. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2015. 456 с.
21. *Базуева Е.В.* Детерминанты качества системы институтов пространственного развития: постановка проблемы // Труды IX Всерос. симп. по экономической теории. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. С. 52–53
22. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32. doi: 10.14530/se.2010.2.006-032.
23. *Перский Ю.К., Шульц Д.Н.* Взаимодействие микро- и макроэкономики: иерархический подход. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2005. 192 с.
24. *Базуева Е.В.* Концептуальные основы исследования герменевтики категории эффективности с позиции эволюции научного знания // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2017. № 3. С. 7–15. doi: 10.24143/2073-5537-2017-3-7-15.
25. *Исюмова О.Н., Бергер Ю.А.* Исторический аспект экономического районирования России // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. № 3. С. 36–45. doi: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).36.
26. *Дубровская Ю.В., Пакулина Д.А.* Особенности пространственного развития отечественной экономики на основе ретроспективного анализа // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 33. С. 5–10. doi: 10.18323/2221-5689-2018-2-5/10.
27. *Кузнецов С.В., Межевич Н.М.* Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий // Экономическое возрождение России. 2017. № 2. С. 97–113.
28. *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль. 1969. 336 с.
29. *Глазычев В.Л.* Россия: принципы пространственного развития. URL: https://glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv_oglav.htm (дата обращения: 05.05.2020).
30. *Cervantes R.F., Dubrovskaya J.V.* Differences of regional development in Russia and Mexico: Is cluster policy reducing the gap? // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. № 18. P. 12875–12890.
31. *Neffke F., Henning M., Boschma R.* How do regions diversify over time? Industry relatedness and the development of new growth paths in regions // Economic Geography. 2011. № 3. P. 237–265.
32. *Одинцова Ю.В.* Организация и трансформация городской среды на основе соотношения порядков координации в иерархической системе мест // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 15, № 1. С. 25–83. doi: 10.17072/1994-9960-2020-1-25-83.
33. *Морозова Н.И.* Актуальное значение советского опыта территориального планирования и рационального размещения производства // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». 2011. № 1. С. 12–16.
34. *Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М.* Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. № 1. С. 66–99. doi: 10.14530/se.2020.1.066-099.
35. *Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Одинцова А.В.* Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 51–76. doi: 10.24411/2073-6487-2020-10003.
36. *Ahrend R.* Speed of reform, initial conditions or political orientation? Explaining Russian regions' economic performance // Post-Communist Economies. 2005. № 3. P. 289–317. doi: 10.1080/14631370500204198.

37. Бортник И.М., Земцов С.П., Иванова О.В., Куценко Е.С., Павлов П.Н., Сорокина А.В. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки // *Инновации*. 2015. № 7. С. 26–36.
38. Zhu S., Hey C., Zhou Y. How to jump further and catch up? Path-breaking in an uneven industry space // *Journal of Economic Geography*. 2017. № 3. P. 521–545.
39. Hidalgo C.A., Klinger B., Baraba' si A.-L., Hausmann R. The product space conditions the development of nations // *Science*. 2007. № 317. P. 482–487. doi: [10.1126/science.1144581](https://doi.org/10.1126/science.1144581).
40. Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 132–150.
41. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // *Пространственная экономика*. 2019. № 4. С. 107–125. doi: [10.14530/se.2019.4.107-125](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125).
42. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // *Мир новой экономики*. 2017. № 2. С. 46–57.
43. Селиверстов В.Е. Федерализм, региональное развитие и региональная наука в постсоветской России: модернизация или деградация? // *Регион: экономика и социология*. 2013. № 4. С. 3–36.
44. Пестерева Т.А. Эволюционный анализ формирования пространственной структуры национальной экономики // *Master's Journal*. 2019. № 2. С. 136–144.
45. Amable B. Institutional complementarity and diversity of social systems of innovation and production // *Review of International Political Economy*. 2000. № 4. P. 645–687. doi: [10.1080/096922900750034572](https://doi.org/10.1080/096922900750034572).
46. Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // *Пространственная экономика*. 2019. № 4. С. 13–35. doi: [10.14530/se.2019.4.013-035](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035).
47. Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. Smart by oneself? An analysis of Russian regional innovation strategies within the RIS3 Framework // *Foresight and STI Governance*. 2018. № 1. P. 26–45.
48. Дубровская Ю.В., Пестерева Т.А., Козоногова Е.В. Пространственная кластеризация регионов России как фактор снижения неравномерности экономического развития // Развитие территориальных социально-экономических систем. Вопросы теории и практики: материалы XVI науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. С. 55–58.
49. Седов Е.В. Макрорегионы и федеральные округа как территориальные единицы стратегического планирования. URL: <http://sisupr.mrsu.ru/2015-4/PDF/Sedov.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).
50. Бухвальд Е.И., Валентик О.Н. Макрорегионы как новация стратегирования пространственного развития экономики России // *Региональная экономика. Юг России*. 2019. № 1. С. 18–28. doi: [10.15688/re.volsu.2019.1.2](https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.2).
51. Степуть И.С. Макрорегионы в системе управления пространственным развитием России // *Проблемы теории и практики управления*. 2019. № 1. С. 46–54.
52. Афанасьев Р.С., Богданов Л.Н., Гулидов Р.В., Леонов С.Н. «Модельные» бюджеты: последствия для субъектов Российской Федерации // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15, № 1. С. 132–156.
53. Дубровская Ю.В. Эффективная локализация кластеров как основа инновационного развития национальной экономики // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2016. № 3. С. 264–276. doi: [10.21684/2411-7897-2016-2-3-264-276](https://doi.org/10.21684/2411-7897-2016-2-3-264-276).
54. Виленский А.В. От свободных экономических зон к территориям опережающего развития // *Федерализм*. 2020. № 1. С. 27–43. doi: [10.21686/2073-1051-2020-1-27-43](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-27-43).
55. Половникова В.В., Дубровская Ю.В. Анализ эффективности функционирования особых экономических зон в условиях цифровой трансформации промышленности // *Цифровая трансформация промышленности: тенденции, управление, стратегии: материалы I Междунар. науч.-практ. конф.* Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. С. 405–412.
56. Кузнецова О.В. Особые экономические зоны: эффективны или нет? // *Пространственная экономика*. 2016. № 4. С. 129–152. doi: [10.14530/se.2016.4.129-152](https://doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152).
57. Гринев Н.Н., Николаева Н.Ю. Мировая практика функционирования технопарков // *Транспортное дело России*. 2019. № 4. С. 63–65.
58. Минакир П.А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // *Пространственная экономика*. 2019. № 1. С. 7–17. doi: [10.14530/se.2019.1.007-017](https://doi.org/10.14530/se.2019.1.007-017).
59. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2007. 448 с.
60. Суворова А.В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. № 6. С. 110–128. doi: [10.15838/esc.2019.6.66.6](https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.6).

61. Русановский В.А., Марков В.А. Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимозависимости // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2. С. 36–48.
62. Исаев А.Г. Транспортная инфраструктура и экономический рост: пространственные эффекты // Пространственная экономика. 2015. № 3. С. 57–73. doi: 10.14530/se.2015.3.057-073.
63. Alexopoulos G. Soviet citizenship, more or less: Rights, emotions, and states of civic belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. № 3. P. 487–528. doi: 10.1353/kri.2006.0030.
64. Кофанов А.А. Зарубежный опыт межрегиональной экономической интеграции как фактора социально-экономического развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 31. С. 60–64.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Валерьевна Базуева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: bazueva.l@mail.ru).

Юлия Владимировна Дубровская – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Россия, 614046, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29; e-mail: uliadubrov@mail.ru).

Acknowledgements

The research is funded by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-010-00562 – Development of methodology, mathematical and software tools for economy spatial development with regard to reforms in the system of interregional interaction.

REFERENCES

1. Iammarino S., Rodriguez-Pose A., Storper M. Regional inequality in Europe: Evidence, theory and policy implications. *Journal of Economic Geography*, 2019, no. 19, pp. 273–298. doi: 10.1093/jeg/lby021.
2. Andres-Rosales R., Bustamante Lemus C., Argumosa Ramirez G.S. Social exclusion and economic growth in the Mexican regions: A spatial approach. *Journal of Regional Research*, 2018, no. 40, pp. 57–78.
3. Puga D. European regional policy in light of recent location theories. *Journal of Economic Geography*, 2002, no. 2, pp. 373–406. doi: 10.1093/jeg/2.4.373.
4. Bukhval'd E.M., Kol'chugina A.V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya i priority natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [The spatial development strategy and national security priorities of the Russian Federation]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2019, no. 3, pp. 631–643. (In Russian). doi: 10.17059/2019-3-1.
5. Tatarin A.I. Istoricheskaya missiya srednego regiona v modernizatsii rossiiskoi ekonomiki [Historical mission of an average region in modernization of the Russian economy]. *Federalizm* [Federalism], 2011, no. 1, pp. 19–30. (In Russian).
6. Minakir P.A. Rossiiskoe ekonomicheskoe prostranstvo. Strategicheskie tupiki [Russian economic space: Strategic impasses]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2019, no. 4, pp. 967–980. (In Russian). doi: 10.17059/2019-4-1.
7. Kuznetsova O.V. Al'ternativnye podkhody k opredeleniyu roli makroregionov Rossii v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Alternative approaches to specify the role macro-regions of Russia in the system of public administration]. *Federalizm* [Federalism], 2019, no. 4, pp. 112–125. (In Russian). doi: 10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-112-125.
8. Robinson J.A., Acemoglu D., Johnson S. Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution. *Quarterly Journal of Economics*, 2002, no. 118, pp. 1231–1294.
9. Charron N., Dijkstra L., Lapuente V. Regional governance matters: Quality of government within European Union member states. *Regional Studies*, 2014, no. 48, pp. 68–90. doi: 10.1080/00343404.2013.770141.
10. Zubarevich N.V. *Regional'noe razvitie i instituty* [Regional development and institutions]. (In Russian) Available at: <https://iq.hse.ru/news/177674371.html> (accessed 05.05.2020).

11. Nizhegorodtsev R.M. Poliarizatsiya ekonomicheskogo prostranstva Rossii i paradigma ustoichivogo neravnovesiya makrosistem [Polarization of the economic space of Russia and the paradigm of sustainable equilibrium of macrosystems]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki* [Innovative Development of Economy], 2019, no. 5 (53), part 2, pp. 7–13. (In Russian).
12. Kutsenko E.S. Zavisimost' ot predshestvuyushchego razvitiya v sfere prostranstvennogo razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil – plokhaya novost' dlya empiricheskikh issledovaniy aglomeratsionnykh effektov [Path dependence in spatial distribution of economic activity: Bad news for empiric research of agglomeration effects]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2012, no. 2 (14), pp. 10–26. (In Russian).
13. Alonso J., Garcimartin C. *The Determinants of institutional quality*. Available at: www.nottigham.ac.uk/credut/documents/papers/09-04.pdf (accessed 09.08.2011).
14. Bazueva E.V. Determinanty kachestva institutsional'noi sistemy (na primere sistemy institutov gendernoi vlasti) [Quality determinants for the institutional system (A case of gender power institutions)]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 2012, no. 9, pp. 17–29. (In Russian).
15. Kovaleva T.Yu., Bazueva E.V. Determinanty kachestva sistemy insti-tutov klasternogo razvitiya regional'noi ekonomiki [Determinants of the quality of the system of institutions of the regional economy cluster development]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2016, no. 1, pp. 21–30. (In Russian).
16. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of leisure class]. Moscow, Progress Publ., 1984. 367 p. (In Russian).
17. Moskovskii A.N. Predely institutsionalizma [Limits of institutionalism]. *Ekonomist* [Economist], 2005, no. 6, pp. 74–81. (In Russian).
18. Shelomentsev A.G. *Teoriya i metodologiya evolyutsii khozyaistvennykh soobshchestv v real'nom sektore natsional'noi ekonomiki: diss. d-ra ekon. nauk* [Theory and methodology of evolution for the economic households in the real sectors of the national economy. Dr. econ. sci. author. diss.]. Yekaterinburg, 2003. 269 p. (In Russian).
19. Kleiner G.B. *Evolyutsiya institutsional'nykh sistem* [Evolution of institutional systems]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 240 p. (In Russian).
20. Bazueva E.V. *Sistema institutov gendernoi vlasti v ekonomike Rossii: osnovy teorii i metodologii* [System of gender power institutions in the economy of Russia: Fundamentals of theory and methodology]. Perm, Izd-vo PGNIU Publ., 2015. 456 p. (In Russian).
21. Bazueva E.V. Determinanty kachestva sistemy institutov prostranstvennogo razvitiya: postanovka problemy [Quality determinants for the system of spatial development institutions: Problem statement]. *Trudy IX Vserossiiskogo simpoziuma po ekonomicheskoi teorii* [Proceedings of the IX All-Russian Symposium on Economic Theory], 2020, pp. 52–53. (In Russian).
22. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. Prostranstvennaya ekonomika: evolyutsiya podkhodov i metodologiya [Spatial economics: The evolution of approaches and methodology]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2010, no. 2, pp. 6–32. (In Russian). doi: 10.14530/se.2010.2.006-032.
23. Perskii Yu.K., Shchul'ts D.N. *Vzaimodeistvie mikro- i makroekonomiki: ierarkhicheskii podkhod* [Interaction between micro- and macroeconomies: Hierarchical approach]. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN Publ., 2005. 192 p. (In Russian).
24. Bazueva E.V. Kontseptual'nye osnovy issledovaniya germenevtiki kategorii effektivnosti s pozitsii evolyutsii nauchnogo znaniya [Conceptual framework for the study of hermeneutics of efficiency category in terms of evolution of scientific knowledge]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2017, no. 3, pp. 7–15. (In Russian). doi: 10.24143/2073-5537-2017-3-7-15.
25. Izyumova O.N., Berger Yu.A. Istoricheskii aspekt ekonomicheskogo raionirovaniya Rossii [Histprocal aspect of economic zoning in Russia]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava)* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)], 2015, no. 3, pp. 36–45. (In Russian). doi: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).36.
26. Dubrovskaya Yu.V., Pakulina D.A. Osobennosti prostranstvennogo razvitiya otechestvennoi ekonomiki na osnove retrospektivnogo analiza [Special aspects of spatial development of national economy based on the retrospective analysis]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management],

2018, no. 33, pp. 5–10. (In Russian). doi: 10.18323/2221-5689-2018-2-5/10.

27. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M. Regional'naya ekonomicheskaya politika SSSR: istoricheskii opyt dlya novykh khozyaistvennykh uslovii [Regional economic policy of the USSR: Historical experience for new business conditions]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia], 2017, no. 2, pp. 97–113. (In Russian).

28. Kolosovskii H.H. *Teoriya ekonomicheskogo raionirovaniya* [Theory of economic zoning]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. 336 p. (In Russian).

29. Glazychev V.L. *Rossiya: printsipy prostranstvennogo razvitiya* [Russia: Principles of spatial development]. (In Russian) Available at: https://glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv_oglav.htm (accessed 05.05.2020).

30. Cervantes R.F., Dubrovskaya J.V. Differences of regional development in Russia and Mexico: Is cluster policy reducing the gap? *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, no. 18, pp. 12875–12890.

31. Neffke F., Henning M., Boschma R. How do regions diversify over time? Industry relatedness and the development of new growth paths in regions. *Economic Geography*, 2011, no. 3, pp. 237–265. doi: 10.1111/j.1944-8287.2011.01121.x.

32. Odintsova Yu.V. Organizatsiya i transformatsiya gorodskoi sredy na osnove sootnosheniya poryadkov koordinatsii v ierarkhicheskoi sisteme mest [Creation and transformation of urban space induced by the composition of coordination orders in the hierarchical set of places]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Perm University Herald. ECONOMY], 2020, vol. 15, no. 1, pp. 25–83. (In Russian). doi: 10.17072/1994-9960-2020-1-25-83.

33. Morozova N.I. Aktual'noe znachenie sovetskogo opyta territorial'nogo planirovaniya i ratsional'nogo razmeshcheniya proizvodstva [Relevant meaning of the Soviet practice in territory zoning and rational production placement]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2011, no. 1, pp. 12–16. (In Russian).

34. Minakir P.A., Isaev A.G., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M. Ekonomicheskie makroregiony: integratsionnyi fenomen ili politiko-geograficheskaya tselesoobraznost'? Sluchai Dal'nego Vostoka [Economic macroregions: An integration phenomenon or a political geographic rationale? Far Eastern Russia case]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2020, no. 1, pp. 66–99. (In Russian). doi: 10.14530/se.2020.1.066-099.

35. Bukhval'd E.M., Valentei S.D., Odintsova A.V. Ekonomicheskie problemy federalizma, regional'noi politiki i mestnogo samoupravleniya [Economic problems of federalism, regional policy and local self-government]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi Akademii Nauk* [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Science], 2020, no. 1, pp. 51–76. (In Russian). doi: 10.24411/2073-6487-2020-10003.

36. Ahrend R. Speed of reform, initial conditions or political orientation? Explaining Russian regions' economic performance. *Post-Communist Economies*, 2005, no. 3, pp. 289–317. doi: 10.1080/14631370500204198.

37. Bortnik I.M., Zemtsov S.P., Ivanova O.V., Kutsenko E.S., Pavlov P.N., Sorokina A.V. Stanovlenie innovatsionnykh klasterov v Rossii: itogi pervykh let podderzhki [Formation of innovative clusters in Russia: Results of the first years of support]. *Innovatsii* [Innovations], 2015, no. 7, pp. 26–36. (In Russian).

38. Zhu S., Hey C., Zhou Y. How to jump further and catch up? Path-breaking in an uneven industry space. *Journal of Economic Geography*, 2017, no. 3, pp. 521–545.

39. Hidalgo C.A., Klinger B., Barabasi A.-L., Hausmann R. The product space conditions the development of nations. *Science*, 2007, no. 317, pp. 482–487. doi: 10.1126/science.1144581.

40. Kolomak E.A. Neravnomernoe prostranstvennoe razvitie v Rossii: ob'yasneniya novoi ekonomicheskoi geografii [Uneven spatial development in Russia: Explanations of new economic geography]. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2013, no. 2, pp. 132–150. (In Russian).

41. Kuznetsova O.V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: illyuziya reshenii i real'nost' problem [Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, no. 4, pp. 107–125. (In Russian). doi: 10.14530/se.2019.4.107-125.

42. Zubarevich N.V. Razvitie rossiiskogo prostranstva: bar'ery i voz-mozhnosti regional'noi politiki [Development of the Russian space: Barriers and opportunities for regional policy]. *Mir novoi ekonomiki* [The World of New Economy], 2017, no. 2, pp. 46–57. (In Russian).

43. Seliverstov V.E. Federalizm, regional'noe razvitie i regional'naya nauka v postsovetskoj Rossii: modernizatsiya ili degradatsiya? [Federalism, regional growth, and regional science in Post-Soviet Russia: Modernization or degradation?]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2013, no. 4, pp. 3–36. (In Russian).
44. Pestereva T.A. Evolyutsionnyi analiz formirovaniya prostranstvennoi struktury natsional'noi ekonomiki [Evolutionary analysis of the formation of the spatial structure of the national economy]. *Master's Journal*, 2019, no. 2, pp. 136–144. (In Russian).
45. Amable B. Institutional complementarity and diversity of social systems of innovation and production. *Review of International Political Economy*, 2000, no. 4, pp. 645–687. doi: 10.1080/096922900750034572.
46. Treivish A.I. Neravnomernost' i strukturnoe raznoobrazie prostranstvennogo razvitiya ekonomiki kak nauchnaya problema i rossiiskaya real'nost' [Uneven and structurally diverse spatial development of economy as a scientific problem and Russian reality]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, no. 4, pp. 13–35. (In Russian). doi: 10.14530/se.2019.4.013-035.
47. Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. Smart by oneself? An analysis of Russian regional innovation strategies within the RIS3 Framework. *Foresight and STI Governance*, 2018, no. 1, pp. 26–45.
48. Dubrovskaya Yu.V., Pestereva T.A., Kozonogova E.V. Prostranstvennaya klasterizatsiya regionov Rossii kak faktor snizheniya neravnomernosti ekonomicheskogo razvitiya [Spatial clusterization of Russia's regions as a factor to decrease the uneven economic development]. *Razvitie territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. Voprosy teorii i praktiki. Materialy XVI nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchennykh* [Development of territory social economic systems. Issues of theory and practice. Proceedings of XVI scientific practical conference of young scientists], Yekaterinburg, In-t ekonomiki UrO RAN Publ., 2019, pp. 55–58. (In Russian).
49. Sedov E.V. Makroregiony i federal'nye okruga kak territorial'nye edinitsy strategicheskogo planirovaniya [Macroregions and federal districts as territorial strategic planning units]. (In Russian) Available at: <http://sisupr.mrsu.ru/2015-4/PDF/Sedov.pdf> (accessed 05.05.2020).
50. Bukhval'd E.I., Valentik O.N. Makroregiony kak novatsiya strategirovaniya prostranstvennogo razvitiya ekonomiki Rossii [Macroregions as the innovation in strategizing the spatial development of the Russian economy]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 2019, no. 1, pp. 18–28. (In Russian). doi: 10.15688/re.volsu.2019.1.2.
51. Stepus' I.S. Makroregiony v sisteme upravleniya prostranstvennym razvitiem Rossii [Macroregions in the system of spatial development management in Russia]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [International Journal of Management Theory and Practice], 2019, no. 1, pp. 46–54. (In Russian).
52. Afanas'ev R.S., Bogdanov L.N., Gulidov R.V., Leonov S.N. «Model'nye» byudzhety: posledstviya dlya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [‘Model’ budgets: Consequences for the Russian federal subjects]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, vol. 15, no. 1, pp. 132–156. (In Russian). doi: 10.14530/se.2019.1.132-156.
53. Dubrovskaya Yu.V. Effektivnaya lokalizatsiya klasterov kak osnova innovatsionnogo razvitiya natsional'noi ekonomiki [The effective localization of clusters as the basis for innovative development of the national economy]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research], 2016, no. 3, pp. 264–276. (In Russian). doi: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-264-276.
54. Vilenskii A.V. Ot svobodnykh ekonomicheskikh zon k territoriyam operezhayushchego razvitiya [From free economic zones to territories of advanced development]. *Federalizm* [Federalism], 2020, no. 1, pp. 27–43. (In Russian). doi: 10.21686/2073-1051-2020-1-27-43.
55. Polovnikova V.V., Dubrovskaya Yu.V. Analiz effektivnosti funktsionirovaniya osobykh ekonomicheskikh zon v usloviyakh tsifrovoy transformatsii promyshlennosti [Efficiency analysis of functioning of special economic zones under digital transformation of production]. *Tsifrovaya transformatsiya promyshlennosti: tendentsii, upravlenie, strategii. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Digital transformation of industry: Trends, management, strategies. Proceedings of I International Scientific Practical Conference], Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN Publ., 2019, pp. 405–412. (In Russian).
56. Kuznetsova O.V. Osoby ekonomicheskie zony: effektivny ili net? [Special economic zones: Efficient or not?]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2016, no. 4, pp. 129–152. (In Russian). doi: 10.14530/se.2016.4.129-152.

57. Grinev N.N., Nikolaeva N.Yu. Mirovaya praktika funktsionirovaniya tekhnoparkov [World practice of technopark functioning]. *Transportnoe delo Rossii* [Transport business of Russia], 2019, no. 4, pp. 63–65. (In Russian).

58. Minakir P.A. Dal'nevostochnye institutsional'nye novatsii: imitatsiya novogo etapa [Far Eastern institutional innovations: Imitation of a new stage]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, no. 1, pp. 7–17. (In Russian). doi: 10.14530/se.2019.1.007-017.

59. Polterovich V.M. *Elementy teorii reform* [Elements of reforms theory]. Moscow, ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika» Publ., 2007. 448 p. (In Russian).

60. Suvorova A.V. Razvitie polyusov rosta v Rossiiskoi Federatsii: pryamyie i obratnye efekty [Development of growth poles in the Russian Federation: Direct and reverse effects]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2019, no. 6, pp. 110–128. (In Russian). doi: 10.15838/esc.2019.6.66.6.

61. Rusanovskii V.A., Markov V.A. Zanyatost' i proizvoditel'nost' truda v makroregionakh Rossii: prostranstvennye vzaimozavisimosti [Employment and labour productivity in the macroregions in Russia: Spatial interdependencies]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of Forecasting], 2018, no. 2, pp. 36–48. (In Russian).

62. Isaev A.G. Transportnaya infrastruktura i ekonomicheskii rost: prostranstvennye efekty [Transport infrastructure and economic growth: Spatial effects]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2015, no. 3, pp. 57–73. (In Russian). doi: 10.14530/se.2015.3.057-073.

63. Alexopoulos G. Soviet citizenship, more or less: Rights, emotions, and states of civic belonging. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2006, no. 3, pp. 487–528. doi: 10.1353/kri.2006.0030.

64. Kofanov A.A. Zarubezhnyi opyt mezhregional'noi ekonomicheskoi integratsii kak faktora sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [International experience of interregional economic integration as a factor for social economic development of a region]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2010, no. 31, pp. 60–64. (In Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena Valer'evna Bazueva – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State University (15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia; e-mail: bazueva.l@mail.ru).

Julia Vladimirovna Dubrovskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Economics and Finance, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky prospect, 614046, Perm, Russia; e-mail: uliadubrov@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 30.04.2021, принята к печати 23.06.2021

Received April 30, 2021; accepted June 23, 2021

doi 10.17072/1994-9960-2021-2-168-182

JEL Code R11

УДК 332.1(477), ББК 65.04

© Безрукова Т.Л., Салита С.В.,
Голубцова О.А., Маркова Л.В., 2021

ДИАГНОСТИКА СИЛЬНЫХ И СЛАБЫХ СТОРОН СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ АПРОБАЦИИ

Татьяна Львовна Безрукова^aORCID ID: [0000-0002-4126-3371](https://orcid.org/0000-0002-4126-3371), e-mail: bezrukova_t_l@mail.ru**Светлана Викторовна Салита**^be-mail: svetlanaluga@yandex.ru**Оксана Анатольевна Голубцова**^bORCID ID: [0000-0003-2428-3642](https://orcid.org/0000-0003-2428-3642), e-mail: ogolubtsova79@gmail.com**Людмила Валерьевна Маркова**^ae-mail: add-luda@mail.ru^a Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова
(Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8)^b Луганский государственный университет им. Владимира Даля
(ЛНР, 91034, г. Луганск, квартал Молодежный, 20-а)

В статье предложен методический инструментарий диагностики сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития региона, актуальность разработки которого обусловливается необходимостью определения приоритетов регионального стратегирования. Методическую основу исследования составили методы аналитической диагностики, экспертный опрос, SWOT- и PEST-анализ. Представлены результаты применения инструментария диагностики экономики региона на примере Луганской Народной Республики. В ходе исследования дана характеристика факторов внутренней среды региональной экономики, оказывающих влияние на уровень социально-экономического и инновационного развития Луганской Народной Республики. Представлены результаты анализа возможных внешних воздействий (возможностей и угроз) в условиях пандемии COVID-19 в аспекте социальных, экономических и инновационных тенденций. В частности, PEST-анализ послужил основанием для расчета сводных взвешенных показателей оценки уровня социально-экономического и инновационного развития Луганской Народной Республики. Так, влияние группы политических факторов оценивается как негативное по причине наличия статуса непризнанной республики и угрозы эскалации боевых действий. Наиболее серьезное негативное влияние в группе экономических факторов оказали отсутствие полноценной банковской и финансовой системы, железнодорожного и авиасообщения, низкая инвестиционная привлекательность экономики региона. Значение взвешенного показателя по группе социальных факторов является положительным преимущественно за счет следующих институтов: охрана здоровья и труда, образование, культура и спорт. Технологическая компонента имеет негативную взвешенную оценку вследствие высокого уровня физического и морального износа основных средств, низкого уровня загрузки производственных мощностей, отсутствия внутренней сырьевой базы. На основании перекрестного SWOT-анализа сделан вывод о существенном влиянии слабых сторон на уровень социально-экономического и инновационного развития региона, что должно определять вектор разработки приоритетных мер государственной экономической политики. Перспективы исследований лежат в области обоснования и разработки эффективной стратегии устойчивого саморазвития Луганской Народной Республики.

Ключевые слова: регион, сильные стороны, слабые стороны, угрозы внешней среды, возможности внешней среды, SWOT-анализ, PEST-анализ, экономическая политика, региональное стратегирование.

Для цитирования:

Безрукова Т.Л., Салита С.В., Голубцова О.А., Маркова Л.В. Диагностика сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития региона: методика и результаты ее апробации // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Том 16. № 2. С. 168–182. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-168-182

**DIAGNOSTICS OF WEAKNESSES AND STRENGTHS OF A REGION'S
SOCIO-ECONOMIC AND INNOVATIVE DEVELOPMENT:
METHODS AND ITS APPLICATION**

Tatyana L. Bezrukova^a

ORCID ID: [0000-0002-4126-3371](https://orcid.org/0000-0002-4126-3371), e-mail: bezrukova_t_l@mail.ru

Svetlana V. Salita^b

e-mail: svetlanaluga@yandex.ru

Oksana A. Golubtsova^b

ORCID ID: [0000-0003-2428-3642](https://orcid.org/0000-0003-2428-3642), e-mail: ogolubtsova79@gmail.com

Lyudmila V. Markova^a

e-mail: add-luda@mail.ru

^a Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov
(8, Timiryazeva st., Voronezh, Russia, 394087)

^b Vladimir Dahl Lugansk State University
(20-a, Molodezhny block, Lugansk, Lugansk People's Republic, 91034)

The article offers methodological tools to diagnose the weaknesses and strengths of a region's socio-economic and innovative development. The topicality of the issue is determined by the need to define the priorities for the regional strategizing. The methods of analytical diagnostics, expert survey, SWOT and PEST analyses underlie the methodology of the study. The article applies the diagnostics tools to the economy of Lugansk People's Republic and gives the results. The study characterizes the local factors of the regional economy affecting the level of the economic and innovative development in Lugansk People's Republic. The article also gives the conclusions made from the analysis of the possible external impacts (opportunities and threats) in the COVID-19 pandemics in terms of social, economic, and innovative trends. For example, PEST analysis is used to calculate consolidated weighted indicators for the socio-economic and innovative development in Lugansk People's Republic. A group of political factors is seen to have an adverse effect due to the Republic's status as a breakaway region and a threat of military escalation. A lack of properly functioning banking and financing systems, flight and railway connections, low investment interest in the region's economy show the most serious detrimental impact among other economic factors. A weighted indicator in the group of social factors is positive due to the following institutions: protection of health and labor, education, culture and sport. A negative weighted value for a technological component could be explained by an extensive physical and moral depreciation of the fixed assets, a low use of production capacities, a lack of local raw materials resources. Cross-sectional SWOT analysis makes the authors conclude about a significant impact of the weaknesses on the socio-economic and innovative development of a region, which should guide the development of priority measures in the public economic strategy. Further research is seen to be connected with the justification and development of the efficient strategy for the sustainable self-development of Lugansk People's Republic.

Keywords: region, strengths, weaknesses, threats of external environment, opportunities of external environment, SWOT analysis, PEST analysis, economic strategy, regional strategizing.

For citation:

Bezrukova T.L., Salita S.V., Golubtsova O.A., Markova L.V. Diagnostics of weaknesses and strengths of a region's socio-economic and innovative development: Methods and its application. *Perm University Herald. Economy*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 168–182. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-168-182

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях глобальное будущее определяется пандемией COVID-19 и реакцией человечества на нее, поэтому диагностика сильных и слабых сторон социально-

экономического и инновационного развития регионов и критические выводы на основании ее результатов приобретают существенное значение. В настоящей статье данная проблема раскрывается на примере Луган-

ской Народной Республики (далее – ЛНР) в аспекте определения социально-экономической и инновационной траектории ее развития.

Целью статьи является разработка методического инструментария диагностики сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития региона для обоснования направлений регионального стратегирования.

Особенности развития сложных региональных социально-экономических систем обуславливают целесообразность привлечения к процессу диагностики экономики региона особой концептуальной методологии и специальных методов оценки ее сильных и слабых сторон, представленных российскими и зарубежными авторами [1; 2; 3]¹.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СИЛЬНЫХ И СЛАБЫХ СТОРОН СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Систематизация методов экономической диагностики представлена в исследовании А.Г. Дмитриевой [4]. В зависимости от задач диагностики уровня экономического развития региона автор предлагает различать диагностику состояния и диагностику процесса. При диагностике состояния оценивается текущее положение региона по определенным показателям. При диагностике процесса нужно охарактеризовать траекторию развития региона. По форме оценки А.Г. Дмитриева выделяет аналитическую, экспертную и диагностику на модели. Аналитической диагностикой считается диагностика, проводимая бесконтактными методами с помощью статистической информации с использованием ретроспективного анализа. Экспертной диагностикой называется процесс получения информации с помощью экспертных оценок и социологических опросов [17; 18]. Диагностикой, основанной на модели, считается

процесс получения информации о регионе путем модельных имитаций.

Большой вклад в исследование процесса стратегического выбора и особенностей диагностики уровня социально-экономического и инновационного развития регионов внесли М.Е. Портер [7], Н.А. Шибяева [1; 8; 9], И.А. Тронина, С.С. Бахтина, Г.И. Татенко [2; 3; 10–14], К.Е. Бабенко [15], Е.Г. Серова, П.Ф. Воробьев, Е. М. Файнштейн [16], В.З. Петросянц [17] и другие. Так, проведенный обзор литературы свидетельствует о том, что сегодня существует большое количество различных инструментов анализа внешней и внутренней среды социально-экономического и инновационного развития регионов, среди которых исследователи выделяют: дерево решений; мертвую петлю и спираль удачи; построение профиля региона; матрицу БКГ; матрицу Мак-Кинси; диаграмму Парето; анализ документов; SWOT-анализ, PEST-анализ, STEP-анализ и др. Что касается диагностики уже существующих стратегий регионального развития, то выявление лучших практик и эталонных стратегий производится с помощью таких инструментов, как традиционный анализ документов (нормативно-правовых актов, законов, региональных программ), контент-анализ стратегий развития регионов (статистические методы оценки показателей развития, выявление лидеров и аутсайдеров, детальный анализ содержания стратегий), интервью и экспертные оценки. Несмотря на довольно значительное количество подходов и методов, применяемых для диагностики уровня социально-экономического и инновационного развития регионов, наиболее широко используемым среди практиков остаются PEST- и SWOT-анализ как инструменты изучения внешней и внутренней среды региона. Они предусматривают комплексный анализ сильных и слабых сторон региона, а также возможностей и угроз, предполагающих выявление факторов внешней среды, которые создают преимущества или риски для регионального развития [18; 19]. Значимость SWOT-анализа заключается в том, что он является базой для генерирования альтернативных стратегий социально-экономического и инновационного развития регионов, позво-

¹ См. также: Безрукова Т.Л., Морковина С.С. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятий: учебник. М.: РУСАЙНС, 2020. 600 с.

ляет разработать стратегии, которые помогут региону превратить потенциальные угрозы в возможности с учетом стратегических целей его развития. Посредством выявления преимуществ, вызовов и рисков данный вид анализа также целесообразно применять для обоснования наиболее эффективной модели стратегирования региона с учетом факторов и условий внешней среды.

В свою очередь PEST-анализ дает возможность охарактеризовать внешнюю экономическую ситуацию комплексно, на основании оценки влияния общественных, технологических, экономических и политико-правовых факторов. Результаты PEST-анализа оформляют в виде матрицы, отображающей силу влияния выделенных факторов на развитие экономики региона в баллах или рангах [2].

Итак, для определения сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития ЛНР целесообразно использовать экспертную и аналитическую диагностику [2; 9], а для прогнозирования изменений – экспертную диагностику и диагностику на модели. При этом следует принимать во внимание тот факт, что процесс диагностики сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития ЛНР является сложной многофакторной задачей, решение которой связано с выявлением наиболее значимых характеристик экономики региона [20]. Следовательно, система показателей диагностики посредством инструментария PEST- и SWOT-анализа должна заблаговременно сигнализировать о наличии негативных тенденций для своевременной разработки комплекса мер по предупреждению или снижению уровня их отрицательного воздействия [21].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диагностика уровня социально-экономического и инновационного развития ЛНР осуществлялась с использованием контент-анализа «Программы социально-экономического развития Луганской Народной Республики на 2020 год», «Программы социально-экономического развития Луганской Народной Республики до

2023 года»¹, разработанных Правительством Луганской Народной Республики.

При проведении диагностики сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития ЛНР, в частности при использовании PEST-анализа и SWOT-анализа, применялся метод экспертной оценки. В качестве экспертов принимали участие:

– главные специалисты Отдела стратегического управления, социального развития, экономического анализа и прогнозирования Министерства экономического развития ЛНР (высшее экономическое образование, опыт работы в должности не менее 5 лет);

– практики, имеющие значительный профессиональный опыт – представители топ-менеджмента нескольких передовых промышленных предприятий ЛНР (высшее экономическое образование, опыт работы в должности не менее 10 лет);

– топ-менеджеры Госбанка ЛНР (высшее экономическое образование, опыт работы в должности не менее 5 лет);

– представители малого и среднего бизнеса ЛНР (со стажем предпринимательской деятельности в республике не менее 5 лет).

Анкеты рассылались экспертам посредством электронных средств связи (электронная почта, мессенджеры). Из 523 анкет в итоговую выборку вошли 262 полученных ответа.

Диагностика сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития ЛНР на основании обработки результатов анкетирования проводилась авторами согласно следующим этапам:

– выявление главных стратегических факторов, оказывающих высокую степень воздействия на уровень социально-

¹ Об утверждении Программы социально-экономического развития Луганской Народной Республики на 2020 год. Постановление Правительства Луганской Народной Республики от «27» декабря 2019 года. № 844/19 URL: <https://sovminlr.ru/akty-soveta-ministrov/postanovleniya/20622-ob-utverzhenii-programmy-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-luganskoy-narodnoy-respubliki-na-2020-god.html> (дата обращения: 20.03.2020); Программа социально-экономического развития Луганской Народной Республики до 2023 года URL: <https://merlnr.su/news/2477-programma-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-luganskoy-narodnoy-respubliki-do-2023-goda.html> (дата обращения: 20.03.2021).

экономического и инновационного развития ЛНР и вероятность их проявления;

- оценка вероятности наступления каждого события и их иерархизация;
- проведение качественной оценки угроз.

В табл. 1 в виде систематизированных результатов PEST-анализа представлена характеристика факторов, влияющих на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР.

Таблица 1. PEST-анализ уровня социально-экономического и инновационного развития ЛНР

Table 1. PEST analysis of socio-economic innovative development of Lugansk People's Republic

Политика (P)	Влияние на развитие	Экономика (E)	Влияние на развитие
P1. Непризнанность республики	-1,5	E1. Промышленность	-0,3
P2. Законодательство	0,6	E2. Банковская и финансовая сфера	-1
P3. Угроза эскалации боевых действий на территории республики	-1	E3. Логистика пассажирских и грузовых перевозок внутри республики	-1,05
P4. Внутренняя торговая политика	0,2	E4. Инвестиционная привлекательность	-0,8
P5. Внешнеторговая политика	-0,7	E5. Конкуренция	1,2
P6. Международные группы давления	-0,04	E6. Платежеспособный спрос	0,75
P7. Экологические проблемы	-0,02	E7. Энергозависимость	-0,7
P8. Госрегулирование	0,45	E8. Импортозависимость	-0,8
P9. Ужесточение госконтроля	-0,9	E9. Государственные финансы	0,1
P10. Лоббирование интересов	-0,12	E10. Дефицит квалифицированных кадров во всех отраслях	-0,48
Total P	3 (+) / 7 (-)	Total E	3 (+) / 7 (-)
-3,03		-3,08	
Социальная сфера (S)	Влияние на развитие	Технология (T)	Влияние на развитие
S1. Демографическая ситуация	-0,6	T1. Состояние основанного капитала	-2
S2. Охрана здоровья	0,8	T2. Научная деятельность	1,08
S3. Уровень оплаты труда	-0,4	T3. Научно-техническая деятельность	-0,8
S4. Образование	1,9	T4. Адаптация новых технологий	-0,7
S5. Охрана труда	1,2	T5. Развитие конкурентных технологий	-0,45
S6. Социальная защита населения	-0,35	T6. Средства связи и коммуникации	-1,2
S7. Окружающая природная среда	-0,8	T7. Потенциал инноваций	-0,15
S8. Культура	0,2	T8. Лицензирование и сертификация	0,42
S9. Информационная открытость	-0,25	T9. Интеллектуальная собственность	-0,15
S10. Физическая культура и спорт	0,36	T10. Программные разработки	-0,5
Total S	5 (+) / 5 (-)	Total T	2 (+) / 8 (-)
2,06		-4,45	

Проанализировав количественные характеристики политической группы факторов, влияющих на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР, видим, что их влияние в целом негативное (-3,03). Текущее состояние политической ситуации в ЛНР можно охарактеризовать как «стабильное». В свою очередь среди факторов, оказывающих весомое отрицательное воздействие на развитие республики, следует выделить непризнанность ЛНР и угрозу эскалации боевых действий.

Несовершенство и частые изменения в области законодательного регулирования отраслей экономики республики также нега-

тивно влияют на уровень ее социально-экономического и инновационного развития, сдерживая предпринимательскую активность. Так, по мнению экспертов, перманентные изменения в законодательстве привели к падению ряда ключевых показателей деятельности предприятий ЛНР, что в перспективе может вызвать сокращение их количества, особенно в секторе малого и среднего предпринимательства.

Значение сводного взвешенного показателя по экономической группе факторов является отрицательным и составляет -3,08. Полученный результат говорит о том, что негативное влияние экономических факто-

ров на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР велико. Наиболее весомыми факторами этой группы выступают отсутствие полноценной банковской и финансовой системы, нарушение в логистике пассажирских и грузовых перевозок (железнодорожное и авиасообщение), зависимость от импорта. Принимая во внимание действие данных факторов и учитывая низкую инвестиционную привлекательность отраслей экономики ЛНР, заметим, что существенные потери несет промышленность республики, не имеющая рынков сбыта и возможностей развивать производство и наращивать его масштабы.

Данные взвешенного показателя по группе социальных факторов (S) имеют положительное значение (2,06). Наибольшие положительные оценки имеют: охрана здоровья; образование; охрана труда; культура; физическая культура и спорт. Негативными тенденциями выступают: ухудшение демографической ситуации; низкий уровень оплаты труда; неэффективная система социальной защиты населения; ухудшение состояния окружающей природной среды; низкий уровень информационной открытости в обществе.

Технологическая компонента влияния факторов на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР также представлена негативным трендом, о чем свидетельствует сводный взвешенный параметр Total T, равный -4,45. Высокий уровень физического и морального износа основных средств предприятий практически всех основных отраслей экономики региона, низкий уровень загрузки производственных мощностей промышленных предприятий и отсутствие внутренней сырьевой базы обеспечения деятельности промышленности объясняют характер влияния группы технологических факторов на экономику ЛНР.

Территориально и экономически закрытое положение республики не позволяет в свободном доступе сотрудничать с инновационными компаниями, полноценно осуществлять научно-техническую деятельность, адаптировать новые технологии к потребностям местных предприятий и населения. Также сравнительно низким остается как уровень технологических изменений,

касающихся средств связи и коммуникаций, так и потенциал разработки и внедрения инноваций, поскольку механизмы лицензирования, сертификации и охраны интеллектуальной собственности не развиты.

Далее дадим краткую характеристику авторского подхода к идентификации сильных и слабых сторон и возможностей и угроз внешней среды в оценке уровня социально-экономического и инновационного развития ЛНР.

SWOT-анализ также проводился с использованием экспертного метода на основании полученных анкет и следующих этапов:

1) идентификация факторов внешней среды, которые могут оказать благоприятное или неблагоприятное воздействие на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР (возможности и угрозы), учитывающая результаты PEST-анализа;

2) оценка веса каждого фактора как доли от единицы;

3) оценка силы (мощности) влияния каждого фактора на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР в баллах по шкале (от 1 до 5);

4) расчет взвешенной оценки силы влияния как произведение силы влияния и весомости показателя;

5) оценка вероятности наступления фактора – степень уверенности экспертов в том, что определенный фактор окажет влияние на уровень социально-экономического и инновационного развития региона в будущем;

6) формирование рейтинга влияния фактора на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР посредством вычисления произведений взвешенной оценки и вероятности наступления фактора и их ранжирования.

Алгоритм выделения сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития ЛНР основывался на следующем:

1) экспертами составлялся список факторов внутренней среды социально-экономического и инновационного развития ЛНР;

2) с помощью метода мозгового штурма экспертами выделены по 5 ключевых факторов сильных и слабых сторон социально-

экономического и инновационного развития ЛНР;

3) на основании анализа результатов работы экспертов составлялся рейтинг факторов

внутренней среды социально-экономического и инновационного развития ЛНР.

Результаты SWOT-анализа уровня социально-экономического и инновационного развития ЛНР приведены в табл. 2.

Таблица 2. SWOT-анализ уровня социально-экономического и инновационного развития ЛНР

Table 2. SWOT analysis of the socio-economic innovation development of Lugansk People's Republic

Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1. Наличие сырьевой базы полезных ископаемых. 2. Наличие достаточного количества промышленных площадок, привлекательных для создания индустриальных и технологических парков с точки зрения логистики. 3. Наличие промышленных предприятий, продолжающих вести хозяйственную деятельность. 4. Наличие земель сельскохозяйственного назначения, из них 70 % пашни. 5. Большое количество производителей сельскохозяйственной продукции (агропромышленные формирования, фермерские хозяйства, крестьянские хозяйства). 6. Наличие среднеспециальных и высших учебных заведений с техническими, экономическими и гуманитарными направлениями подготовки. 7. Присутствие международных и гуманитарных миссий в регионе 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Непризнанность республики мировым сообществом. 2. Отсутствие полноценной банковской и финансовой системы. 3. Отсутствие авиационного и железнодорожного сообщения. 4. Дотационная система водоснабжения и энергоснабжения в отдельных районах ЛНР. 5. Убыточная деятельность коммунальных предприятий водопроводно-канализационного и теплового хозяйства. 6. Несбалансированное развитие районов ЛНР. 7. Использование морально устаревшего и энергоемкого оборудования на предприятиях. 8. Низкий уровень производительности сельского хозяйства. 9. Отсутствие достаточного количества производственных мощностей перерабатывающей промышленности и агропродовольственной инфраструктуры. 10. Ухудшение благосостояния населения (высокий уровень безработицы, снижение уровня располагаемых доходов, низкий уровень заработной платы). 11. Наличие источников экологического загрязнения водных и земельных ресурсов. 12. Наличие случаев нарушений прав человека (права на свободу передвижения и личную неприкосновенность, социально-экономических прав). 13. Низкий уровень использования информационно-коммуникационных технологий. 14. Информационная изолированность и низкий уровень осведомленности населения
Возможности	Угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение спроса на продукцию сельского хозяйства, в частности, в РФ. 2. Диверсификация рынков сбыта. 3. Открытые возможности по формированию новой системы партнерства с предприятиями РФ. 4. Привлечение дополнительных финансовых ресурсов для восстановления и развития региона. 5. Помощь международных организаций в области восстановления инфраструктуры республики. 6. Продолжение начатых реформ в сфере образования, медицины, поддержки бизнеса 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Эскалация боевых действий или «замораживание» военного конфликта, усиливающие сложившиеся негативные экономические тенденции и социальную напряженность в обществе. 2. Увеличение количества аварий на объектах инфраструктуры, обусловленных нарастающим износом основных фондов и боевыми действиями. 3. Угроза экологической катастрофы, связанная с закрытием шахт без соблюдения соответствующих технологий и норм. 4. Сокращение международной помощи по восстановлению инфраструктуры региона. 5. Отсутствие конкретных целевых проектов, с подтвержденным финансовым обеспечением, ориентированных на развитие ЛНР. 6. Отток экономически активного населения. 7. Локдаун, связанный с пандемией COVID-19

Согласно результатам SWOT-анализа влияние внешних угроз превышает возможности сильных сторон нивелировать их отрицательное воздействие на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР, что свидетельствует о высокой зависимости экономики региона от внешней среды. Вместе с тем, по мнению экспертов, положительное влияние возможностей внешней среды способно оказать благоприятное воздействие на слабые стороны экономики ЛНР при условии устранения действия негативных факторов.

На основе результатов анализа была сформирована матрица перекрестного SWOT-анализа социально-экономического и инновационного развития ЛНР. При ее формировании учитывалось, что все отобранные факторы внешней и внутренней среды ЛНР, по мнению экспертов, в той или иной мере оказывают влияние на региональную социально-экономическую систему.

Матрица перекрестного анализа слабых и сильных сторон социально-экономического и инновационного развития ЛНР разбита на четыре квадранта. Расчет коэффициентов перекрестного влияния (далее – КПВ) производился следующим образом:

1. Квадрант WO – «Слабые стороны – Возможности» (Препятствуют ли слабые стороны использованию возможностей внешней среды?): если рейтинг влияния слабой стороны на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР превышает рейтинг влияния возможности, то КПВ принимает отрицательное значение, то есть слабая сторона препятствует использованию существующих возможностей.

Расчет коэффициента перекрестного влияния слабых сторон на использование возможностей внешней среды (КПВ_{WO}) проводился по формуле

$$\text{КПВ}_{WO} = \text{РВФ}_O - \text{РВФ}_W, \quad (1)$$

где РВФ_O – рейтинг влияния возможностей внешнего окружения на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР; РВФ_W – рейтинг влияния слабых сторон на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР.

2. Квадрант SO – «Сильные стороны – Возможности» (Позволяют ли сильные сто-

роны получить преимущество благодаря использованию возможностей внешней среды?): если рейтинг влияния сильной стороны превышает рейтинг влияния возможности, то коэффициент перекрестного влияния принимает положительное значение, соответственно, сильная сторона позволяет получить преимущество благодаря использованию возможности внешней среды.

Для расчета коэффициента перекрестного влияния сильных сторон экономики региона на получение преимуществ благодаря возможностям внешней среды (КПВ_{SO}) применялась формула

$$\text{КПВ}_{SO} = \text{РВФ}_S - \text{РВФ}_O, \quad (2)$$

где РВФ_S – рейтинг влияния сильных сторон на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР; РВФ_O – рейтинг влияния возможностей на уровень социально-экономического и инновационного развития республики.

3. Квадрант WT – «Угрозы – Слабые стороны» (Усиливают ли слабые стороны влияние угроз?): если рейтинг влияния слабой стороны превышает рейтинг влияния внешней угрозы, то коэффициент перекрестного влияния принимает отрицательное значение, соответственно, слабая сторона усиливает влияние внешней угрозы на экономику региона.

Расчет коэффициента перекрестного влияния слабых сторон на усиление угроз внешней среды (КПВ_{WT}) проводился по формуле

$$\text{КПВ}_{WT} = \text{РВФ}_T - \text{РВФ}_W, \quad (3)$$

где РВФ_T – рейтинг влияния угроз внешней среды на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР; РВФ_W – рейтинг влияния слабых сторон на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР.

4. Квадрант ST – «Угрозы – Сильные стороны» (Позволяют ли сильные стороны избежать угроз внешней среды?): если рейтинг влияния сильной стороны превышает рейтинг влияния внешней угрозы, то коэффициент перекрестного влияния принимает положительное значение.

Расчет коэффициента перекрестного влияния сильных сторон на нивелирование

угроз внешней среды ($КПВ_{ST}$) проводился по формуле

$$КПВ_{ST} = РВФ_S - РВФ_T, \quad (4)$$

где $РВФ_S$ – рейтинг влияния сильных сторон на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР; $РВФ_T$ – рейтинг

влияния угроз внешнего окружения на уровень социально-экономического и инновационного развития ЛНР.

Матрица перекрестного SWOT-анализа уровня социально-экономического и инновационного развития ЛНР показана на рис. 1.

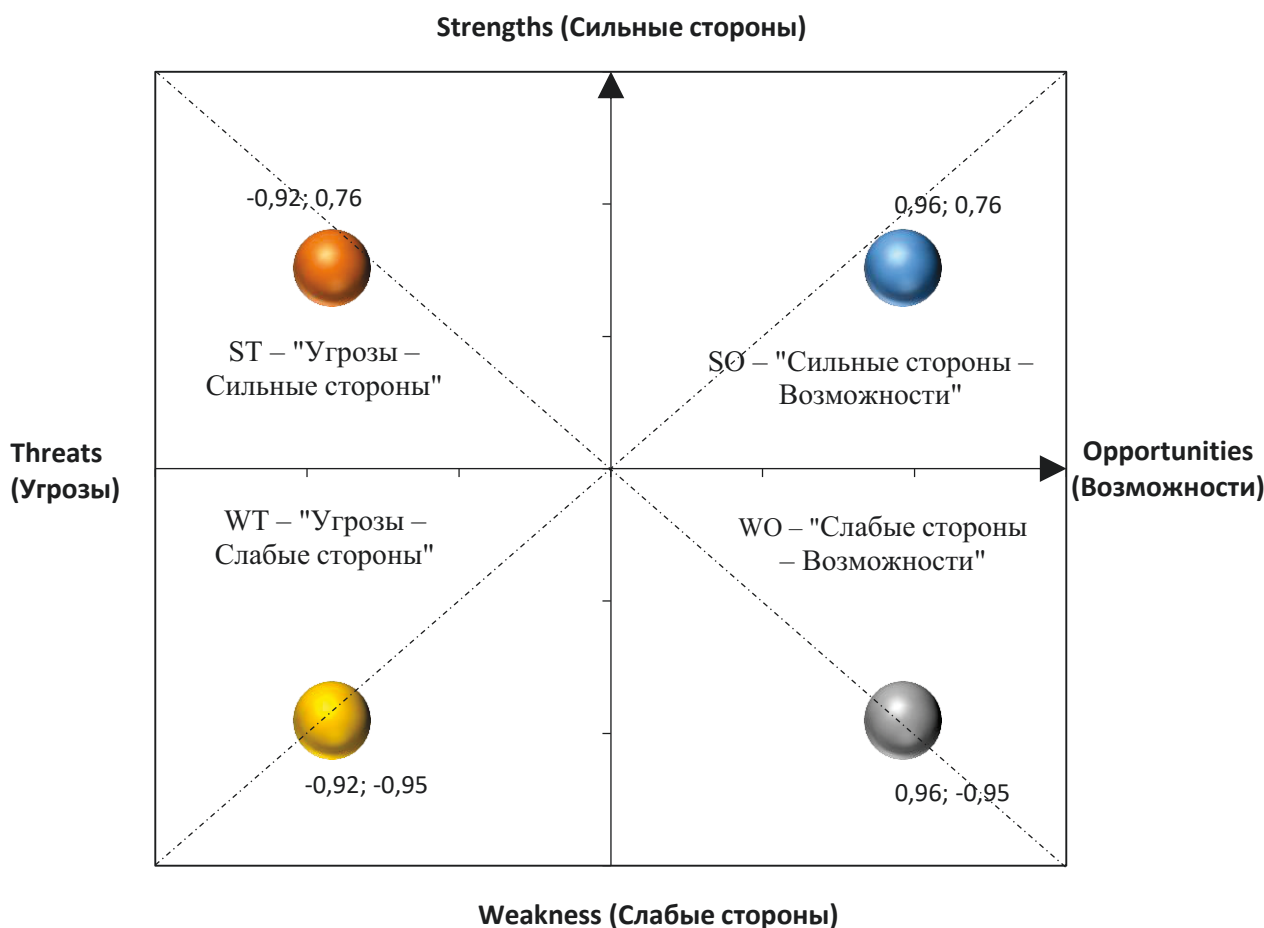

Рис. 1. SWOT-матрица сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития ЛНР

Fig. 1. SWOT matrix for strengths and weaknesses in the socio-economic and innovative development of Lugansk People's Republic

Согласно матрице практически все слабые стороны развития экономики ЛНР оказывают прямое негативное влияние на социально-экономическое и инновационное развитие региона. В частности, непризнанность и угроза эскалации боевых действий на территории республики ослабляют возможности использования внешних финансовых ресурсов для целей регионального развития. Незрелость законодательства снижает инвестиционную привлекательность бизнеса. Отсутствие единого, открытого информационного пространства влечет за собой повышение финансовых

и временных затрат, связанных с поиском и обменом информацией, а также увеличивает время получения обратной связи при обращении в государственные органы власти. Невысокий уровень доходов населения республики, низкий уровень оплаты труда оказывают негативное влияние на стимулирование и мотивацию трудоспособного населения ЛНР, поэтому происходит отток высококвалифицированных кадров. Стоит отметить, что на ухудшение социально-экономической обстановки в регионе большое влияние оказала пандемия COVID-19.

Резюмируя результаты проведенного анализа, целесообразно составить пирамиду (мультилемму), характеризующую ограничения, которые в совокупности препятствуют социально-экономическому и инновационному развитию республики в современных условиях (рис. 2). Отметим, что на каждом уровне мультилеммы социально-экономического и инновационного развития

ЛНР, бесспорно, существуют свои ограничения. Поэтому перед руководством республики остро стоит вопрос разработки мер по повышению в первую очередь уровня социально-экономического развития региона, поскольку инновационное развитие детерминировано устойчивым экономическим ростом и, как следствие, ростом инвестиционной привлекательности региона.

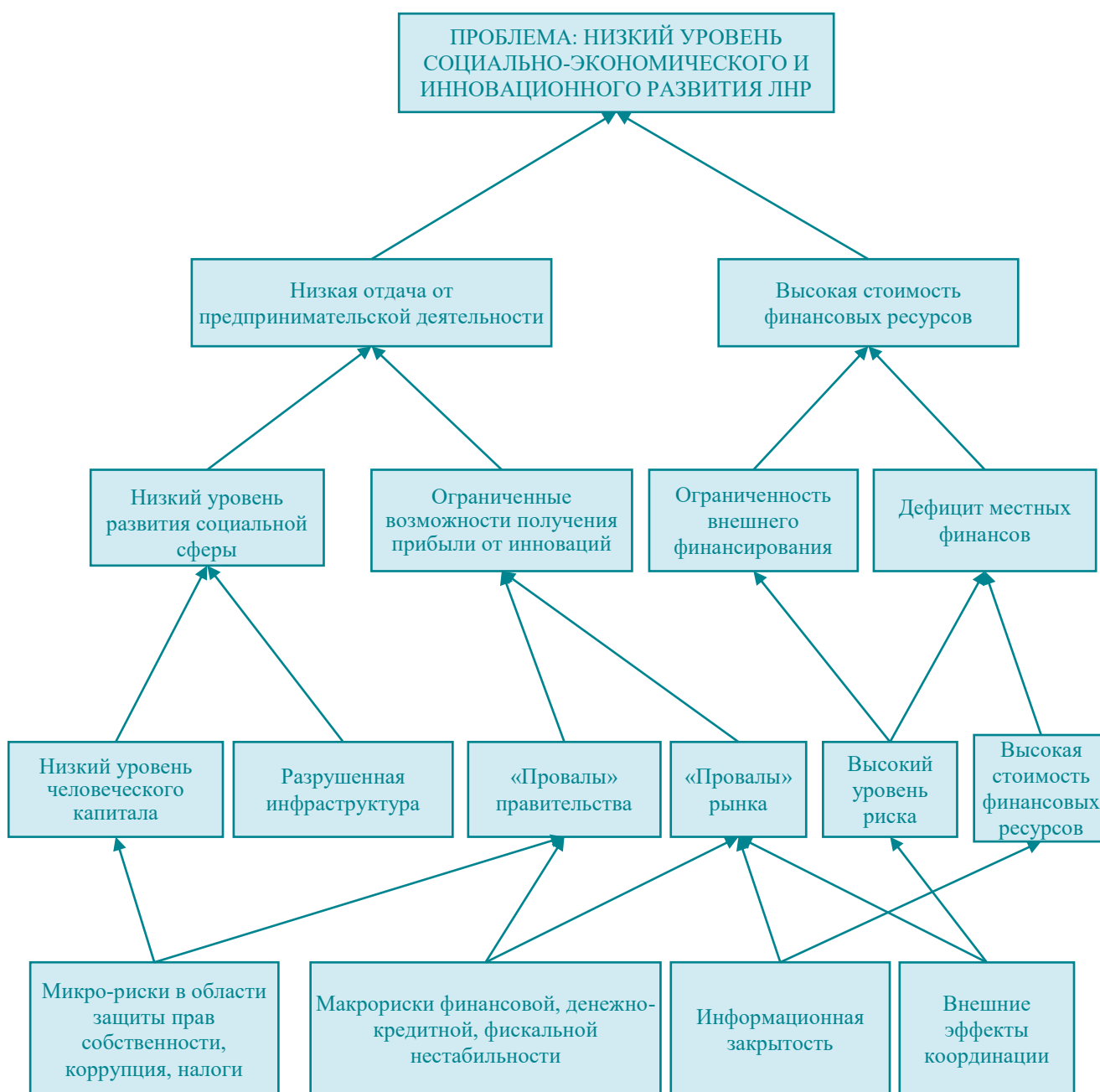

Рис. 2. Комплекс ограничений социально-экономического и инновационного развития ЛНР

Fig. 2. A set of limitations in socio-economic innovative development of Lugansk People's Republic

В заключение подчеркнем, что ключевым моментом экономической диагностики региона является определение его сильных и слабых сторон, возможностей и угроз социально-экономического и инновационного развития. Анализ сильных и слабых сторон экономики ЛНР показал, что состав факторов, определяющих развитие региона, имеет относительно устойчивый характер. Следовательно, формирование экономической политики региона, направленной на достижение сбалансированного социально-экономического развития ЛНР, должно учитывать особенности экономики республики и опираться на комплексные результаты анализа ее сильных и слабых сторон. Адекватность результата во многом будет зависеть от правильного выбора метода диагностики уровня социально-экономического и инновационного развития ЛНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье на основе SWOT- и PEST-анализа предложен методический инструментарий диагностики сильных и слабых сторон социально-экономического и инновационного развития экономики региона в целях определения и обоснования направлений разработки региональной политики стратегирования. Апробация инструментария произведена на примере Луганской Народной Республики.

Применение инструментария диагностики экономики региона в аспекте идентификации ее сильных и слабых сторон позволяет комплексно оценить приоритеты необходи-

мых социально-экономических изменений, выявить угрозы внешней среды для нивелирования их негативного влияния и определить перспективы ее дальнейшего развития.

Практическая значимость разработки авторского инструментария состоит в возможности количественного анализа, систематизации и рейтингования факторов, которые препятствуют социально-экономическому и инновационному развитию региональной экономики или могут выступить основой ее модернизации и трансформации экономической структуры. Так, условиями успешной реализации приоритетов развития ЛНР в первую очередь выступают:

– внутренняя самодостаточность экономики региона в целях достижения устойчивого регионального социально-экономического развития (достаточность ресурсов; объективно определенные миссия и цель, отражающие целевые установки развития региона; наличие автономных и гибко адаптирующихся к внешней среде внутрирегиональных систем);

– внешние условия, способные в своей совокупности обеспечить долгосрочное саморазвитие региональной социально-экономической системы (наличие правовых и макроэкономических условий использования модели саморазвития; использование внешних факторов для поддержки реализации стратегических ориентиров развития).

Вышесказанное позволяет определить перспективы исследований авторов, которые лежат в области обоснования и разработки эффективной стратегии саморазвития ЛНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шибалева Н.А., Буркина Е.С. Инновационное предпринимательство как фактор развития территории // Развитие менеджмента: концепция «Industry 4.0»: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Орел, 24–25 октября 2019 г. Орел: Орл. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2019. С. 97–103.
2. Тронина И.А., Татенко Г.И., Бахтина С.С. Методика построения структурного профиля инновационного развития региона // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики: материалы II Нац. (всерос.) науч.-практ. конф. Орел, 01 ноября 2019 г. Орел: Орл. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2020. С. 184–192.
3. Тронина И.А., Татенко Г.И., Бахтина С.С. Ключевые технологические компетенции региона: проблемы формирования // Устойчивое развитие цифровой экономики, промышленности и инновационных систем: сб. тр. Науч.-практ. конф. с зарубежным участием / под ред. Д.Г. Родионова, А.В. Бабкина. Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2020 г. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 196–199.

4. *Дмитриева О.Г.* Региональная экономическая диагностика: [монография]. СПб.: С.-Петербург. ун-т экономики и финансов, 1992. 272 с.
5. *Bezrukova T.L., Larionov V.G., Kuksova I.V.* Analytical assessment of social, environmental and economic indicators for the balanced development of the economy of the region // International scientific and practical conference "Forest ecosystems as global resource of the biosphere: calls, threats, solutions" (Forestry-2019). Voronezh, 23–24 October, 2019. Vol. 392. Voronezh: IOP Publishing Ltd, 2019. [doi: 10.1088/1755-1315/392/1/012058](https://doi.org/10.1088/1755-1315/392/1/012058).
6. *Maslennikov V., Popova E., Bezrukova T., Kalinina I., Bezrukov B.* Application of organizational and managerial innovations in activities of Russian companies. In book: Russia and the European Union. Contributions to Economics. Popkova E. (eds). Springer, Cham, 2017. P. 415–423. [doi: 10.1007/978-3-319-55257-6_54](https://doi.org/10.1007/978-3-319-55257-6_54).
7. *Портнер М.Е.* Экономическое развитие регионов // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 108–132.
8. *Шибяева Н.А.* Применение маркетинговых технологий в реализации региональной инновационной политики // Управление инновациями, 2020: материалы междунар. науч.-практ. конф., 16–18 ноября 2020 г. М.; Новочеркасск: ЮРГПУ, 2020. С. 14–18. [doi: 10.34981/Lab-67.2020.innovconf.3-shibaeva](https://doi.org/10.34981/Lab-67.2020.innovconf.3-shibaeva).
9. *Шибяева Н.А., Жучкова М.А.* Территориальный маркетинг как инструмент стимулирования инновационных процессов в экономике региона // Управление инновациями – 2016: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р.М. Нижегородцева, Н.П. Горидько. М.; Новочеркасск: Южно-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) имени М.И. Платова, 2016. С. 75–79.
10. *Трoнина И.А., Бахтина С.С., Татенко Г.И.* Платформенный подход в инновационном развитии регионов // Современные проблемы управления и технологии их решения в условиях трансформационных вызовов: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Орел, 12–13 мая 2020 г. Орел: Орл. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2020. С. 306–314.
11. *Трoнина И.А., Татенко Г.И., Бахтина С.С.* Развитие территории в инновационной сфере на основе концепции «умной специализации» // Анализ факторов пространственного развития территории: национальные и международные стратегические приоритеты: материалы Междунар. очн. Науч.-метод. конф. Орёл, 07–08 ноября 2019 г. Орел: Орл. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2020. С. 50–57.
12. *Трoнина И.А., Татенко Г.И., Бахтина С.С., Куприянов А.Н.* Формирование приоритетных направлений инновационного развития регионов: теория и методология: монография. Орел: ОРЛИК, 2019. 140 с.
13. *Трoнина И.А., Татенко Г.И., Бахтина С.С.* Процесс разработки стратегии инновационного развития региона на основе принципов «умной специализации» / Новая экономика: институты, инструменты, тренды: материалы всерос. науч.-практ. конф.: в 3 ч. / под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орёл, 26–28 сентября 2019 г. Орел: Орл. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2019. С. 223–231.
14. *Бахтина С.С., Трoнина И.А., Шибяева Н.А.* Управление знаниями на базе инновационного развития территорий // Друкеровский вестник. 2019. № 2 (28). С. 52–61.
15. *Бабенко К.Е.* SWOT-анализ территории как предпосылка формирования стратегического видения ее экономического развития // Экономика и государство. 2020. № 6. С. 126–130. [doi: 10.32702/2306-6806.2020.6.126](https://doi.org/10.32702/2306-6806.2020.6.126).
16. *Серова Е.Г., Воробьев П.Ф., Файнштейн Е.М.* Количественная модель SWOT-анализа и ее применение в стратегическом менеджменте: на примере сетевого ресторанного бизнеса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. № 18 (4). С. 531–562. [doi: 10.21638/11701/spbu08.2019.403](https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2019.403).
17. *Петросяц В.З., Дохолян С.В., Петросяц Д.В., Баширова А.А.* Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики. М.: Экономика, 2011. 301 с.
18. *Hausmann R., Klinger B., Wagner R.* Doing growth diagnostics in practice: A 'Mindbook'. 2008. CID Working Paper № 177. URL: <https://growthlab.cid.harvard.edu/publications/doing-growth-diagnostics-practice-mindbook> (дата обращения: 20.03.2020).
19. *Raymbaev C.K., Kulueva C., Giyazov A., Bezrukov B.A., Bezrukova T.L.* (2017) Concept of innovational development of entrepreneurial potential of small enterprises. In: Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. Contributions to Economics. Popkova E.G., Sukhova V.E., Rogachev A.F., Tyurina Y.G., Boris O.A., Parakhina V.N. (eds) Springer, Cham, 2017. [doi: 10.1007/978-3-319-45462-7_16](https://doi.org/10.1007/978-3-319-45462-7_16).

20. Rodrik D. Diagnostics before prescription // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24, № 3. P. 33–44. doi: 10.1257/jep.24.3.33.
21. Оксюта О.В., Курина А.Л. Формализация проблемы управления в условиях неопределенности // Моделирование систем и процессов. 2018. Т. 11, № 3. С. 60–67.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Львовна Безрукова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Экономики и финансов, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова (Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8; e-mail: bezrukova_t_l@mail.ru).

Светлана Викторовна Салита – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Луганский государственный университет им. Владимира Даля (ЛНР, 91034, г. Луганск, квартал Молодежный, 20-а; e-mail: svetlanaluga@yandex.ru).

Оксана Анатольевна Голубцова – старший преподаватель кафедры «Финансы и кредит», Луганский государственный университет им. Владимира Даля (ЛНР, 91034, г. Луганск, квартал Молодежный, 20-а; e-mail: ogolubtsova79@gmail.com).

Людмила Валерьевна Маркова – аспирант кафедры Экономики и финансов, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова (Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8; e-mail: add-luda@mail.ru).

REFERENCES

1. Shibaeva N.A., Burkina E.S. Innovacionnoe predprinimatel'stvo kak faktor razvitiya territorii [Innovative entrepreneurship as a territory development factor]. *Razvitie menedzhmenta: kontsepsiya «Industry 4.0». Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Orel, 24–25 oktyabrya 2019 g.* [Management development: Industry 4.0 theory. Proceedings from II Russian Scientific Practical Conference. Orel, 24–25 October 2019]. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2019, pp. 97–103. (In Russian).
2. Tronina I.A., Tatenko G.I., Bakhtina S.S. Metodika postroeniya strukturnogo profilya innovatsionnogo razvitiya regiona [Design methodology for a structural profile of a region's innovative development]. *Kompleksnoe razvitie territorial'nykh sistem i povyshenie effektivnosti regional'nogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki. Materialy II Natsional'noi (vserossiiskoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii. Orel, 01 noyabrya 2019 g.* [Comprehensive development of territorial systems and higher efficiency of regional management in the context of economy digitalization]. Proceedings from II National (Russian) Scientific Practical Conference. Orel, 01 November 2019]. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2020, pp. 184–192. (In Russian).
3. Tronina I.A., Tatenko G.I., Bakhtina S.S. Klyuchevye tekhnologicheskie kompetentsii regiona: problemy formirovaniya [Key technological competencies of a region: Developmental issues]. *Ustoichivoe razvitie tsifrovoi ekonomiki, promyshlennosti i innovatsionnykh sistem. Sbornik trudov nauchno-prakticheskoi konferentsii s zarubezhnym uchastiem. Pod red. D.G. Rodionova, A.V. Babkina. Sankt-Peterburg, 20–21 noyabrya 2020 g.* [Sustainable Development of a Digital Economy, Industry, and Innovative Systems. Collection of works from Scientific Practical Conference with International Speakers. Ed. by D.G. Rodionov, A.V. Babkin. Saint Petersburg, 20–21 November 2020]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «POLITEKh-PRESS» Publ., 2020, pp. 196–199. (In Russian).
4. Dmitrieva O.G. *Regional'naya ekonomicheskaya diagnostika: monografiya* [Regional economic diagnostics. Monograph. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii Un-t ekonomiki i finansov Publ., 1992. 272 p. (In Russian).
5. Bezrukova T.L., Larionov V.G., Kuksova I.V. Analytical assessment of social, environmental and economic indicators for the balanced development of the economy of the region. *International scientific and practical conference "Forest ecosystems as global resource of the biosphere: calls, threats, solutions" (Forestry-2019). Voronezh, 23–24 October, 2019.* Vol. 392. Voronezh, IOP Publishing Ltd, 2019. doi: 10.1088/1755-1315/392/1/012058
6. Maslennikov V., Popova E., Bezrukova T., Kalinina I., Bezrukov B. Application of organizational and managerial innovations in activities of Russian companies. *Russia and the European Union. Contributions to Economics*, 2017, pp. 415–423. doi: 10.1007/978-3-319-55257-6_54.

7. Porter M.E. Ekonomicheskoe razvitie regionov [The economic performance of regions]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2007, no. 1, pp. 108–132. (In Russian).

8. Shibaeva N.A. Primenenie marketingovykh tekhnologii v realizatsii regional'noi innovatsionnoi politiki [Application of marketing technologies in regional innovative strategy]. *Upravlenie innovatsiyami, 2020: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 16–18 noyabrya 2020 g.* [Innovations Management, 2020: Proceedings from International Scientific Practical Conference, 16–18 November 2020]. Moscow, Novochoerkassk, YuRGPU Publ., 2020, pp. 14–18. (In Russian). doi: [10.34981/Lab-67.2020.innovconf.3-shibaeva](https://doi.org/10.34981/Lab-67.2020.innovconf.3-shibaeva).

9. Shibaeva N.A., Zhuchkova M.A. Territorial'nyi marketing kak instrument stimulirovaniya innovatsionnykh protsessov v ekonomike regiona [Territorial marketing as a stimulation tool for innovative processes in region's economy]. *Upravlenie innovatsiyami-2016. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod red. R.M. Nizhegorodtseva, N.P. Gorid'ko* [Innovations Management-2016. Proceedings from International Scientific Practical Conference. Ed. by R.M. Nizhegorodtsev, N.P. Gorid'ko]. Moscow, Novochoerkassk, Yuzhno-Rossiiskii gosudarstvennyi politekhnicheskii universitet (NPI) imeni M.I. Platova Publ., 2016, pp. 75–79. (In Russian).

10. Tronina I.A., Bakhtina S.S., Tatenko G.I. Platformennyi podkhod v innovatsionnom razvitii regionov [A platform approach to the regions' innovative development]. *Sovremennye problemy upravleniya i tekhnologii ikh resheniya v usloviyakh transformatsionnykh vyzovov. Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Orel, 12–13 maya 2020 g.* [Modern Management Problems and Strategies for their Solutions in the Context of Transformational Challenges. Proceedings from III Russian Scientific Practical Conference. Orel, 12–13 May 2020]. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2020, pp. 306–314. (In Russian).

11. Tronina I.A., Tatenko G.I., Bakhtina S.S. Razvitie territorii v innovatsionnoi sfere na osnove kontseptsii «umnoi spetsializatsii» [Development of the territory in the innovation sphere on the basis of the concept of “smart specialization”]. *Analiz faktorov prostranstvennogo razvitiya territorii: natsional'nye i mezhdunarodnye strategicheskie priority. Materialy Mezhdunarodnoi ochnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. Orel, 07–08 noyabrya 2019 g.* [Analysis of the territory's spatial development factors: National and international strategic priorities. Proceedings from International on-Campus Scientific Practical Conference. Orel, 07–08 November 2019]. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2020, pp. 50–57. (In Russian).

12. Tronina I.A., Tatenko G.I., Bakhtina S.S., Kupriyanov A.N. *Formirovanie prioritetnykh napravlenii innovatsionnogo razvitiya regionov: teoriya i metodologiya: monografiya.* [Development of priority areas in regions' innovative development: Theory and methodology. Monograph]. Orel, Izdatel'skii Dom «ORLIK» Publ., 2019. 140 p. (In Russian).

13. Tronina I.A., Tatenko G.I., Bakhtina S.S. Protsess razrabotki strategii innovatsionnogo razvitiya regiona na osnove printsipov «umnoi spetsializatsii» [The process of developing a strategy for innovative development of the region based on the principles of “smart specialization”]. *Novaya ekonomika: instituty, instrumenty, trendy. Materialy vsereossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 3-kh chastyakh. Pod red. O.V. Pilipenko, S.Yu. Glaz'eva, A.E. Aivazova, A.G. Zaitseva, N.V. Spasskoi, E.V. Takmakovoi. Orel, 26–28 sentyabrya 2019 g.* [New Economy: Institutes, Tools, Trends. Proceedings from Russian Scientific Practical Conference. In 3 parts. Ed. by O.V. Pilipenko, S.Yu. Glaz'ev, A.E. Aivazov, A.G. Zaitsev, N.V. Spasskaya, E.V. Takmakova. Orel, 26–28 September 2019]. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2019, pp. 223–231. (In Russian).

14. Bakhtina S.S. Tronina I.A., Shibaeva N.A. Upravlenie znaniyami na baze innovatsionnogo razvitiya territorii [Knowledge management based on innovative development of territories]. *Drukerovskii vestnik* [Drukerovskij Vestnik], 2019, no. 2 (28), pp. 52–61. (In Russian).

15. Babenko K.E. SWOT-analiz territorii kak predposylka formirovaniya strategicheskogo videniya ee ekonomicheskogo razvitiya [SWOT-analysis of the territory as a prerequisite for a strategic vision formation of its economic development]. *Ekonomika i gosudarstvo* [Economy and State], 2020, no. 6, pp. 126–130. (In Ukrainian). doi: [10.32702/2306-6806.2020.6.126](https://doi.org/10.32702/2306-6806.2020.6.126).

16. Serova E.G., Vorob'ev P.F., Fainstein E.M. Kolichestvennaya model' SWOT-analiza i ee primenenie v strategicheskome menedzhmente: na primere setevogo restorannogo biznesa [Quantitative SWOT analysis and its application to strategic management: The case of chain restaurant business]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment* [Vestnik of Saint Petersburg University. Management], 2019, no. 18 (4), pp. 531–562. (In Russian). doi: [10.21638/11701/spbu08.2019.403](https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2019.403).

17. Petrosyants V.Z., Dokholyan S.V., Bashirova A.A., Petrosyants D.V. *Strategiya regional'nogo razvitiya v usloviyakh innovatsionnykh preobrazovaniy ekonomiki* [Regional development strategy in the context of innovative transformations in economy]. Moscow, Ekonomika Publ., 2011. 301 p. (In Russian).

18. Hausmann R., Klinger B., Wagner R. *Doing growth diagnostics in practice: A 'Mindbook'*. CID Working Paper no. 177, 2008. Available at: <https://growthlab.cid.harvard.edu/publications/doing-growth-diagnostics-practice-mindbook> (accessed 20.03.2020).

19. Raymbaev C.K., Kulueva C., Giyazov A., Bezrukov B.A., Bezrukova T.L. Concept of innovational development of entrepreneurial potential of small enterprises. *Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. Contributions to Economics*, 2017, pp. 143–150. doi: 10.1007/978-3-319-45462-7_16.

20. Rodrik D. Diagnostics before prescription. *Journal of Economic Perspectives*, 2010, vol. 24, no. 3, pp. 33–44. doi: 10.1257/jep.24.3.33.

21. Oksyuta O.V., Kurina A.L. Formalizatsiya problemy upravleniya v usloviyakh neopredelennosti [The formalization of the problem of control in conditions of uncertainty]. *Modelirovanie sistem i protsessov* [Modeling of Systems and Processes], 2018, vol. 11, no. 3, pp. 60–67. (In Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana Lvovna Bezrukova – Doctor of Economics, Professor, Head at the Department of Economics and Finances, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov (8, Timiryazeva st., Voronezh, Russia, 394087, Russia; e-mail: bezrukova_t_l@mail.ru).

Svetlana Viktorovna Salita – Professor, Head at the Department of Banking and Finance, Vladimir Dahl Lugansk State University (20-a, Molodezhny block, Lugansk, 91034, Lugansk People's Republic; e-mail: svetlanaluga@yandex.ru).

Oksana Anatolievna Golubtsova – Senior Lecturer at the Department of Banking and Finance, Vladimir Dahl Lugansk State University (20-a, Molodezhny block, Lugansk, 91034, Lugansk People's Republic; e-mail: ogolubtsova79@gmail.com).

Lyudmila Valeryevna Markova – Graduate Student at the Department of Economics and Finances, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov (8, Timiryazeva st., Voronezh, Russia, 394087, Russia; e-mail: add-luda@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 22.03.2021, принята к печати 07.06.2021

Received March 22, 2021; accepted June 07, 2021

doi 10.17072/1994-9960-2021-2-183-201

JEL Code R120

УДК 332.1 (470), ББК 65.04

© Артемова О.В., Логачева Н.М., 2021

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ С ОРИЕНТАЦИЕЙ НА ЧЕЛОВЕКА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Ольга Васильевна Артемова

ORCID ID: [0000-0003-4021-9739](https://orcid.org/0000-0003-4021-9739), Researcher ID: [M-6604-2018](https://orcid.org/M-6604-2018), e-mail: artemova.ov@uieec.ru

Наталья Модестовна Логачева

ORCID ID: [0000-0001-7008-0446](https://orcid.org/0000-0001-7008-0446), Researcher ID: [AAZ-4704-2020](https://orcid.org/AAZ-4704-2020), e-mail: logacheva.nm@uieec.ru

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 68)

В настоящее время ведутся активные дискуссии о роли крупнейших городов в развитии экономических систем и социума, формировании качественного городского пространства для человека. Несмотря на это, остается ряд нерешенных урбанистических вопросов, важнейшим из которых является необходимость взаимодействия города и человека. Усиление этого взаимодействия, предоставление разнообразия в удовлетворении потребностей населения, наличие обратной связи через активного горожанина, влияющего на процессы развития городского пространства, – все это атрибуты современного мегаполиса, конкурирующего за человека. Результатом реализации преимуществ города является увеличение численности его населения и улучшение качества его жизни. В противном случае у города появляются признаки деградации и уменьшения численности населения. Цель исследования – обоснование необходимости многокритериальной оценки условий проживания в российских мегаполисах в соответствии с запросами населения на формирование современного городского пространства, выступающей основой управленческих решений в определении стратегических ориентиров развития города. В качестве методического инструментария применялись экспертные оценки качества городской среды, демографический анализ движения городского населения, позиционирование мегаполисов РФ по критериям «качество городской среды» – «стоимость жизни населения», их группировка по качественным характеристикам городской среды, контент-анализ стратегических документов развития крупнейших мегаполисов. Новизна исследования заключалась в новой трактовке понятия «место» применительно к городской территории, которое определялось не в узком смысле, как конкретная локализация, имеющая границы, а как городская среда, предоставляющая набор разных возможностей для удовлетворения растущих потребностей горожан. В результате исследования определены подходы к многокритериальной оценке условий жизни в городах-миллионниках в соответствии с запросами населения. Для этого, с использованием методики Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, проведен анализ текущего состояния и динамики изменения городской среды, исследованы демографические процессы, дана оценка привлекательности мегаполисов по соотношению стоимости жизни и доходов горожан. Это позволило выявить наиболее проблемные зоны городов, концептуальное решение которых должно быть заложено в стратегических документах развития мегаполисов, а практическое решение – в разработке эффективных механизмов их реализации (муниципальные программы и проекты). Предложено анализировать и перманентно актуализировать стратегические документы городов-миллионников с учетом как «коллективной оценки», так и потребностей отдельного горожанина в высоком качестве городской среды. Сформулирована необходимость переосмысления представлений о городском пространстве как о «месте жизни» и о роли «человека» в его развитии. Перспективы исследования заключаются в разработке комплексной интегральной многокритериальной оценки текущего состояния и динамики качества городского пространства для определения уровня конкурентоспособности мегаполисов с позиций их привлекательности для населения.

Ключевые слова: мегаполис, урбанизация, городское население, качество городской среды, стоимость жизни, качество жизни, территориальное развитие, общественные пространства, позиционирование городов, стратегия развития городов.

Для цитирования:

Артемова О.В., Логачева Н.М. Развитие российских мегаполисов с ориентацией на человека: возможности и ограничения // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Том 16. № 2. С. 183–201. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-183-201

HUMAN CENTERED DEVELOPMENT OF RUSSIAN MEGACITIES: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Olga V. Artemova

ORCID ID: [0000-0003-4021-9739](https://orcid.org/0000-0003-4021-9739), Researcher ID: [M-6604-2018](https://orcid.org/M-6604-2018), e-mail: artemova.ov@uiec.ru

Natalia M. Logacheva

ORCID ID: [0000-0001-7008-0446](https://orcid.org/0000-0001-7008-0446), Researcher ID: [AAZ-4704-2020](https://orcid.org/AAZ-4704-2020), e-mail: logacheva.nm@uiec.ru

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(68, Communym st., Chelyabinsk, 454091, Russia)

Currently, the role of the big cities in the development of economy and society, the organization of high-quality urban space for people are widely discussed. However, there are still many unresolved urban issues with the crucial one being the need for the city-person interaction. Better interaction, diversity in satisfying the population's needs, feedback from an active citizen who influences the development of the city are the attributes of modern metropolis that competes for any person. City's advantages result in a greater population size and better quality of their life. Otherwise, the city shows the degradation signs and population decline. The purpose of the study is to justify the need for a multi-criteria assessment of living conditions in the Russian megalopolises under the citizens' needs and the improvement of modern urban space. This assessment could guide the managerial decisions in defining the strategic priorities in city development. The following methodological tools were used: experts' assessments of urban environment quality, demographic analysis of urban population movement; positioning of Russian megacities by criteria 'urban environment quality' and 'population's cost of living', their grouping by the qualitative characteristics of urban environment; content analysis of the strategic documents for the development of the largest megacities. The novelty of the study is a new interpretation of the concept of 'place' in terms of the urban area. It is defined in a broader sense rather than a particular localization with the borders. It is an urban environment with a set of different opportunities to meet citizens' growing needs. The study arrives at the approaches to a multi-criteria assessment of the living conditions in million cities under the citizens' needs. To do this, the authors applied the methods of the Ministry of Construction, Housing and Utilities in the Russian Federation and analyzed the conditions and dynamics of the urban environment, studied the demographic processes, and evaluated the megalopolis attractiveness under the income and cost of living ratio. This revealed the challenges of the cities which could be theoretically solved in the strategic documents of megalopolis development, while the development of efficient mechanisms could help in the practical implementation of the solutions (municipal programs and projects). The article offers to analyze and constantly update the strategic documents of the million cities with regard to the public opinion and the needs of city dwellers in high-quality urban space. The authors worded the need to re-define the urban space which used to be interpreted as a place for living and the human role in its development. The results of the study could be of interest to public authorities and local governments that strategically manage the million cities. Further research is seen to be connected with the development of a comprehensive integral multi-criteria assessment for the current condition and dynamics in the urban space quality to define the megalopolis competitiveness in terms of their interest for the citizens.

Keywords: megalopolis, urbanization, urban population, urban environment quality, cost of living, quality of life, territorial development, public spaces, urban positioning, urban development strategy.

For citation:

Artemova O.V., Logacheva N.M. Human centered development of Russian megacities: Opportunities and limitations. *Perm University Herald. Economy*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 183–201. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-183-201

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы развития городов и их роль в концентрации деловой и социальной активности уже длительное время определяют научный дискурс. Значимость городов в формировании и развитии человеческого потенциала, повы-

шении качества и уровня жизни населения в результате интенсификации процессов урбанизации увеличивается.

В такой ситуации для реализации эффективной социально-экономической политики важно своевременно выявлять и учи-

тывать факторы и условия среды, которые способствуют не только развитию городов, но и благополучию их жителей.

Города по своей природе многолики и, имея разнообразные функции, оказывают воздействие на тех, для кого они созданы – на проживающих в них горожан. В трудах исследователей разных научных направлений при изучении городов выявляются положения, формирующие представление о городе как о системе, пространстве, общности людей.

По мнению Ю.В. Игнатъева, А.М. Костина, С.А. Белова, город представляет собой «относительно самостоятельную, юридически оформленную, сложную динамическую территориальную и социальную систему, в которой воспроизводятся экономические, социальные, политические, идеологические, управленческие, демографические, этнические, экологические, правовые, градостроительные, градообслуживающие и другие отношения» [1]. Этот подход акцентирует внимание на том, что город – это и территория, и социально-экономическая система (наполненная разнородными отношениями) одновременно.

Иной взгляд отражен в социологических трудах, посвященных теории города. В силу специфики акцент исследований смещается на группы горожан, социальные слои, а город рассматривается как элемент целостной системы социально-пространственной организации общества как типа расселения [2, с. 28–29]. Отдельные социологические теории городов ориентируются на архитектурное пространство, которое формирует градообразующий, социокультурный компонент [3, с. 114, 116–117].

Очевидно, что большое значение имеет местоположение города, именно поэтому внимание многих ученых сосредоточено на этом аспекте. Так, значительный вклад в развитие методологических положений теории города был внесен экономистами-географами (И.М. Маергойз, Е.Г. Анимица¹ и др.) [4; 5].

¹ Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 2010. 433 с.

К аспектам пространственного развития исследователи относят вопросы размещения населения и концентрации экономической активности на территории, безопасности и комфортности среды обитания, связанности пространства, транспортной доступности [6, с. 194]. Без сомнения, пространственная структура городских территорий играет важную роль в повседневной жизни горожан. Нынешние стратегии развития городов независимо от их размеров и размещения должны быть направлены на обеспечение качества жизни жителей [7].

Вместе с тем одной из качественных характеристик современного устройства жизни является урбанизация, которую невозможно не учитывать. Л. Вирт указывает, что это не столько процесс увеличения городского населения, сколько движение к городскому образу жизни [8]. Урбанизация в связи с этим формирует специфические формы социальной жизни, изменяя потребности населения, связанные с городским пространством, в котором оно проживает.

Среди урбанистических исследований часто встречается антропологический подход, изучающий «человека в пространстве» (Алексеевский, Болдуин и пр.) [9; 10]. В научных трудах отмечается, что изменения городского пространства происходят под воздействием трансформации потребностей (интересов) людей, а «комфортность, удобство и функциональность городской среды измеряется антропологически. Город – это не только крупный, развитый хозяйственно-экономический комплекс, но и особая логика организации/оформления жизнедеятельности горожан, это производство и воспроизводство определенных отношений, стиля жизни, миропонимания, поэтому трансформация городской среды очень тесно связана с фактическими интересами и потребностями людей, этот город населяющих» [11, с. 14].

Обзор теоретических подходов показывает, что сложность исследования, посвященного изучению проблем развития городов, состоит в многовариантности мнений и концептов в рамках данного предметного поля. Авторы статьи акцентируют внимание на изучении двух направлений развития городского пространства под влиянием по-

требностей (интересов) населения, поскольку представляется, что город – это пересечение территориального и социального пространства. Так, с одной стороны, городское пространство включает в себя материальные объекты, обеспечивающие осуществление различных процессов жизнедеятельности, в которые вовлечены жители города (работа, отдых, перемещение, общение и пр.). С другой стороны, город – это социальное пространство, которое представляет собой совокупность социальных групп, жителей со своими потребностями, интересами и действиями. При таком подходе население города является «сотворцом» его изменений (развития). Сходной позиции придерживаются и другие авторы, например, А.В. Бабаева, А.А. Крашенинников пишут: «Телесная организация человека коррелирует с пространственной локацией» [11, с. 14]. В контексте нашего исследования эта связь подчеркивает значимость физического (или вещественного, объектного) пространства, то есть качества среды проживания для человека. «Физический комфорт», предоставляемый городом, разнообразие его объектов и городских пространств способны удовлетворить потребности людей, проживающих в нем, а следовательно, способствовать повышению его привлекательности для населения.

При этом, исходя из результатов наших предшествующих исследований, мы пришли к пониманию, что при изучении городской среды важно учитывать фундаментальные характеристики любого пространства – место и время. Так, главный актер города – горожанин ассоциирует свою жизнь в определенный период времени с конкретным местом, а это превращает город из абстрактной территории, имеющей границы, в «место для жизни человека».

Вместе с тем такой подход является относительным, поскольку потребности и запросы населения со временем меняются в силу разных причин, как предсказуемых (например, цифровизация), так и непрогнозируемых (внезапно возникшая пандемия и ограничения, связанные с ней). В свою очередь изменение потребностей людей формирует новые запросы к городскому пространству, его объектам и их характеристикам.

Подобный взгляд на город дает возможность конкретизировать вопросы исследования, выявить, как «место» (городское пространство и его характеристики) влияет на качество и уровень жизни населения в данный момент, и показать, какие изменения стоит ожидать в будущем. Такая необходимость связана с тем, что, с одной стороны, «в последние годы ускорение преобразований привело к тому, что скорость изменений реальности стала опережать темпы ее изучения», с другой стороны, имеющая место скорость изменений жизни «придает месту большую конкретность, обогащает его в содержательном отношении, что способствует перелому ранее действовавшей тенденции обезличивания места» [12, с. 106, 114].

Отметим, что не только место, но и «благополучие личности, то есть конкретного человека, который через деятельность познает мир и изменяет его» [13, с. 50] должно стать одним из приоритетов развития не только регионов, но и конкретных территорий – городов с учетом их особенностей и имеющихся различий.

Действительно, российские города существенно дифференцированы, в том числе по критерию людности [14, с. 44]. Они делятся на: малые (до 50 тыс. чел.); средние (50–100 тыс. чел.); большие (100–250 тыс. чел.); крупные (250 тыс. – 1 млн чел.); крупнейшие (более 1 млн чел.).

С учетом объективных урбанистических процессов, сосредоточения населения и деловой активности в крупнейших городах в качестве объекта исследования нами рассмотрены мегаполисы РФ с численностью населения свыше 1 млн жителей. На 1 января 2020 г. это 15 городов, на долю которых приходится 33,7 млн чел., что составляет около 23 % всего населения России, 31 % от численности городского населения. Среди них есть два крупнейших города, относящихся к субъектам РФ (Москва и Санкт-Петербург), которые в силу их статуса и исключительности, а следовательно, малой сопоставимости с другими мегаполисами не вошли в данное исследование.

Цель исследования – обосновать необходимость многокритериальной оценки условий проживания в российских мегапо-

лисах в соответствии с запросами населения на формирование современного городского пространства, выступающей основой управленческих решений в определении стратегических ориентиров развития города.

Считаем, что в качестве таких критериев оценки могут выступать: качество городской среды; соотношение стоимости жизни и доходов горожан; демографические процессы, влияющие на численность населения городов; качество социального пространства в городе; многообразие возможностей, предоставляемых мегаполисами для развития человека.

АЛГОРИТМ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использована методика оценки качества городской среды городов-миллионников России, разработанная Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ¹. Она включает оценку жилья и прилегающих территорий, улично-дорожной сети, озеленения пространства, общественно-деловой инфраструктуры и прилегающего пространства, социально-досуговой инфраструктуры и прилегающего пространства, общегородского пространства. Кроме того, использованы данные *Domofond.ru*, на основе которых проведена оценка уровня жизни населения крупнейших городов, а также данные Росстата по численности и миграционному приросту населения.

Авторами использовался следующий алгоритм исследования:

1) сформулировано обоснование авторского подхода к пониманию города как «места для жизни человека», учитывающего особенности телесности человека, связывающего себя с местом проживания;

2) ранжирование городов-миллионников по параметрам качества городской среды, позволяющее выявить наиболее острые проблемы городского пространства, требующие решений в соответствии с запросами нового времени (цифровизация, пандемия);

3) позиционирование крупнейших городов РФ по критериям: «качество городской среды» – «стоимость жизни населения» для выявления степени дифференцированности городского пространства;

4) изучение направлений движения населения городов-миллионников в сопоставлении с результатами позиционирования российских мегаполисов для выявления привлекательных и непривлекательных аспектов для жизни в городе;

5) контент-анализ стратегий развития мегаполисов с позиций создания человеко-ориентированной городской среды.

Предложенный алгоритм позволил определить последовательность и структуру исследования.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ

Дж. Джекобс, одна из основоположниц современного урбанизма, сформулировала в своих работах понятие разнообразия: как разнообразия пользователей, так и разнообразия способов использования городской среды [15]. Это справедливо и в отношении современных российских городов, пространство которых предоставляет это разнообразие населению. Вместе с тем люди, проживающие в городе и приезжающие в него, в ответ на такое разнообразие формируют все новые запросы на объекты и возможности, стремясь к улучшению среды проживания и повышению качества жизни, порождая изменения «своего места жизни». Такое взаимное влияние не является специфической российской особенностью. Китайские исследователи утверждают, что «большие города в Китае предлагают лучшее качество жизни и больше возможностей» [16]. Учитывая необходимость многокритериальной оценки разнообразия возможностей города, предлагаемых для человека, авторы сочли наиболее подходящим применение методики определения качества городской среды Минстроя РФ.

Данные, позволяющие оценить качество городской среды в городах-миллионниках РФ, представлены в табл. 1.

¹ Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 10.04.2021).

Таблица 1. Оценка качества городской среды в городах-миллионниках РФ, 2019 г., балл
Table 1. Assessment of urban environment quality in the million cities in the Russian Federation, 2019, score

№	Типы городской среды	г. Новосибирск	г. Екатеринбург	г. Нижний Новгород	г. Казань	г. Челябинск	г. Омск	г. Самара	г. Уфа	г. Ростов-на-Дону	г. Красноярск	г. Воронеж	г. Пермь	г. Волгоград	Среднее по выборке
1	Жилье и прилегающие территории	27	42	41	47*	33	16**	20	37	39	36	43	26	32	34
	изм. к 2018 г.	-1	-1	3	7	-1	-3	-9	0	-9	-1	4	-3	3	-0,7
2	Улично-дорожная сеть	24	35*	24	28	23	14**	33	27	26	29	20	32	24	26
	изм. к 2018 г.	-4	-1	-7	-1	-3	4	0	5	3	-6	0	3	3	-0,3
3	Озеленение пространства	26	21	31	32	23	15**	29	43*	16	26	26	37	21	27
	изм. к 2018 г.	-1	4	-2	2	-2	-1	2	3	-1	0	8	8	12	2,5
4	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающее пространство	24	27	31*	27	25	15**	29	23	30	26	24	16	18	24
	изм. к 2018 г.	-2	0	-2	-6	-1	-1	2	2	-1	0	-2	-2	3	-0,8
5	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающее пространство	21	29	33	34	29	20	19**	24	41*	25	23	28	26	27
	изм. к 2018 г.	1	3	5	10	1	0	-1	0	15	-7	9	5	9	3,9
6	Общегородское пространство	39	34	33	33	29	26	32	28	41*	39	28	20**	28	32
	изм. к 2018 г.	4	-8	6	-1	5	3	5	-7	8	6	-9	4	3	1,5

Примечание: Максимально возможная оценка по каждому из 6 исследуемых параметров составляет 60 баллов. * – максимальное значение показателя; ** – минимальные значения.

Сост. по источнику: *Индекс* качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 10.04.2021).

Средние баллы по выборке (13 мегаполисов) показывают, что лишь 2 параметра городской среды оценены населением городов-миллионников выше 50 % от максимально возможного значения (60 баллов). Это группы «Жилье и прилегающая территория» – 34 балла, «Общегородское пространство» – 32 балла). Остальные параметры в меньшей степени удовлетворяют горожан.

Самую высокую оценку по показателю «Жилье и прилегающие территории» дали жители г. Казани, самую низкую – г. Омска. Позитивные изменения отмечены в Казани, Воронеже, Волгограде и Нижнем Новгороде. Негативные тенденции имеют место в Самаре и Ростове-на-Дону (ухудшение оценки на 9 баллов).

«Общегородское пространство» имеет важнейшее значение для жителей городов,

поскольку именно оно может предоставить разнообразие для удовлетворения потребностей и получения преимуществ от проживания в крупнейших городах. Тем не менее его оценка жителями 7 городов ниже, чем средняя оценка по выборке. Наибольший балл по параметру городской среды дали жители Ростова-на-Дону, наименьший – г. Перми. В 9 городах наблюдаются улучшения оценок общегородского пространства по сравнению с 2019 г. Негативные изменения, по мнению горожан, происходят в Воронеже, Екатеринбурге, Уфе и Казани.

Расширяет возможности для удовлетворения широких социальных потребностей социально-досуговая инфраструктура и прилегающее пространство. Жители Ростова-на-Дону значительно выше остальных городов оценили не только этот параметр,

характеризующий городскую среду, но и происходящие в этой области изменения. Судя по оценке населения Самары, они испытывают затруднения в доступе к социально-досуговой инфраструктуре города.

«Озеленение пространства» – параметр, который нельзя недооценивать. Все больше эмпирических данных свидетельствуют о том, что наличие парков, озелененных или природных территорий в городе во многом способствует повышению качества жизни. Природные ландшафты в городской среде являются источником положительных ощущений и полезных услуг (связанные с отдыхом или оздоровлением), которые удовлетворяют важные потребности человека [17]. По мнению жителей Уфы, город дает возможность почувствовать близость природы (43 балла – самая высокая оценка по этому параметру), в то время как жители Омска высказывают неудовлетворенность уровнем озеленения городского пространства. Анализируя оценки, данные жителями других городов-миллионников, в частности тех, которые находятся в более благоприятных климатических условиях, нельзя заключить, что более южные города имеют преимущество по этому параметру.

Как отмечалось нами ранее, жизнь современного горожанина протекает не только в пространстве, но и во времени. Одной из характеристик современной жизни в мегаполисе является высокоскоростной темп жизни. В связи с этим важнейшей характеристикой городского пространства является обеспечение свободы перемещения, так как человек начинает измерять городское пространство легкостью его преодоления [11, с. 14; 18, с. 83]. Параметр «Улично-дорожная сеть» позволяет оценить эту возможность. Данные таблицы показывают, что население лишь трех городов (Екатеринбурга, Самары и Перми) дали оценки выше 50 % от максимума. Для жителей остальных городов эта проблема является более острой. Самая неблагоприятная ситуация сложилась в Омске (14

баллов – минимальная оценка, с большим отрывом от средней по выборке). Происходящие изменения в развитии улично-дорожных сетей, отмеченные жителями, в недостаточной степени соответствуют их запросам. Это связано с тем, что насыщенность городов-миллионников автомобильным транспортом растет высокими темпами, в то время как решения по строительству эффективных развязок и расширению дорог не только затратны для города, но принимаются с большим опозданием. В результате затраты времени на передвижение внутри города к месту работы или учебы, которые, как правило, относятся к непродуктивным, оказываются очень высокими [19]. В этой связи повышенные качества обслуживания населения городским пассажирским транспортом является важнейшей задачей развития современных городов и агломераций [20, с. 304].

Городское пространство представляет собой не просто объектное поле, в котором проживают горожане, оно, по сути, является набором возможностей для удовлетворения разнообразных потребностей населения и роста качества их жизни. Результаты оценки качества городской среды крупнейших городов России представлены в табл. 2. Ранжирование городов и разделение их на группы проведено по данным 2019 г. (данные за 2018 г. представлены справочно).

Наиболее привлекательной для жителей является городская среда г. Казани (в 2019 г.), г. Екатеринбурга (в 2018 г.). Изменения оценок городского пространства связаны не только с его реальной трансформацией, но и с субъективным отношением людей к городскому пространству, а также с изменением их потребностей. Тем не менее данные табл. 2 свидетельствуют о том, что мнения жителей Казани и Нижнего Новгорода относительно качества городской среды при их положительной оценке более стабильны, а для Омска характеризуется стабильно низкой удовлетворенностью населения качеством городской среды.

Таблица 2. Изменение качества городской среды в городах-миллионниках РФ*
 Table 2. Changes in urban environment quality in the million cities in the Russian Federation

Город	Ранг		Интегральный индекс города, балл		Изменения за 2018–2019 гг., балл	Количество индикаторов, оцененных выше 50% от максимального значения	
	2019	2018	2019	2018		2019	2018
<i>Группа городов со значением выше среднего</i>							
Казань	1*	2/3	201*	190	11	4	4
Нижегород	2/3	2/3	193	190	3	5	4
Ростов-на-Дону	2/3	6	193	178	15	4	3
Екатеринбург	4	1*	188	191*	–3	3	3
Уфа	5	5	182	179	3	2	3
Красноярск	6	4	181	189	–8**	2	4
<i>Группа городов со значением ниже среднего</i>							
Пермь	7	11	168	153	15	2	0
Воронеж	8	10	164	154	10	1	2
Челябинск	9	9	161	160	1	1	1
Волгоград	10/11	12	159	116	43*	1	0
Самара	10/11	7	159	163	–4	2	1
Новосибирск	12	8	158	161	–3	1	1
Омск	13**	13**	106	104	2	0	0

Примечание: Индекс города представляет собой суммарную балльную оценку шести пространств: 1) жилье и прилегающие территории; 2) улично-дорожная сеть, 3) озеленение пространства, 4) общественно-деловая инфраструктура и прилегающее пространство, 5) социально-досуговая инфраструктура и прилегающее пространство, 6) общегородское пространство. Максимальное возможное значение индекса города 360 баллов. Среднее значение Индекса города по выборке в 2019 г., послужившее делению городов на группы, составляло 170 баллов. * – лучшие результаты, ** – худшие результаты.

Сост. по источнику: *Индекс* качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 10.04.2021).

В табл. 2 представлена информация (последние 2 столбца), которая демонстрирует удовлетворенность горожан по числу индикаторов оценки (из 6 анализируемых типов городской среды). Ранжирование городов показывает, что разнообразие городской среды, удовлетворяющей горожан, также существенно отличается. Мегалополисы, входящие в первую группу со значениями выше среднего, с точки зрения жителей, более привлекательны по качеству городского пространства, чем города второй группы – со значениями ниже среднего. При этом максимальный рост интегрального индекса города наблюдался в Волгограде (+43 балла), который отнесен ко второй группе.

В результате проведенного анализа было выявлено следующее: а) текущее состояние городской среды (2019 г.) в мегалополисах существенно различается в целом (по интегральному индексу) и по отдельным группам показателей, характеризующих типы городской среды; б) динамика интегральных индексов (2018–2019 гг.) была разной направ-

ленности: положительная и отрицательная. При этом констатировано, что более высокий ранг города по текущему состоянию не всегда совпадает с положительной динамикой изменений. Это позволило выявить наиболее проблемные зоны городской среды, концептуальное решение которых должно быть заложено в стратегические документы развития мегалополисов, а практическое решение – в разработку эффективных механизмов их реализации (муниципальные программы и проекты).

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ ПО СООТНОШЕНИЮ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ И СТОИМОСТИ ЖИЗНИ В ГОРОДЕ

Важнейшим фактором, влияющим на способность удовлетворять потребности городского населения, является стоимость жизни, поскольку доступность для человека возможностей, которые предоставляет город, предопреде-

ляется размером дохода его жителей. Аналитики *Domofond.ru* ежегодно выявляют, как россияне оценивают соотношение своих доходов и стоимости жизни, и составляют

рейтинг городов России по этим оценкам¹. Оценки, данные жителями мегаполисов России, представлены в табл. 3.

Таблица 3. Оценка жителями мегаполисов России соотношения доходов и стоимости жизни в городах-миллионниках РФ, 2018–2019 г., балл*

Table 3. Russian metropolis citizens' assessment of the income and cost of living ratio in the Russian Federation, 2018–2019, score

Год	г. Новосибирск	г. Екатеринбург	г. Нижний Новгород	г. Казань	г. Челябинск	г. Омск	г. Самара	г. Уфа	г. Ростов-на-Дону	г. Красноярск	г. Воронеж	г. Пермь	г. Волгоград
2019	4,4	4,4	4,2	4,6*	3,6	3,5	4	4,4	3,8	4,4	4,1	4,1	3,2**
2018	5	5,1*	4,4	4,5	4,1	4,2	4,4	4,5	4,1	4,7	4,8	4,8	3,7**
Изменение 2018–2019 гг.	-0,6	-0,7	-0,2	0,1	-0,5	-0,7	-0,4	-0,1	-0,3	-0,3	-0,7	-0,7	-0,5

Примечание: * – лучшие результаты, ** – худшие результаты.

Сост. по источнику: *Domofond.ru*. URL: <https://www.domofond.ru/> (дата обращения: 10.04.2021).

Лучшими по анализируемому параметру в 2018 г. был Екатеринбург, в 2019 г. – Казань. Самый низкий уровень в период 2018–2019 гг. наблюдался в Волгограде. Неблагоприятной является тенденция снижения удовлетворенности жителей соотношением доходов и стоимости жизни по всем городам, за исключением Казани.

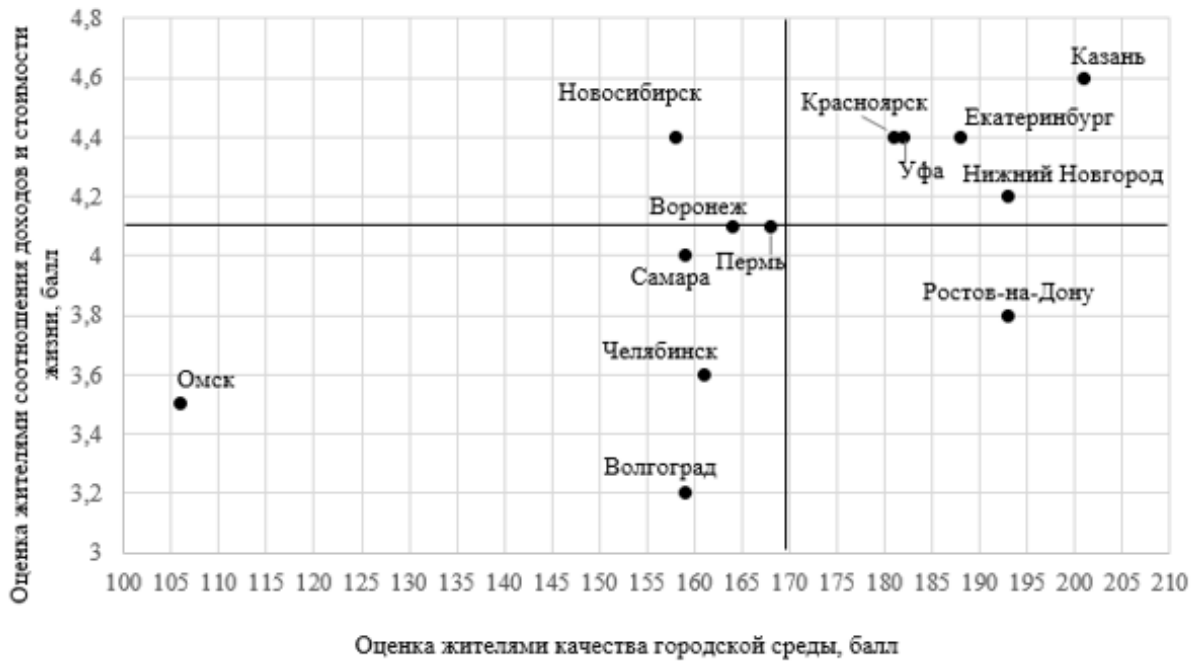
Для конкретизации и выявления взаимного влияния параметров «качества городской среды», как характеристики городского пространства, и стоимости жизни, как финансовой доступности возможностей, предоставляемых в городе, нами было проведено позиционирование городов-миллионников (рисунок) Позиционирование городов проводилось относительно средних значений соответствующих индикаторов по выборке в 2019 г. («оценка жителями качества городской среды» – 170 баллов; «оценка жителями соотношения доходов и стоимости жизни» – 4,1 балл) и позволило выделить группы городов со схожими оценками горожан.

Города, расположенные в верхнем правом квадранте (группа по уровню двух показателей выше среднего – Казань Екатеринбург, Красноярск, Уфа, Нижний Новгород), с точки зрения жителей, имеют город-

скую среду более высокого качества. При этом соотношение доходов и стоимости жизни позволяет им использовать широкие возможности городского пространства.¹

Самара, Челябинск, Волгоград, Омск образуют группу, где обе оценки ниже среднего уровня. При этом Омск и в 2018, и в 2019 гг. имел самые низкие оценки качества городской среды среди городов-миллионников, а Волгоград – худшее соотношение доходов и стоимости жизни. Позиция Челябинска связана с низкой удовлетворенностью горожан улично-дорожной сетью и озеленением городского пространства. В Самаре жители не удовлетворены качеством социально-досуговой инфраструктуры и жилья с прилегающими пространствами.

¹ В 2019 г. в данном опросе приняли участие более 90 тысяч человек. Участники опроса оценивали утверждение: «Моего ежемесячного дохода достаточно для комфортного проживания; меня устраивают стоимость товаров в магазинах у дома, тарифы на коммунальные услуги и другие виды расходов» по шкале от 1 до 10, где 1 означает «полностью не согласен», а 10 – «полностью согласен». См.: *Рейтинг 200 городов по отношению доходов и стоимости жизни*. URL: https://www.domofond.ru/statya/rejting_200_gorodov_po_otnosheniyu_dohodov_i_stoimosti_zhizni/100335 (дата обращения: 10.04.2021).

Позиционирование городов-миллионников по критериям «качество городской среды – соотношение доходов и стоимости жизни», по данным 2019 г.

Million cities' positioning by the criteria of urban environment quality and income and cost of living ratio, 2019

Представленные ранее данные по качеству городской среды в Перми и Воронежу показали активные изменения (см. табл. 2: 15 и 10 баллов соответственно), что позволило этим городам в 2019 г. иметь балльные оценки, наиболее близкие к средним значениям по двум параметрам позиционирования.

Несбалансированными, по оценкам горожан, являются Новосибирск (ниже среднего оценка по качеству среды) и Ростов-на-Дону, где население не удовлетворено соотношением доходов и стоимости жизни. Изменения, происходившие в этих городах (см. табл. 2 и 3) по соответствующим проблемным показателям, не способствовали улучшению ситуации. При этом очевидно, что преобразование городского пространства должно ориентироваться на повседневные потребности и желания человека [21]. В этой связи остается актуальным лозунг Я. Гейла: «Вернуть город людям», который становится все более востребованным для горожан.

Вместе с тем, улучшая и делая городское пространство более комфортным для

жителей, города способны привлекать молодых, талантливых и образованных людей, способных учиться, обмениваться идеями, совершать открытия, создавать и внедрять инновации. Так, по мнению Э. Глейзера, качественная и разнообразная городская среда – важное условие формирования и накопления человеческого капитала в городе, что в дальнейшем обеспечивает городу экономический успех и процветание [22, С. 984–985].

Города конкурируют за людей, предоставляя им качественную городскую среду и разнообразие товаров и услуг для удовлетворения растущих потребностей. Однако в таком соперничестве между городами всегда будут лидеры и аутсайдеры. У одних мегаполисов есть признаки оттока, у других – притока населения. В результате анализа показателей миграции и естественного движения населения по данным муниципальных образований определены направления изменения численности населения исследуемых городов-миллионников.

Сокращение численности населения города может быть связано с естественными

причинами (неблагоприятным соотношением уровней рождаемости и смертности) и/или перемещением населения на другую территорию. Направление миграции явно показывает предпочтения населения по месту проживания.

Положительная миграция – показатель привлекательности города для населения, которая увеличивает возможности города по использованию человеческого потенциала для его развития. Отрицательная миграция имеет свои особенности: «отток населения из небольших населенных пунктов (городов, сел) отнюдь не всегда связан с их проблемностью (плохим качеством городской среды, в частности), это может быть и следствием поиска больших возможностей для самореализации, интересной и высокооплачиваемой работы, а вот отток из региональных “столиц”, городов-миллионников – это серьезная проблема, реально подрывающая перспективы экономического роста в регионах» [23, С. 114].

Из 13 городов-миллионников выделяются две категории: 1) города, демонстрировавшие рост населения (8 городов), и 2) города, столкнувшиеся со снижением численности населения (5 городов).

При этом внутри групп можно выделить причины изменения численности населения городов (естественное движение населения: соотношение рождаемости и смертности, механическое движение в виде миграционного притока (оттока) населения):

1) рост численности за счет естественного роста населения и за счет миграционного прироста наблюдался в Екатеринбурге, Казани и Уфе;

2) положительная миграция как фактор роста численности населения в 2019 г. наблюдалась в Новосибирске, Ростове-на-Дону, Воронеже, Перми, Самаре;

3) уменьшение численности населения за счет естественной убыли населения и отрицательного сальдо миграции характерно для Челябинска, Омска, Волгограда;

4) отрицательная миграция в 2019 г. наблюдалась в Красноярске, что означало сокращение численности населения;

5) естественная убыль стала причиной снижения численности населения в Нижнем Новгороде.

Сопоставление результатов позиционирования городов и направлений изменения численности населения позволяет утверждать, что города Казань, Екатеринбург и Уфа не только высоко оценены жителями по качеству городской среды и соотношению доходов и стоимости жизни, но и являются привлекательными как место для жизни для приезжающих людей.

Челябинск, Омск и Волгоград столкнулись с проблемой оттока населения, в том числе по причине низкой удовлетворенности горожан как качеством городского пространства, так и соотношением доходов и стоимости жизни.

Очевидно, что не только качество среды влияет на принятие людьми решения уехать из города (в частности, Красноярск и Нижний Новгород, имеющие высокие оценки по анализируемым показателям (см. рисунок), характеризуются снижением численности населения.

Выбирая «место для жизни», человек ориентируется на качество жизни на конкретной территории. Оно определяется различными параметрами: с одной стороны, условиями, в которых живет человек, с другой – индивидуальной иерархией потребностей и системой его ценностей [24].

Итак, проведенный анализ городов как места и условий для жизни человека подтвердил необходимость применения многокритериальных подходов к оценке условий проживания в связи с многообразием запросов граждан: по соотношению доходов и стоимости жизни, а также в сопоставлении с качеством городской среды (позиционирование городов); по состоянию и динамике демографических процессов и др. При этом в дальнейшем авторам представляется целесообразной разработка комплексной интегральной многокритериальной оценки текущего состояния и динамики изменений условий городской жизни для определения конкурентоспособности мегаполисов с позиций притяжения населения.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ

Повышать привлекательность города с позиций как «коллективной оценки», так и субъективной (для отдельного горожанина) помогают грамотно разработанные и реализованные стратегии развития городов.

Результаты исследования Б.С. Жихаревича, Т.К. Прибышина показали, что в стратегиях развития городов часто ведущим словосочетанием является «качество жизни»... Можно отметить рост его популярности, поскольку в целях стратегий предыдущего периода оно наблюдалось в 48 % случаев, в настоящее время – в 69 % [6, с. 199]. Не является ли это «данью моды», формальным включением в текст документа? Соответствуют ли «локализованные в стратегиях проблемы» актуальным, с точки зрения горожан, проблемам? В рамках нашего исследования были проанализированы стратегии развития городов на предмет оценки целенаправленности воздействия на качество городской среды, пространственного развития города, в контексте повышения качества жизни в городе.

Проводя контент-анализ стратегий развития городов, мы исходили из следующих критериев:

- 1) год принятия стратегии;
- 2) период действия стратегии;
- 3) четкость и согласованность определения целей и приоритетов стратегии;
- 4) механизм реализации стратегии посредством муниципальных программ;
- 5) согласованность запросов населения (результатов оценки параметров городской среды горожанами, представленными в табл. 1) и направлений развития городских пространств, определенных в стратегии.

Далее представим результаты контент-анализа по данным критериям.

Новосибирск

Стратегия социально-экономического развития города Новосибирска на период

до 2030 г. принята в 2018 г.¹ Формирование современной и безопасной городской среды является одним из приоритетов социально-экономической политики города Новосибирска (пункт 3.3 Стратегии). В рамках подцели «Улучшение качества городской среды» определены задачи: пространственное развитие города; улучшение архитектурного облика города; ликвидация ветхого, аварийного жилья, решение проблемы долгостроев; создание условий для развития дорожной сети города Новосибирска; развитие городского и пригородного транспорта. При этом показатели, определенные для осуществления мониторинга реализации стратегии, не дают возможность оценить результаты в соответствии с поставленными задачами. В стратегии определены 10 муниципальных программ, направленных на формирование современной и безопасной городской среды (часть из которых направлены на улучшение ситуации с улично-дорожной сетью, решение проблем с жильем и благоустройством территорий). Не в полной мере нашло отражение направление «социально-досуговая инфраструктура и прилегающее пространство», которое по оценкам горожан, развито недостаточно.

Екатеринбург

Стратегический план развития Екатеринбурга² в редакции 2018 г. является действующим документом. Из 8 стратегических подцелей плана 5 так или иначе связаны с пространственным развитием, качественной городской средой, развитием жилищно-коммунальной инфраструктуры, созданием комфортных условий проживания для населения, устойчивым и сбалансированным развитием городского пространства.

В рамках плана приняты стратегические программы, также применен проект-

¹ Стратегия социально-экономического развития города Новосибирска на период до 2030 г. принята в 2018 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465726935> (дата обращения: 10.04.2021).

² Стратегический план развития Екатеринбурга. URL: <xn--80acgfbssl1azdqr.xn--plai>. Официальный текст. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802003648> (дата обращения: 10.04.2021).

ный подход. Каждый раздел содержит основные результаты реализации стратегии. Анализ документа показывает четкую взаимосвязь с запросами населения. Такие параметры городской среды, как «озеленение пространства», «улично-дорожная сеть» и «общегородское пространство», входят в круг проблем, решение которых определяется в стратегическом документе.

Нижний Новгород

Действующим документом, размещенным на сайте города, является Стратегия социально-экономического развития города Нижнего Новгорода на 2017–2022 гг., утвержденная в 2017 г.¹ Стратегической целью развития города определены высокий уровень благосостояния населения и комфортные условия жизни в Нижнем Новгороде².

Несмотря на то что в стратегии установлены ориентиры для достижения целей, не все параметры «оцифрованы», некоторые носят описательно-желательный характер. В стратегии заявлено, что механизмом ее реализации являются муниципальные программы, которые в ней не обозначены.

Казань

Стратегия социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 г.³, принятая в 2016 г., является действующим документом, но в настоящий момент готовится ее обновление, поскольку многие контрольные показатели уже достигнуты.

Особенностью данного документа является его многоцелевая направленность. Изучая стратегию, сложно выделить, какие именно направления являются приоритетами развития города. Не вполне ясны критерии достижения целей (например, из 18 показа-

телей, характеризующих блок «пространство», лишь 2 связаны с озеленением территории, остальные – с развитием транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктурой, в то время как жители города, оценивая общегородское пространство, отметили ухудшение в общественно-деловой инфраструктуре и прилегающем пространстве.

Челябинск

Единственный город-миллионник, который на данный момент не имеет актуальной стратегии развития города. Действующим документом Челябинска является «Стратегии развития города Челябинска до 2020 года», принятая в 2009 г.⁴

На сайте города содержится информация о том, что разрабатывается «Стратегия 2035»⁵, направленная на повышение инвестиционной привлекательности города для потенциальных бизнес-партнеров, улучшение качества жизни в городе и создание возможностей для самореализации молодежи. Однако документ до сих пор отсутствует⁶. Это происходит в ситуации, когда город, по вышеприведенным оценкам экспертов, находится «в неблагоприятной зоне», требующей активных действий по устранению выявленных проблем.

Омск

Напомним, что, оценивая качество городской среды, жители Омска по 4 параметрам из 6 дали самые низкие оценки среди всех городов-миллионников РФ, при этом все 6 имели оценки ниже среднего по выборке.

«Стратегия социально-экономического развития города Омска до 2030 года»⁷, принятая в 2018 г., определяет приоритетный сценарий развития города: «Город, в котором хочется жить!». Отдельной стратегической целью определено повышение качества городской среды (раздел 3). Точки роста и

¹ Стратегия социально-экономического развития города Нижнего Новгорода на 2017–2022 гг. URL: <https://нижнийновгород.рф/Gorod/Napravleniya-raboty/Programmnnoe-planirovanie> (дата обращения: 10.04.2021).

² Третья подцель: пространственно-средовое развитие и инфраструктура города. См. Стратегия социально-экономического развития города Нижнего Новгорода на 2017–2022 гг. С. 50–56.

³ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446400472> (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ Стратегии развития города Челябинска до 2020 года», принятая в 2009 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432948268> (дата обращения: 10.04.2021).

⁵ Стратегия 2035. URL: <https://cheladmin.ru/ru/content/strategiya-razvitiya-goroda> (дата обращения: 10.04.2021).

⁶ В процессе подготовки статьи к публикации появилась информация о том, что Стратегия принята на заседании Городской думы Челябинска.

⁷ Стратегии социально-экономического развития города Омска до 2030 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550330985> (дата обращения: 10.04.2021).

стратегические задачи, выделенные в стратегии, в целом соответствуют запросам населения. Из 12 муниципальных программ 3 непосредственно направлены на улучшение сложившейся в городе ситуации. Индикаторы достижения цели «Повышение качества городской среды» (20 показателей) в основном направлены на оценку изменений в области улично-дорожной сети. Вместе с тем отметим, что в Стратегии определены целевые индикаторы, оценивающие удовлетворенность населения от планируемых улучшений (например, степень удовлетворенности населения уровнем жилищно-коммунального обслуживания; доля жителей, положительно оценивающих уровень благоустройства среды проживания, доля жителей, удовлетворенных транспортным обслуживанием). Такое стремление выявить и учесть запросы населения является важным для достижения консенсуса власти и населения по вопросам развития мегаполиса.

Самара

Стратегия комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 года¹, принятая в 2013 г., является одним из самых неактуализированных документов. Очевидно, что данные 2010 г., на основе которых принимались решения о развитии города, устарели. Следовательно, стратегия не отвечает не только современным запросам горожан, но и трендам социально-экономического развития в целом. Данные сайта администрации города не содержат информации об ее актуализации в настоящее время.

Уфа

«Стратегия социально-экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года»², принятая в 2018 г., является самым актуальным стратегическим документом из проанализированных стратегий развития

городов-миллионников РФ, так как последние изменения датированы 23 декабря 2020 г.

Стратегической целью развития города Уфы определено повышение качества жизни населения, уровня развития городского хозяйства, инфраструктуры, социально-экономического развития. При этом Республика Башкортостан должна стать высокотехнологичным центром компетенций. В качестве задач стратегического развития города выделены создание комфортной социальной среды для жизни населения и обеспечение сбалансированного пространственного развития.

Структура стратегии выстроена по стратегическим приоритетам (3 из 5 напрямую касаются качества жизни населения: социальный комфорт горожан, гармоничное жизненное пространство, качественная городская среда), в рамках каждого определены проекты для их реализации и целевые индикаторы.

Такой подход позволяет увидеть согласованность принятых решений и запросов горожан.

Ростов-на-Дону

«Стратегия социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2035 года», принятая в 2018 г., ориентирована «на значительное повышение комфортности и качества жизни населения, усиление привлекательности города для жителей других регионов и государств в рамках осуществления “умной миграции” и аккумуляции интеллектуального и творческого потенциала»³. Заявлено, что стратегия учитывает перспективные направления пространственного развития, включая современные мировые тренды в области урбанистики и формирования комфортной городской среды.

Из 22 муниципальных программ, представленных в стратегии, 6 направлены на улучшение городской среды и пространства жизни населения. Наблюдается согласованность запросов населения и принятых программ.

¹ Стратегия комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 года. URL: <https://www.samadm.ru/docs/strategiya-2025/> (дата обращения: 10.04.2021).

² Стратегия социально-экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550342994> (дата обращения: 10.04.2021).

³ Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2035 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550321220> (дата обращения: 10.04.2021).

Красноярск

В городе действует «Стратегия социально-экономического развития города Красноярска до 2030 года», принятая в 2019 г. Данный документ принят недавно, поэтому он учитывает современные тенденции социально-экономического развития и актуальные потребности горожан. «Стратегическое видение будущего города Красноярска опирается на концепцию “умного города”, которая фокусируется на создании благоприятных условий и пространств для жизни и деятельности людей»¹.

Проектный подход, положенный в основу механизма ее реализации, конкретизирован посредством 35 проектов, направленных на достижение заявленных целей.

Воронеж

«Стратегия социально-экономического развития городского округа город Воронеж на период до 2035 года», принятая в 2018 г., в качестве основной цели определяет «достижение высокого уровня и качества жизни населения городского округа город Воронеж»². Повышение качества городской среды обитания заявлено в качестве одной из 9 подцелей Стратегии.

Плановые значения целевых индикаторов стратегического плана определены, но не охватывают в полной мере те сферы, которые видят в качестве требующих улучшения горожане (в частности, «общегородское пространство», «социально-досуговая инфраструктура и прилегающее пространство»). Следует отметить, что проекты, принятые для реализации стратегии и направленные на достижение стратегической цели «эффективное пространственное развитие, формирование эстетически привлекательной, дружелюбной, комфортной городской среды», отвечают современным запросам горожан.

¹ Стратегия социально-экономического развития города Красноярска до 2030 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553385337> (дата обращения: 10.04.2021).

² Стратегия социально-экономического развития городского округа город Воронеж на период до 2035 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550311726> (дата обращения: 10.04.2021).

Пермь

«Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 года», принятая в 2014 г., но обновленная и действующая с изменениями 2020 г., построена на основе ключевого принципа: «устойчивое развитие экономики, направленное на повышение привлекательности проживания и самореализации в городе», а стратегической целью определено повышение качества жизни населения на основе инновационного развития экономики города³.

Цели и задачи социально-экономического развития города сформированы по функционально-целевым направлениям, одним из которых является пространственное развитие. Стратегия не содержит подробной информации о целевых показателях и реализуемых в рамках нее программах. В Перми разработан план мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития города Перми до 2030 года на период 2016–2020 годов (далее – План), утвержденный решением Пермской городской думы от 26.04.2016 № 67. Однако план охватывает период 2016–2020 гг.⁴, что не позволяет в настоящее время оценить соответствие стратегических ориентиров развития города запросам его жителей.

Волгоград

Одной из целей «Стратегии социально-экономического развития Волгограда до 2030 года», принятой в 2017 г., является создание комфортной и благоприятной среды жизнедеятельности для горожан и гостей города⁵. В рамках этой цели определены следующие задачи: благоустройство территории Волгограда и создание современных общественных рекреационных пространств («территория комфорта для жизни, работы и

³ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428689597> (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ Официальный сайт муниципального образования город Пермь. URL: https://www.gorodperm.ru/actions/strategy/conception_development/ (дата обращения: 10.04.2021).

⁵ Стратегия социально-экономического развития Волгограда до 2030 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446507709> (дата обращения: 10.04.2021).

отдыха») территорий, в том числе производственных. Указанные задачи, как показали результаты исследования, по-прежнему соответствуют «требованиям» горожан. Среди целевых индикаторов особенно хотелось отметить «удовлетворенность населения комфортом проживания в Волгограде», что, с нашей точки зрения, является показателем обратной связи от жителей, позволяющей развивать город для человека.

Проведенный контент-анализ стратегических документов мегаполисов позволил познакомиться с различными подходами к разработке стратегий крупнейших российских городов (определение миссии, цели, приоритетов, механизм реализации стратегических планов и др.); провести (по возможности) сравнительный анализ этих стратегий. Однако компаративный анализ был затруднен в связи отсутствием основных, но единых критериев построения таких документов. Представляется, что такие критерии должны быть разработаны экспертным сообществом, поскольку любая территория проживания должна предоставлять населению набор «разнообразностей», отвечающих городскому образу жизни. Авторы в «контурном» порядке обозначили такие критерии, которые могут быть использованы, но требуют дальнейшей конкретизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов, имеющих теоретическую и практическую значимость.

Сформулирован авторский подход к пониманию города как «места для жизни человека» с уточнением его объектной и субъектной составляющих. Показано, что городское пространство является набором возможностей для удовлетворения разнообразных потребностей населения и роста качества их жизни.

Проведено ранжирование городов-миллионников по параметрам качества го-

родской среды, что позволило выявить наиболее острые проблемы городского устройства, требующие управленческих решений в соответствии с запросами населения. Обосновано, что важнейшим фактором, влияющим на способность удовлетворять потребности городского населения, является стоимость жизни.

Предложено позиционирование крупнейших городов РФ по критериям «качество городской среды» – «стоимость жизни населения», которое позволило выявить лидеров и аутсайдеров и сформулировать вывод о том, что условия, характеризующие пространство городов, дифференцированы. Группировка городов в рамках предложенного позиционирования продемонстрировала признаки их сходства и различий. Однако, несмотря на похожесть городов, отнесенных к определенной группе, отмечена их индивидуальность, предопределяемая географическим «местом» и «качеством населения». Горожане определяют успех города, поэтому «человек», его благополучие и качество жизни должны быть центральной целью развития. «Важной задачей развития городской среды является учет реальных потребностей человека. Речь идет о новом этапе развития городской среды, при котором делаются уже более сознательные попытки управления» [25, с. 1333–1334]. Очевидно, что повышение качества управленческих решений положительно влияет на качество жизни и благополучие людей.

В итоге авторами сформулирована необходимость переосмысления представлений о городском пространстве как о «месте жизни» и о роли «человека» в его развитии. В связи с этим предложено анализировать и актуализировать стратегические документы городов-миллионников, повышать их привлекательность с учетом как «коллективной оценки», так и отдельного горожанина.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Игнатьев Ю.В., Костин А.М., Белов С.А.* Территориальные ресурсы города: градостроительство и управление городскими территориями: монография. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. 146 с.
2. *Пацюрковский В.В.* Социология расселения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 2012. № 4 (336). С. 25–34.
3. *Делитц Х.* Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113–121.
4. *Маергойз И.М.* Географическое учение о городах. М.: Наука, 1987. 120 с.
5. *Анимца Е.Г., Власова Н.Ю.* Проблемы и перспективы развития городских агломераций // Регионалистика. 2020. Т. 7, № 3. С. 60–66. doi: 10.14530/reg.2020.3.60.
6. *Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К.* Стратегия развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 184–204. doi: 10.14530/se.2019.4.184-204.
7. *Sapena M., Wurm M., Taubenbock H., Tuia D., Ruiz LA.* Estimating quality of life dimensions from urban spatial pattern metrics // Computers environment and urban systems. 2021. Vol. 85, № 101549. doi: 10.1016/j.compenvurbsys.2020.101549.
8. *Wirth L.* Urbanism as way of life // The American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44, № 1. P. 1–24. doi: 10.1086/217913.
9. *Алексеевский М.Д.* Городская антропология. От локальных «племен» до глобальных «потоков» // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. 216 с.
10. *Болдуин Р.* Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация. М.: Дело, 2018. 416 с.
11. *Бабаева А.В., Крашенинников А.А.* Антропологическое измерение пространства современного города // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, № 2. С. 14. doi: 10.26795/2307-1281-2019-7-2-14.
12. *Наумов С.В., Ермоленко А.А.* Категория места в современной теории экономического пространства // Пространственная экономика. 2020. Т. 16., № 2. С. 101–123. doi: 10.14530/se.2020.2.101-123.
13. *Чичканов В.П., Куклин А.А., Охотников С.А., Коробков И.В.* Благополучие личности в условиях кризиса социально-экономической системы региона // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 3. С. 49–58. doi: 10.19181/lsprr.2020.16.3.4.
14. *Антонюк В.С., Кремер Д.В.* Экономический потенциал крупных муниципальных образований: теоретические и методологические подходы к анализу // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 40–55. doi: 10.22394/1996-0522-2020-3-40-55.
15. *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов: пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
16. *Xing C.B., Zhang J.F.* The preference for larger cities in China: Evidence from rural-urban migrants // China Economic Review. 2017. Vol. 43. P. 72–90. doi: 10.1016/j.chieco.2017.01.005.
17. *Chiesura A.* The role of urban parks for the sustainable city // Landscape and Urban Planning. 2004. Vol. 68, Iss. 1. P. 129–138. doi: 10.1016/j.landurbplan.2003.08.003.
18. *Kaklauskas A., Zavadskas E.K., Radzeviciene A., Ubarte I., Podvezko A., Podvezko V., Kuzminske A., Banaitis A., Binkyte A., Bucinskas V.* Quality of city life multiple criteria analysis // Cities. 2018. Vol. 72. P. 82–93. doi: 10.1016/j.cities.2017.08.002.
19. *Волкова Е.М.* Развитие транспортной системы мегаполиса на базе высокопроизводительных видов транспорта. СПб.: Изд-во ООО «Институт независимых социально-экономических исследований – оценка», 2019. 148 с.
20. *Шаров М.И., Михайлов А.Ю.* Оценка надежности функционирования городского общественного транспорта в городах Российской Федерации // Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. 2019. Т. 16, № 3 (67). С. 302–311. doi: 10.26518/2071-7296-2019-3-302-311.
21. *Гейл Я.* Города для людей. М.: Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
22. *Glaeser E.L., Gottlieb J.D.* The wealth of cities: agglomeration economies and spatial equilibrium in the United States // Journal of Economic Literature. 2009. № 47 (4). P. 983–1028. doi: 10.1257/jel.47.4.983.
23. *Кузнецова О.В.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 107–125. doi: 10.14530/se.2019.4.107-125.
24. *Nowak P.* Regional variety in quality of life in Poland // Oeconomia copernicana. 2018. Vol. 9, Iss. 3. P. 381–401. doi: 10.24136/oc.2018.019.

25. Helliwell J.F., Huang H.F., Grover S., Wang S. Empirical linkages between good governance and national well-being // Journal of comparative economics. 2018. Vol. 46, Iss. 4. P. 1332–1346. doi: 10.1016/j.jce.2018.01.004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Васильевна Артемова – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 68; e-mail: artemova.ov@uiec.ru).

Наталья Модестовна Логачева – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 68; e-mail: logacheva.nm@uiec.ru).

Acknowledgements

The article was prepared under the 2021 Research Schedule of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

REFERENCES

1. Ignat'ev Yu.V., Kostin A.M., Belov S.A. *Territorial'nye resursy goroda: gradostroitel'stvo i upravlenie gorodskimi territoriyami: monografiya* [Territorial city's resources: Urban planning and management of city territories: Monograph]. Chelyabinsk, YuUrGU Publ., 2013. 146 p. (In Russian).
2. Patsiorkovskii V.V. Sotsiologiya rasseleniya kak spetsial'naya sotsiologicheskaya teoriya [Resettlement sociology as a special sociological science]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social Studies], 2012, no.4 (336), pp. 25–34. (In Russian).
3. Delitts Kh. Arkhitektura v sotsial'nom izmerenii [Architecture in social dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social Studies], 2008, no. 10, pp. 113–121. (In Russian).
4. Maergoiz I.M. *Geograficheskoe uchenie o gorodakh* [Geographic theory about cities]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 120 p. (In Russian).
5. Animitsa E.G., Vlasova N.Yu. Problemy i perspektivy razvitiya gorodskikh aglomeratsii [Problems and prospects of urban agglomerations development]. *Regionalistika* [Regionalistics], 2020, vol. 7, no. 3, pp. 60–66. (In Russian). doi: 10.14530/reg.2020.3.60.
6. Zhikharevich B.S., Pribyshin T.K. Strategiya razvitiya gorodov: rossiiskaya praktika 2014–2019 gg. [Urban development strategies: Russian practice 2014–2019]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, vol. 15, no. 4, pp. 184–204. (In Russian). doi: 10.14530/se.2019.4.184-204.
7. Sapena M., Wurm M., Taubenbock H., Tuia D., Ruiz LA. Estimating quality of life dimensions from urban spatial pattern metrics. *Computers, Environment and Urban Systems*, 2021, vol. 85, no. 101549. doi: 10.1016/j.compenvurbsys.2020.101549.
8. Wirth L. Urbanism as way of life. *The American Journal of Sociology*, 1938, vol. 44, no. 1, pp. 1–24. doi: 10.1086/217913.
9. Alekseevskii M.D. Gorodskaya antropologiya. Ot lokal'nykh «plemen» do global'nykh «potokov» [Urban anthropology. From local tribes to global flows]. *Gorozhanin. Chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda?* [Urban Dweller. What do we know about an inhabitant of a big city?]. Moscow, Strelka Press Publ., 2017. 216 p. (In Russian).
10. Baldwin R. *Velikaya konvergentsiya. Informatsionnye tekhnologii i novaya globalizatsiya* [The great convergence. Information technology and the new globalization]. Moscow, Delo Publ., 2018. 416 p. (In Russian).
11. Babaeva A.V., Krasheninnikov A.A. Antropologicheskoe izmerenie prostranstva sovremennogo goroda [Anthropological measurement of modern city space]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University], 2019, vol. 7, no. 2, pp. 14. (In Russian). doi: 10.26795/2307-1281-2019-7-2-14.
12. Naumov S.V., Ermolenko A.A. Kategoriya mesta v sovremennoi teorii ekonomicheskogo prostranstva [Category of place in modern theory of economic space]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2020, issue 16, no. 2, pp. 101–123. (In Russian). doi: 10.14530/se.2020.2.101-123.

13. Chichkanov V.P., Kuklin A.A., Okhotnikov S.A., Korobkov I.V. Blagosostoyanie lichnosti v usloviyakh krizisa sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy regiona [Welfare of the individual in the crisis of the regional socioeconomic system]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2020, vol. 16, no. 3, pp. 49–58. (In Russian). doi: [10.19181/lsprr.2020.16.3.4](https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.4).
14. Antonyuk V.S., Kremer D.V. Ekonomicheskii potentsial krupnykh munitsipal'nykh obrazovaniy: teoreticheskie i metodologicheskie podkhody k analizu [The economic potential of large municipal entities: theoretical and methodological approaches to analysis]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 2020, no. 3 (83), pp. 40–55. (In Russian). doi: [10.22394/1996-0522-2020-3-40-55](https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-3-40-55).
15. Jacobs J. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov: perevod s angl.* [The death and life of great American cities. Translated from English]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 460 p. (In Russian).
16. Xing C.B., Zhang J.F. The preference for larger cities in China: Evidence from rural-urban migrants. *China Economic Review*, 2017, vol. 43, pp. 72–90. doi: [10.1016/j.chieco.2017.01.005](https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.01.005).
17. Chiesura A. The role of urban parks for the sustainable city. *Landscape and Urban Planning*, 2004, vol. 68, iss. 1, pp. 129–138. doi: [10.1016/j.landurbplan.2003.08.003](https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2003.08.003).
18. Kaklauskas A., Zavadskas E.K., Radzeviciene A., Ubarte I., Podvezko A., Podvezko V., Kuzminske A., Banaitis A., Binkyte A., Bucinskas V. Quality of city life multiple criteria analysis. *Cities*, 2018, vol. 72, pp. 82–93. doi: [10.1016/j.cities.2017.08.002](https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.08.002).
19. Volkova E.M. *Razvitie transportnoi sistemy megapolisa na baze vysokoproizvoditel'nykh vidov transporta* [The development of megalopolis transport system based on high-performance modes of transport]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo OOO "Institut nezavisimyykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy – otsenka" Publ., 2019. 148 p. (In Russian).
20. Sharov M.I., Mikhailov A.Yu. Otsenka nadezhnosti funktsionirovaniya gorodskogo obshchestvennogo transporta v gorodakh Rossiiskoi Federatsii [Assessment of reliability of the city public transport functioning in the Russian Federation cities]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo avtomobil'no-dorozhnogo universiteta* [The Russian Automobile and Highway Industry Journal], 2019, vol. 16, no. 3 (67), pp. 302–311. (In Russian). doi: [10.26518/2071-7296-2019-3-302-311](https://doi.org/10.26518/2071-7296-2019-3-302-311).
21. Gehl J. *Goroda dlya lyudei* [Cities for People]. Moscow. Al'pina Publisher Publ., 2012. 276 p. (In Russian).
22. Glaeser E.L., Gottlieb J.D. The wealth of cities: Agglomeration economies and spatial equilibrium in the United States. *Journal of Economic Literature*, 2009, no. 47 (4), pp. 983–1028. doi: [10.1257/jel.47.4.983](https://doi.org/10.1257/jel.47.4.983).
23. Kuznetsova O.V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: illyuziya reshenii i real'nost' problem [Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, vol. 15, no. 4, pp. 107–125. (In Russian). doi: [10.14530/se.2019.4.107-125](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125).
24. Nowak P. Regional variety in quality of life in Poland. *Oeconomia Copernicana*, 2018, vol. 9, iss. 3, pp. 381–401. doi: [10.24136/oc.2018.019](https://doi.org/10.24136/oc.2018.019).
25. Helliwell J.F., Huang H.F., Grover S., Wang S. Empirical linkages between good governance and national well-being. *Journal of Comparative Economics*, 2018, vol. 46, iss. 4, pp. 1332–1346. doi: [10.1016/j.jce.2018.01.004](https://doi.org/10.1016/j.jce.2018.01.004).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Vasil'evna Artemova – Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (68, Community st., Chelyabinsk, 454091, Russia; e-mail: artemova.ov@uiec.ru).

Natalia Modestovna Logacheva – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (68, Community st., Chelyabinsk, 454091, Russia; e-mail: logacheva.nm@uiec.ru).

Статья поступила в редакцию 14.05.2021, принята к печати 23.06.2021

Received May 14, 2021; accepted June 23, 2021

РАЗДЕЛ III. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ,
ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ

doi 10.17072/1994-9960-2021-2-202-217

JEL Code F6

УДК 331:004, ББК 65.24+32.973

© Васин С.М., Прохорова Ю.Е., 2021

**ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ
С МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫМ ПЕРСОНАЛОМ****Сергей Михайлович Васин**ORCID ID: [0000-0002-0371-5517](https://orcid.org/0000-0002-0371-5517), Researcher ID: [R-8766-2016](https://orcid.org/R-8766-2016), e-mail: pspu-met@mail.ru**Юлия Евгеньевна Прохорова**ORCID ID: [0000-0003-4816-797X](https://orcid.org/0000-0003-4816-797X), Researcher ID: [AAT-3924-2021](https://orcid.org/AAT-3924-2021), e-mail: Yliana105@gmail.com

Пензенский государственный университет (Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Нарастающие тенденции глобализации экономических условий хозяйствования усиливают масштабы интеграции и кооперации на зарубежных рынках и способствуют интенсификации процессов международной миграции рабочей силы. Это приводит к росту числа организаций с многонациональным персоналом, что обуславливает необходимость разработки методов, механизмов и моделей управления интернациональными коллективами. Целью статьи является разработка методики оценки факторов результативности управления человеческими ресурсами организаций с многонациональным персоналом и алгоритма ее практической реализации. Апробация авторской методики и алгоритма осуществлена на базе экспертного опроса и анкетирования руководителей и сотрудников десяти предприятий Пензенской области. Научная новизна исследования заключается в разработке и научном обосновании теоретико-методических положений и рекомендаций, направленных на повышение результативности деятельности организаций с многонациональным персоналом на основе результатов корреляционно-регрессионного моделирования. Сформирована система факторов результативности управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом, акцентирующая внимание на значимости механизмов поиска, отбора, адаптации, профессионального обучения и мотивации иностранных работников. В ходе эмпирического исследования проанализировано фактическое состояние системы управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом Пензенской области, определены рекомендуемые уровни количественных значений факторов управленческого воздействия, оказывающие наиболее сильное влияние на деятельность предприятий. Обосновано, что достижение организациями с многонациональным персоналом максимально возможной результативности использования анализируемых факторов будет оказывать положительное влияние на следующие финансово-экономические показатели деятельности предприятий: рентабельность собственного капитала, выработка на одного работника, величина прибыли до уплаты налогов на одного работника, коэффициент оборачиваемости оборотных средств. Применение авторской методики и алгоритма в практике деятельности организаций с многонациональным персоналом позволяет оценить уровень фактического использования факторов управления человеческими ресурсами и их значимость, а также разработать комплекс мероприятий, направленных на повышение результативности управленческого воздействия на них. Перспективы научных изысканий авторов заключаются в формировании целостного теоретико-методологического подхода к исследованию системы управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом.

Ключевые слова: глобализация, международная миграция, иностранные работники, организация с многонациональным персоналом, человеческие ресурсы, управление персоналом, факторы результативности, управленческие воздействия, результативность деятельности организации.

Для цитирования:

Васин С.М., Прохорова Ю.Е. Эмпирическое исследование факторов результативности управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Том 16. № 2. С. 202–217. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-202-217

**EMPIRICAL STUDIES ON EFFICIENT HUMAN RESOURCE
MANAGEMENT FACTORS IN ENTERPRISES
WITH MULTINATIONAL PERSONNEL**

Sergey M. Vasin

ORCID ID: [0000-0002-0371-5517](https://orcid.org/0000-0002-0371-5517), Researcher ID: [R-8766-2016](https://orcid.org/R-8766-2016), e-mail: pspu-met@mail.ru

Yulia E. Prokhorova

ORCID ID: [0000-0003-4816-797X](https://orcid.org/0000-0003-4816-797X), Researcher ID: [AAT-3924-2021](https://orcid.org/AAT-3924-2021), e-mail: Yliana105@gmail.com

Penza State University (40, Krasnaya st., Penza, 440026, Russia)

Expanding trends of globalization in economic factors of management enhance the scales of integration and cooperation at the international markets and contribute into a more extensive international migration of labour force. This gives rise to more enterprises with multinational personnel, which determines the need to develop methods, mechanisms, and management models for multinational staff. The purpose of the article is to develop the evaluative methodology for efficient human resource management factors in an enterprise with multinational personnel and a procedure to implement this methodology. The authentic methodology and procedure are tested with an expert survey and questionnaire among the top managers and employees of dozens of companies in Penza Region. The scientific novelty of the study focuses on the development and scientific justification of theoretical and methodological provisions and recommendations aimed at better performance of enterprises with multinational personnel with due regard to correlation regressive stimulation. The article describes the system of efficient human resource management factors in the enterprises with international personnel with the focus on the mechanisms of search, selection, adaptation, professional training, and motivation of foreign employees. The empirical study analyzes the actual performance of human resource management system in the companies with multinational personnel in Penza Region; the study also recommends the quantitative values of management impact factors with the strong effect on company's performance. The paper proves that the analyzed factors at their highest capacity in the enterprises with multinational personnel have a positive impact on the financial and economic figures of the companies: return on capital, output per an employee, before-tax profit per an employee, a working capital turnover. This authentic methodology and procedure applied to the companies with multinational personnel identify the actual exploitation of human resource management factors and their value, as well as develop a set of measures aimed at higher efficiency of managerial impact on them. Further research is seen to be connected with developing a comprehensive theoretical methodological approach to a human resource management system in enterprises with multinational personnel.

Keywords: globalization, international migration, foreign employees, enterprise with multinational personnel, human resources, human resource management, efficiency factors, managerial impacts, efficient performance of a company.

For citation:

Vasin S.M., Prokhorova Y.E. Empirical studies on efficient human resource management factors in enterprises with multinational personnel. *Perm University Herald. Economy*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 202–217. doi: 10.17072/1994-9960-2021-2-202-217

ВВЕДЕНИЕ

Интернационализация управления кадрами является логическим и фактическим следствием расширения границ предпринимательской деятельности при выходе компании на мировой рынок. Граждане иностранных государств, осуществляющие трудовую деятельность за рубежом, становятся частью интернациональных коллективов, являющихся сложной

системой, которая состоит из множества взаимосвязанных элементов. При взаимодействии сотрудников различных стран и национальностей в пределах одной организации возможно возникновение конфликтов и разногласий, вызванных национальным менталитетом, формирующим различия в культурных установках и ценностях. Наличие сложных иерархий и статусных разгра-

ничений внутри национальных групп еще более усугубляет положение руководителя, который, обладая знанием о ситуации, должен определить наиболее конструктивный способ нивелирования формирующихся в хозяйственной деятельности организации диспропорций. Следовательно, управление многонациональным коллективом организации должно учитывать его специфику, динамические аспекты системы управления кадрами, этнические особенности персонала и основываться на формировании эффективного инструментария управленческого воздействия, применение которого позволит повысить результативность деятельности организации.

С учетом сказанного целью статьи является разработка методики оценки факторов результативности управления человеческими ресурсами организаций с многонациональным персоналом и алгоритма ее практической реализации.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ С МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫМ ПЕРСОНАЛОМ

В специальной литературе представлены различные точки зрения зарубежных и российских ученых [1–6] на сущность, специфику и проблемы управления человеческими ресурсами в многонациональных компаниях.

Особенностями управления человеческими ресурсами на международном уровне являются увеличение количества функций работников, ответственных за работу с персоналом; усложнение задач по работе с персоналом; необходимость решения бытовых и социальных вопросов сотрудников и членов их семей; изменчивость и неопределенность внешних факторов [7]. Однако, несмотря на определенные сложности, присутствие в организации представителей различных национальностей оказывает положительное воздействие на ее функционирование за счет привнесения нового опыта и знаний носителей другой культуры, а также расширения профессиональных возможностей [8].

В исследованиях *R. Schuler et al* [9] и *M. Harvey et al.* [10] выделены следующие отличительные черты управления человеческими ресурсами многонациональной компании: а) усложнение существующих функций в сфере управления человеческими ресурсами; б) потребность в более тесном сотрудничестве в зарубежной компании; в) повышенная вероятность возникновения проблем и обязательств; г) высокая зависимость от внешних факторов.

Несмотря на значительное количество работ в области трактования сущности и особенностей управления человеческими ресурсами в международных (многонациональных) организациях, понятие «организация с многонациональным персоналом» до сих пор не имеет четкого определения.

Под организацией с многонациональным персоналом мы предлагаем понимать организацию, созданную в результате глобализации экономических процессов, функционирующую на территории Российской Федерации, объединяющую сотрудников различных национальностей (представителей стран ближнего и дальнего зарубежья) для достижения стратегических целей ее развития.

Специфика организации с многонациональным персоналом заключается в наличии персонала с отличительными характеристиками, сформированными на основе различий, возникающих в процессе интернационализации (культурных, языковых, правовых, экономических и т. п.), проявляющихся во всех аспектах управления человеческими ресурсами.

По нашему мнению, отличительные особенности управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом выражаются непосредственно в таких процессах управления, как: 1) найм с соблюдением законодательства, регулирующего миграционные вопросы; 2) адаптация (приспособление к новой социокультурной среде); 3) развитие, включающее различные виды обучения и тренингов; 4) мотивация (вознаграждение).

Для руководства организации с многонациональным персоналом эффективный отбор сотрудников – жизненно важный во-

прос успешного функционирования. Отбор персонала в многонациональную компанию имеет свою специфику, сочетающую в себе как традиционные (анализ резюме и результатов предварительного собеседования с кандидатом [11], получение сведений о кандидате от других людей), так и нетрадиционные способы отбора персонала (стресс-интервью, тестирование на знание языка страны пребывания, графологическая экспертиза текста и т.д.) [12].

В связи с этим целесообразно акцентировать внимание на работе *S. Ronen*, в которой выделены пять основных факторов отбора иностранных сотрудников (экспатов): 1) техническая компетенция, 2) поведенческие характеристики, 3) внутренняя мотивированность, 4) семейное положение, 5) знание языка. Эмпирическое исследование данных факторов подтвердило их значимость при принятии решения о возможности трудоустройства кандидата на работу в зарубежных дочерних организациях [13].

В подтверждение данного тезиса отметим, что в практике деятельности организаций с многонациональным персоналом возможно возникновение различных рисков ситуаций, связанных, например, с незнанием иностранными сотрудниками языка, недостаточным уровнем профессиональных компетенций и искажением поступающей информации, неразвитостью коммуникационных умений, направленных на обмен информацией в процессе трудовой деятельности. Это может привести к существенным дополнительным затратам на адаптацию и специальную переподготовку таких сотрудников.

Таким образом, при найме на работу иностранных сотрудников компании могут столкнуться с большим количеством проблем. С одной стороны – это целесообразность учета дополнительных критериев, так или иначе характеризующих потенциально кандидата. С другой – необходимость учета миграционного законодательства, предъявляющего особые требования к трудоустройству иностранных граждан [14]. Становится очевидным, что сделать работу многонационального коллектива результативной намного сложнее, чем просто внедрить некую стандартную систему корпора-

тивных отношений. Однако нужно помнить, что в ряде случаев привлечение иностранных сотрудников не только целесообразно, но и необходимо для достижения стратегических целей развития организации.

Один из процессов, требующих особого внимания со стороны руководства организации с многонациональным персоналом, – это адаптация сотрудников. Успешное проведение процедуры адаптации, наличие программы адаптации в компании в целом оказывается более экономичным и эффективным средством в сравнении с ситуацией неудачного завершения испытательного срока и необходимостью поиска новых кандидатов на вакансию [15].

В настоящее время можно говорить об отсутствии единых и универсальных методов адаптации персонала в связи с различными подходами к группировке видов адаптации персонала: по содержанию (профессиональная, социально-психологическая, психофизиологическая, организационная) [16; 17]; по категориям или группам персонала (административный персонал, рабочие); по расчету экономического эффекта процесса адаптации и др.

Как правильно указывает Ш.З. Мехдиев, процесс адаптации для местного работника не вызывает особых затруднений [18]. В то время как анализ различных публикаций, посвященных проблемам адаптации иностранцев [19–22], позволяет сделать однозначный вывод, что наиболее значимыми аспектами этого процесса являются: приспособление к новой социокультурной среде, языку общения, новым климатическим, временным и бытовым условиям.

Для описания психологических последствий переселения человека в другую культуру используется термин «кросс-культурная адаптация» [23]. Процесс адаптации к новой культуре сопровождается состоянием напряженности, ощущением потери и отверженности, тревогой и чувством неполноценности, называемыми «культурным шоком» или «стрессом аккультурации» [24]. По этой причине можно утверждать, что наиболее слабым звеном в системе адаптации иностранного работника является

процесс приспособления к новой социальной, культурной и языковой среде.

Кроме того, из-за неспособности адаптироваться к местным традициям многие эмигранты оказываются в трудном положении. Они долго приспосабливаются к новой культуре, пытаются навязать ценности и культуры своей страны местному населению и т.п. Это зачастую может привести к непониманию и культурному столкновению [25].

Поэтому при разработке системы адаптации иностранных сотрудников необходимо, по-нашему мнению, учитывать следующие критические факторы: преодоление языкового барьера; «акклиматизация» к уровню жизни местного населения, предоставление жилья, подбор образовательных учреждений для несовершеннолетних детей, возможность трудоустройства супруги(а), поиск малозатратных маршрутов передвижения и т. д. Следовательно, важно устанавливать межличностные коммуникации с представителями других национальностей, что будет способствовать их интеграции в новую социокультурную среду [26].

Другой аспект управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом затрагивает проблему мотивации. Поиск эффективных способов мотивации является одним из центральных мест в управлении многонациональным персоналом организации, так как не только способствует формированию положительного климата в коллективе, но и стимулирует профессиональную деятельность каждого сотрудника [27]. Принимая во внимание позицию К.В. Гусева, который считает, что мотивационный потенциал заложен исключительно в самом мигранте, в его личностных характеристиках, которые в том числе включают и финансовое положение, и социальный статус [28], следует отметить то обстоятельство, что представители различных культур и национальностей по-разному оценивают относительную важность своих потребностей. Это необходимо учитывать при обосновании мер управленческого воздействия, касающихся мотивации иностранных сотрудников.

Основная проблема, по нашему мнению, заключается в определении оптимального

баланса материального и нематериального мотивирования многонационального персонала, достижение которого не только способствует сохранению лояльности и обеспечению результативности работы сотрудника, но и позволяет снижать издержки управления персоналом, нивелировать сопротивление инновационному развитию организации, уменьшать показатель текучести кадров. Следует также дополнить, что мотивация многонационального персонала зависит как от профессиональных целей и интересов, так и от условий проживания иностранных работников.

Считаем, что формирование четкой системы мотивации персонала и ее реализация не только объективно необходимы, но и абсолютно реальны для каждой организации, в том числе организации с многонациональным персоналом. Можно констатировать, что хорошие условия труда и компенсационный пакет становятся основными факторами, влияющими на решение работника при выборе организации. Бесспорно, в первую очередь это касается высококвалифицированных и востребованных рынком труда специалистов, однако данная тенденция уже актуальна и для менее опытных (молодых) и квалифицированных работников [29].

С учетом сказанного мы полагаем, что оптимальная структура компенсационного пакета для иностранного сотрудника должна включать:

- базовые компенсации (заработная плата, бонусы, премиальные выплаты);
- компенсации социального характера (например, предоставление жилья или его оплата, оказание финансовой поддержки в период адаптации к новым условиям проживания, помощи в поиске или предоставление мест обучения и работы для членов семьи, оплата проезда на родину в период предоставления отпуска и т. д.) [30].

При формировании эффективной системы управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом важное значение также приобретает нематериальное стимулирование.

Проблемам нематериального стимулирования посвящены труды зарубежных и отечественных специалистов [31; 32]. Ис-

следования особенностей методологии нематериального стимулирования персонала и практических аспектов управления нематериальным стимулированием персонала свидетельствуют о несомненном интересе ученых к данному вопросу [33].

Целью нематериального стимулирования сотрудников различных национальностей является повышение интереса работников к выполнению своих обязанностей в условиях страны пребывания, что непосредственно влияет на увеличение производительности труда и финансовых показателей деятельности организации. Считаем, что нематериальное стимулирование сотрудников организаций с многонациональным персоналом должно способствовать снижению искусственных барьеров между иностранными и местными сотрудниками. Нематериальные стимулы для иностранных сотрудников могут включать профессиональное развитие (например, бесплатные курсы по изучению языка, организация кросс-культурных тренингов), признание заслуг, гибкий график работы, положительный рабочий климат, профориентацию и доступ к льготам наравне с местными сотрудниками.

Таким образом, приходим к выводу, что управление человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом осложнено рядом факторов: поведенческие характеристики в условиях приспособления к новой социальной и культурной среде, внутренняя мотивированность, техническая компетенция, семейное положение, знание языка и т.д. Поэтому формирование знаний о специфике управления персоналом в исследуемых организациях имеет важное значение для достижения целей их результативного функционирования и настоятельно требует проведения эмпирических исследований.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью совершенствования процессов управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом в период с 2018 по 2020 г. было проведено исследование десяти предприятий Пензенской области, направленное на выявление факторов

результативности их деятельности. Информантами выступили руководители высшего и среднего звена, квалифицированные работники с большим стажем работы (70 экспертов), а также рядовые сотрудники исследуемых предприятий (более 600 сотрудников), для опроса которых была разработана собственная анкета. Опрос экспертов позволил установить и проранжировать факторы, имеющие значение в достижении высоких показателей результативности деятельности организаций с многонациональным персоналом. В ходе анкетирования рядовых сотрудников определена частота их фактического использования. Полученные результаты послужили основанием для разработки и последующей апробации алгоритма совершенствования управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом.

На выбор объекта исследования (анализируемые предприятия) повлиял ряд базовых методических требований, главными из которых явились:

а) типичность (наличие персонала различных национальностей из стран ближнего и дальнего зарубежья);

б) принцип единственного различия (сходства);

в) возможность учета результатов деятельности и достоверность исследования.

Авторская методика включала расчет показателя результативности использования каждого фактора, потенциально оказывающего влияние на деятельность организаций с многонациональным персоналом. Особенность методики состоит в том, что благодаря сочетанию методов экспертного опроса и анкетирования были получены количественные оценки показателей, традиционно выраженные качественными характеристиками. Это было достигнуто посредством применения принципов построения шкалы Лайкерта.

Так, результативность использования n -го фактора (R_n) рассчитывалась по формуле

$$R_n = F_n \cdot O_n, \quad (1)$$

где F_n – фактическое использование n -го фактора; O_n – экспертная оценка важности n -го фактора [34].

Значения показателя F_n оценивались респондентами по десятибалльной шкале. Показатель O_n оценивался экспертами в пределах от 0 до 1. В табл. 1 приведены их средние значения по анализируемым фак-

торам управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом и результаты расчета показателя результативности использования факторов.

Таблица 1. Оценка факторов результативности управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом (на примере предприятий Пензенской области, 2018–2020 гг.)

Table 1. Human resources management efficiency factors in the enterprises with multinational personnel (a case of companies in Penza Region, 2018–2020)

Фактор	Средняя оценка показателя O_n	Средняя оценка показателя F_n	Значение результативности, R_n
<i>Методы поиска персонала</i>			
Кадровый резерв (повышение в должности, переобучение, расширение функций, совмещение профессий)	0,83	4,2	3,49
<i>Критерии отбора персонала</i>			
Знание русского языка	0,85	7,1	6,04
Понимание миссии и цели деятельности организации с многонациональным персоналом	0,86	6,0	5,16
<i>Методы отбора персонала</i>			
Предварительное собеседование	0,91	7,2	6,55
Профессиональное тестирование	0,73	3,5	2,56
<i>Схема замещения вакантных должностей специалистов и рабочих</i>			
Замещение работниками с опытом работы, которые привлекаются с использованием внешних ресурсов	0,91	7,2	6,55
<i>Адаптационные мероприятия</i>			
Знакомство с представителями аналогичной национальности, работающими в данной организации	0,75	4,9	3,68
<i>Методы профессионального обучения</i>			
Корпоративное обучение	0,89	4,2	3,74
Кросс-культурный тренинг	0,6	0,7	0,42
<i>Способы мотивации</i>			
Предоставление компенсационного пакета	0,9	5,5	4,95
Реальные возможности образования и личного развития	0,83	4,2	3,32

Далее на основе корреляционно-регрессионного анализа обнаружены связи между факторами результативности управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом и построены двухфакторные математические модели типа $y = a_0 + a_1 \cdot x$.

Проведенный анализ позволил выделить две группы факторов результативности. В первую группу входят факторы, оказывающие влияние на промежуточные результаты деятельности предприятий, во

вторую – те факторы результативности управления человеческими ресурсами, которые по результатам корреляционно-регрессионного анализа влияют на рентабельность собственного капитала, выработку на одного рабочего, объем прибыли до уплаты налогов на одного сотрудника, коэффициент оборачиваемости оборотных средств.

В табл. 2. систематизированы результаты корреляционно-регрессионного анализа первой группы факторов.

Таблица 2. Модели влияния первой группы факторов управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом

Table 2. Impact models for the first group of human resources management factors in the enterprises with multinational personnel

№	Модели влияния факторов	Вид модели, t -критерий, коэффициенты корреляции и детерминации	Объяснение зависимости
1	Модель влияния результативности метода поиска «Кадровый резерв» (X) на результативность способа материальной мотивации «Компенсационный пакет» (Y)	$Y = 2,9363 + 0,6179 \cdot X$ (2) t -критерий – 2,53, К корреляции – 0,67 $R^2 = 0,45$	Продвижение по служебной лестнице, смена сферы деятельности оказывает влияние на саморазвитие сотрудников, результативность их деятельности. Помимо удовлетворения данных мотивов, сотрудник получает и материальное удовлетворение, поскольку предполагается, что повышение в должности связано с повышением заработной платы
2	Модель влияния результативности критерия отбора «Знание русского языка» (X) на способ нематериальной мотивации «Реальные возможности личного развития» (Y)	$Y = -0,2972 + 0,8821 \cdot X$ (3) t -критерий – 2,57, К корреляции – 0,67 $R^2 = 0,45$	Владение русским языком дает значительные преимущества иностранному работнику, что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на результативность его профессиональной деятельности
3	Модель влияния результативности критерия отбора «Понимание миссии и целей деятельности организации с многонациональным персоналом» (X) на результативность адаптационного мероприятия «Знакомство с представителями аналогичной национальности» (Y)	$Y = 2,7787 + 0,8951 \cdot X$ (4) t -критерий – 15,0, К корреляции – 0,99 $R^2 = 0,98$	Миссия любой компании – это ее четкая стратегия поведения, характеризующая в том числе модель поведения между сотрудниками. Возможность знакомства с представителями аналогичной национальности позволит вновь принятому сотруднику быстрее сориентироваться на новом рабочем месте, что способствует снижению затрат на проведение адаптационных мероприятий
4	Модель влияния результативности метода отбора «Профессиональное тестирование» (X) на результативность метода обучения «Корпоративное обучение» (Y)	$Y = 1,4007 + 0,6988 \cdot X$ (5) t -критерий – 3,87, К корреляции – 0,81 $R^2 = 0,66$	Результативность применения метода профессионального тестирования позволяет дать более объективную оценку кандидату на этапе отбора, способствует экономии времени работодателя путем отсева кандидатов не только по квалификационным требованиям к вакантной должности, но и не заинтересованных в дальнейшем обучении и профессиональном росте
5	Модель влияния результативности схемы замещения «Замещение работниками с опытом работы, которые привлекаются с использованием внешних ресурсов» (X) на результативность использования способа материальной мотивации «Компенсационный пакет» (Y)	$Y = -0,7313 + 0,952 \cdot X$ (6) t -критерий – 3,16, К корреляции – 0,75 $R^2 = 0,56$	Условия труда и компенсационный пакет являются важными составляющими при выборе работником организации, поскольку позволяют привлечь значительное количество претендентов с опытом работы на вакантную должность и выбрать наиболее опытного и квалифицированного иностранного специалиста

№	Модели влияния факторов	Вид модели, <i>t</i> -критерий, коэффициенты корреляции и детерминации	Объяснение зависимости
6	Модель влияния результативности адаптационного мероприятия «Знакомство с представителями аналогичной культуры (<i>X</i>) на результативность метода профессионального обучения «Корпоративное обучение» (<i>Y</i>)	$Y = 0,8979 + 1,0132 \cdot X$ (7) <i>t</i> -критерий – 15,02, К корреляции – 0,98 $R^2 = 0,96$	Основной задачей данного адаптационного мероприятия является оказание помощи вновь принятому сотруднику не только в бытовых вопросах, но и в ознакомлении с корпоративными ценностями и нормами поведения. В частности, знакомство с представителями аналогичной культуры позволит снизить затраты на обучение языку страны пребывания и профессиональное обучение, необходимое для осуществления трудовой деятельности
7	Модель влияния результативности способа нематериальной мотивации «Престиж организации» на результативность метода профессионального обучения «Кросс-культурный тренинг» (<i>Y</i>)	$Y = -1,6385 + 1,1856 \cdot X$ (8) <i>t</i> -критерий – 3,19, К корреляции – 0,75 $R^2 = 0,56$	С учетом того обстоятельства, что руководство организации с многонациональным персоналом заинтересовано в росте производительности, быстрой адаптации иностранных работников, обмене знаниями между коллегами, целесообразность метода обучения «кросс-культурный тренинг» становится очевидной

Среди факторов результативности управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом прямое влияние на финансово-экономические показатели деятельности предприятий Пензенской области оказывают: «Понимание миссии и цели деятельности организации с многонациональным персоналом», «Корпоративное обучение», «Кросс-культурный тренинг», «Компенсационный пакет»; «Реальные возможности образования и личного развития».

Так, в ходе исследования были получены следующие двухфакторные зависимости:

– зависимость рентабельности собственного капитала от результативности использования способа материальной мотивации «Компенсационный пакет»:

$$Y = -147,7 + 38,07 \cdot X; \quad (9)$$

– зависимость рентабельности собственного капитала от результативности использования способа нематериальной мотивации «Реальные возможности образования и личного развития»:

$$Y = -105,5 + 39,3 \cdot X; \quad (10)$$

– зависимость выработки на одного работника от результативности использования корпоративного обучения:

$$Y = -10786,4 + 4658,47 \cdot X; \quad (11)$$

– зависимость коэффициента оборачиваемости оборотных средств от результативности использования адаптационного мероприятия «Знакомство с представителями аналогичной культуры»:

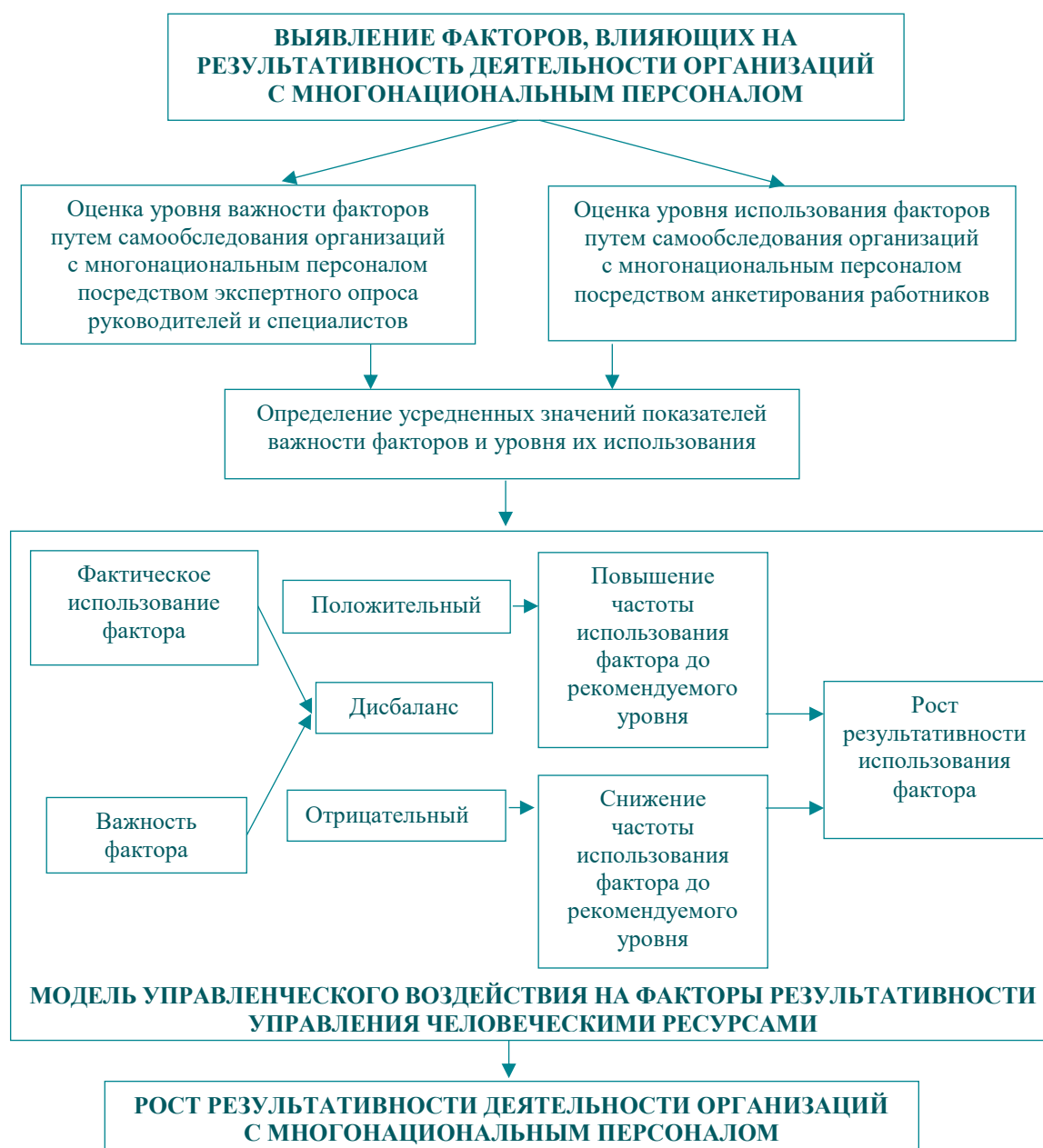
$$Y = -1,5 + 0,9 \cdot X; \quad (12)$$

– зависимость объема прибыли до уплаты налогов на одного сотрудника от результативности использования метода обучения «Кросс-культурный тренинг»:

$$Y = -704,7 + 3209,9 \cdot X. \quad (13)$$

Синтез полученных в ходе исследования результатов позволил разработать алгоритм совершенствования управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом (рисунок).

Применение данного алгоритма позволяет не только проанализировать фактическое состояние системы управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом, но и разработать рекомендации по повышению результативности их деятельности.

Алгоритм совершенствования управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом

Algorithm for better human resource management in enterprises with multinational personnel

Поясним действие данного алгоритма на примере. Так, нами определены рекомендуемые уровни количественных значений управленческих показателей, оказывающих сильное влияние на промежуточные результаты деятельности предприятий (первая группа факторов). В частности, установлено, что для достижения высокого уровня использования материального способа мотивации «Компенсационный пакет», равного 9,0, показатель результативности метода поиска персонала «Кадровый резерв» должен

быть равен 9,8¹. Это означает необходимость увеличения частоты применения данного метода поиска персонала ответственным за данное направление сотрудником.

Аналогичным способом возможно провести расчеты по всем математическим моделям, приведенным в табл. 2.

Что касается второй группы факторов, то построенные математические модели (9)–(13) также позволяют спрогнозировать ве-

¹ Рассчитано по модели (2).

личину основных финансово-экономических показателей деятельности предприятий Пензенской области при оказании управленческих воздействий на факторы результативности управления человеческими ресурсами. Например, прогнозное значение рентабельности собственного капитала, которое следует ожидать по истечении двух лет после достижения предприятиями выборочной совокупности максимально возможной результативности использования способа материальной мотивации «Компенсационный пакет», равной 9,8, составит 225,386 тыс. руб.¹ Отметим, что данное значение превосходит максимальную величину рентабельности собственного капитала среди предприятий выборочной совокупности.

Высокие показатели рентабельности собственного капитала также могут быть получены при достижении организациями с многонациональным персоналом максимально возможной результативности использования способа нематериальной мотивации «Реальные возможности образования и личного развития» (248,2 тыс. руб.).

Максимально возможная результативность использования корпоративного обучения будет способствовать росту выработки на одного рабочего и коэффициента оборачиваемости оборотных средств, которые, по нашим оценкам, могут достигнуть 27 413,047 тыс. руб. и 11,33 тыс. руб. соответственно для исследуемых предприятий. На величину прибыли до уплаты налогов положительное влияние оказывает достижение предприятиями Пензенской области максимальной результативности использования метода корпоративного обучения «Кросс-культурный тренинг», которая может составить 18 875,44 тыс. руб. При достижении максимально возможной результативности использования адаптационного мероприятия «Знакомство с представителями аналогичной культуры» прогнозное значение коэффициента оборачиваемости оборотных средств будет равно 6,13 тыс. руб.

Резюмируя изложенное, отметим, что исследование факторов результативности управления человеческими ресурсами в ор-

ганизациях с многонациональным персоналом позволяет определить направления совершенствования кадровой политики и выявить резервы улучшения финансово-хозяйственной деятельности предприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье раскрыто понятие организации с многонациональным персоналом, которая создается в результате глобализации экономических процессов, функционирует на территории Российской Федерации для осуществления стратегических целей и состоит из персонала различных национальностей (представителей стран ближнего и дальнего зарубежья). Проанализированы отличительные особенности управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом, выявлены факторы, усложняющие управление человеческими ресурсами (приспособление к новой социокультурной среде, знание языка страны пребывания, мотивированность к переезду в другую страну с целью получения работы и т.д.).

Разработана методика оценки факторов результативности управления человеческими ресурсами и анализа их влияния на результаты финансово-хозяйственной деятельности организаций с многонациональным персоналом при помощи корреляционно-регрессионного инструментария, а также алгоритм ее апробации.

На основе авторской методики проведено исследование фактического состояния системы управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом Пензенской области, определены рекомендуемые уровни количественных значений факторов управленческого воздействия, оказывающие наиболее сильное влияние на деятельность предприятий.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о значительном потенциале повышения уровня результативности управления данными факторами, в том числе в аспектах их влияния на такие показатели финансово-хозяйственной деятельности предприятий, как рентабельность собственного капитала, выработка на одного работника, величина прибыли до уплаты налогов на од-

¹ Рассчитано по модели (9).

ного сотрудника, коэффициент оборачиваемости оборотных средств.

Таким образом, применение авторской методики и алгоритма позволяет руководству организации с многонациональным персоналом оценить уровень фактического использования факторов результативности управления человеческими ресурсами и их значимость, а также разработать комплекс

конкретных мер, направленных на повышение результативности управленческого воздействия на них. Перспективы научных изысканий авторов заключаются в формировании целостного теоретико-методологического подхода к исследованию системы управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sundaram A.K., Black J.S.* The environment and internal organization of multinational enterprises // *Academy of Management Review*. 1992. № 17. P. 729–757. doi: 10.5465/amr.1992.4279065.
2. *Kamoche K.* The integration-differentiation puzzle: A resource-capability perspective in international human resource management // *The International Journal of Human Resource Management*. 1996. Vol. 7, Iss. 1. P. 230–244. doi: 10.1080/09585199600000126.
3. *Tarique I., Schuler R., Gong, Y.* A Model of multinational enterprise subsidiary staffing composition // *The International Journal of Human Resource Management*. 2006. Vol. 17, Iss. 2. P. 207–224. doi: 10.1080/09585190500404424.
4. *Щелокова С.В.* Особенности реализации стратегического управления персоналом в международных компаниях // *Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством»*. 2015. № 2 (24). С. 132–137.
5. *Бурчакова М.А.* Особенности международного управления человеческими ресурсами в Китае // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Экономика»*. 2005. № 1. С. 82–93.
6. *Дуракова И.Б.* Управление персоналом в глобальном мире: монография. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 134 с.
7. *Стадник А.М., Смирнов С.Н.* Совершенствование стратегии управления персоналом международной компании // *Современная мировая экономика: вызовы и реальность: материалы I Респ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Я.В. Хоменко; Донецк, 21 ноября 2018 г. Донецк: Изд-во Донец. Нац. техн. ун-та, 2018. С. 94–99.*
8. *Токарева Н.А., Огородникова Ю.Г.* Особенности управления в организациях с многонациональным коллективом // *Общество, государство, личность: Модернизация системы взаимоотношений в современных условиях: XVI Межвуз. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей (с международным участием); Казань, 22 апреля 2016 г. Казань: Ун-т управления «ТИСБИ», 2016. С. 364–367.*
9. *Schuler R., Budhwar P.S., Florkowski G.W.* International human resource management // *International Journal of Management Reviews*. 2002. Vol. 4, № 1. P. 41–70.
10. *Harvey M., Novicevic M.M.* Selecting expatriates for increasingly complex global assignments // *Career Development International*. 2001. Vol. 6, Iss. 2. P. 69–87. doi: 10.1108/13620430110383357.
11. *Бойко Е.А., Мартаков Д.А., Кобозева Е.М.* Мотивационные аспекты управления персонала // *Новая наука: Теоретический и практический взгляд*. 2016. № 2-1 (63). С. 95–98.
12. *Мануйлова Ю., Коломыц О.Н.* Корпоративная культура как стимулирующий стратегический инструмент для эффективного функционирования организации // *Новая наука: От идеи к результату*. 2016. № 3-1 (72). С. 143–146.
13. *Ronen S.* Training the international assignee. *Training and Career Development* (1st ed.). San Francisco: Goldstein, 1989. 257 p.
14. *Васин С.М., Прохорова Ю.Е.* Найм персонала как основа эффективности деятельности многонациональной организации // *Экономика и предпринимательство*. 2017. № 8-1 (85). С. 196–199.
15. *Ярмухамед З.А., Косицына Т.В.* Разработка программы адаптации персонала в современной международной компании // *Междисциплинарная интеграция как двигатель научного прогресса*. 2020. С. 261–268.
16. *Смирнов В.В.* Особенности совершенствования системы адаптации персонала на промышленном предприятии // *Аудит и финансовый анализ*. 2009. № 1. С. 309–320.

17. Кучковская Н.В. Адаптация персонала как процесс взаимодействия // Форум. Серия «Гуманитарные экономические науки». 2015. № 1 (4). С. 216–218.
18. Мехдиев Ш.З., Чистяков М.С. Кросс-культурность управления многонациональным персоналом в международной корпорации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 9-1. С. 88–99. doi: 10.17513/vaael.1307.
19. Корабельникова Л.Ч., Савчик М.К. Проблема влияния социокультурной адаптации иностранцев на эффективность процесса обучения // Язык. Общество. Медицина. 2020. С. 265–267.
20. Амосова О.К. Социокультурная адаптация иностранца как форма взаимодействия с новой реальностью // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.; Москва, 07–09 ноября 2019 г. М.: Рос. Гос. ун-т имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2019. С. 56–57.
21. Бессонова М.А. Особенности адаптации многонационального персонала в компании // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 11 (62). С. 73–76.
22. Ушкин С.Г. Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации // Управленческое консультирование. 2019. № 12 (132). С. 191–201. doi: 10.22394/1726-1139-2019-12-191-201.
23. Kim Y.Y. Long-term cross-cultural adaptation. In: Handbook of Intercultural Training. Ed. by Landis B., etc. Thousand Oaks, USA: Sage, 2004. P. 337–362.
24. Berry J.W., Annis R.C. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. Vol. 5, № 4. P. 382–406. doi: 10.1177/002202217400500402.
25. Moutita N., Zaman L. An analysis of global training and experience sharing in multinational companies // American Journal of Business and Management. 2013. Vol. 2, № 1. P. 75–83. doi: 10.11634/216796061706274.
26. Васин С.М., Прохорова Ю.Е. Особенности адаптации персонала многонациональной организации // Креативная экономика. 2017. Т. 11, № 8. С. 847–854. doi: 10.18334/ce.11.8.38223.
27. Мелихова И.А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в управлении персоналом // Экономика России в XXI веке: сб. науч. тр. XI Междунар. науч.-практ. конф. «Экономические науки и прикладные исследования: фундаментальные проблемы модернизации экономики России», посвящ. 110-летию экономического образования в Томском политехническом университете: в 2 т.; г. Томск, 18–22 ноября 2014 г. Томск: Изд-во ТПУ, 2014. Т. 2. С. 234–238.
28. Гусев К.В. Анализ рынка труда мегаполиса // Аллея науки. 2018. Т. 1, № 5 (21). С. 902–904.
29. Бабынина Л.С., Талышева Ю.Н. Компенсационный пакет: структура и мотивация в кризисных условиях // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2009. № 1. С. 53–57.
30. Прохорова Ю.Е. Особенности мотивации и стимулирования персонала многонационального предприятия // Современная научная мысль. 2016. № 6. С. 222–229.
31. Rahim I.F.A., Wahab R.A., Munir Z.A. Reward and recognition with employee Motivation: A study on a Malaysian private sector // Advanced Science Letters. 2017. № 23 (8). С. 7338–7341.
32. Мирхайдаров М.А. Нематериальная мотивация – эффективный способ мотивации персонала // Академическая публицистика. 2017. № 10. С. 99–107.
33. Fehrler S.; Kosfeld M. Pro-social missions and worker motivation: An experimental study // Journal of Economic Behavior and Organization. 2014. Т. 100. С. 99–110.
34. Васин С.М., Прохорова Ю.Е. Методика оценки процессов управления персоналом многонациональной организации // ЦИТИСЭ. 2018. № 1 (14). С. 2–11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Михайлович Васин – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе и инновационной деятельности, Пензенский государственный университет (Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: psru-met@mail.ru).

Прохорова Юлия Евгеньевна – аспирант, Пензенский государственный университет (Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: Yliana105@gmail.com).

REFERENCES

1. Sundaram A.K., Black J.S. The environment and internal organization of multinational enterprises. *Academy of Management Review*, 1992, no. 17, pp. 729–757. doi: 10.5465/amr.1992.4279065.
2. Kamoche K. The integration-differentiation puzzle: A resource-capability perspective in international human resource management. *The International Journal of Human Resource Management*, 1996, vol. 7, iss. 1, pp. 230–244. doi: 10.1080/09585199600000126.
3. Tarique I., Schuler R., Gong, Y. A Model of multinational enterprise subsidiary staffing composition. *The International Journal of Human Resource Management*, 2006, vol. 17, iss. 2, pp. 207–224. doi: 10.1080/09585190500404424.
4. Shchelokova S.V. Osobennosti realizatsii strategicheskogo upravleniya personalom v mezhdunarodnykh kompaniyakh [Strategic human resource management in international companies]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya «Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom»* [News of Higher Educational Institutions. A Series “Economy, Finance and Production Management”], 2015, no. 2 (24), pp. 132–137. (In Russian).
5. Burchakova M.A. Osobennosti mezhdunarodnogo upravleniya chelovecheskimi resursami v Kitae [International human resources management in China]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Ekonomika»* [RUDN Journal of Economics], 2005, no. 1, pp. 82–93. (In Russian).
6. Durakova I.B. *Upravlenie personalom v global'nom mire: monografiya* [Personnel management in a global world: Monograph]. Voronezh, Izd. dom VGU Publ., 2016. 134 p. (In Russian).
7. Stadnik A.M., Smirnov S.N. Sovershenstvovanie strategii upravleniya personalom mezhdunarodnoi kompanii [Upgraded personnel management strategy in an international company]. *Sovremennaya mirovaya ekonomika: vyzovy i real'nost'. Materialy I-i Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Donetsk, 21 noyabrya 2018 g.* [Modern World Economy: Challenges and Reality. Proceedings of I Republic Scientific Practical Conference. Donetsk, 21 November 2018], Donetsk, Izdatel'stvo: Donetskii natsional'nyi tekhnicheskii universitet Publ., 2018, pp. 94–99. (In Russian).
8. Tokareva N.A., Ogorodnikova Yu.G. Osobennosti upravleniya v organizatsiyakh s mnogonatsional'nym kollektivom [Management features in companies with multinational personnel]. *Obshchestvo, gosudarstvo, lichnost': Modernizatsiya sistemy vzaimootnoshenii v sovremennykh usloviyakh. XVI Mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov, magistrantov, aspirantov i prepodavatelei (s mezhdunarodnym uchastiem). Kazan', 22 aprelya 2016 g.* [Society, State, Personality: Modernization of a Connections System in Modern Context. XVI Inter-University Scientific Practical Conference of Students, Students of Masters' Degree Course, Postgraduates, and Lecturers (with international speakers). Kazan, 22 April 2016], Kazan, Universitet upravleniya "TISBI 2016" Publ., pp. 364–367. (In Russian).
9. Schuler R., Budhwar P.S., Florkowski G.W. International human resource management. *International Journal of Management Reviews*, 2002, vol. 4, no. 1, pp. 41–70.
10. Harvey M., Novicevic M.M. Selecting expatriates for increasingly complex global assignments. *Career Development International*, 2001, vol. 6, iss. 2, pp. 69–87. doi: 10.1108/13620430110383357.
11. Boiko E.A., Martakov D.A., Kobozeva E.M. Motivatsionnye aspekty upravleniya personala [Motivational aspects of personnel management]. *Novaya nauka: Teoreticheskii i prakticheskii vzglyad* [New Science: Theoretical and Practical View], 2016, no. 2-1 (63), pp. 95–98. (In Russian).
12. Manuilova Yu., Kolomyts O.N. Korporativnaya kul'tura kak stimuliruyushchii strategicheskii instrument dlya effektivnogo funktsionirovaniya organizatsii [In-house culture as a stimulating strategic tool for company's efficient performance]. *Novaya nauka: Ot idei k rezul'tatu* [New Science: From Idea to Result], 2016, no. 3-1 (72), pp. 143–146. (In Russian).
13. Ronen S. *Training the international assignee. Training and Career Development (1st ed.)*. San Francisco, Goldstein, 1989. 257 p.
14. Vasin S.M., Prokhorova Yu.E. Naim personala kak osnova effektivnosti deyatelnosti mnogonatsional'noi organizatsii [Personnel employment as the basis for efficient performance of a multinational company]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2017, no. 8-1 (85), pp. 196–199. (In Russian).
15. Yarmukhamed Z.A., Kositsyny T.V. Razrabotka programmy adaptatsii personala v sovremennoi mezhdunarodnoi kompanii [Development of new employee adaptation program in a modern international company]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya kak dvigatel' nauchnogo progressa* [Interdisciplinary Integration as a Scientific Progress Drive], 2020, pp. 261–268. (In Russian).

16. Smirnov V.V. Osobennosti sovershenstvovaniya sistemy adaptatsii personala na promyshlennom predpriyatii [Features of perfection of system of adaptation of the personnel at the industrial enterprise]. *Audit i finansovyi analiz* [Audit and Financial Analysis], 2009, no. 1, pp. 309–320. (In Russian).
17. Kuchkovskaya N.V. Adaptatsiya personala kak protsess vzaimodeistviya [Personnel adaptation as an interaction process]. *Forum. Seriya «Gumanitarnye ekonomicheskie nauki»* [Forum. Series: Humanities Economics], 2015, no. 1 (4), pp. 216–218. (In Russian).
18. Mekhdiiev Sh.Z., Chistyakov M.S. Kross-kul'turnost' upravleniya mnogonatsional'nym personalom v mezhdunarodnoi korporatsii [Cross-cultural management of multinational personnel in an international corporation]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of Altai Academy of Economy and Law], 2020, no. 9-1, pp. 88–99. (In Russian). doi: [10.17513/vaael.1307](https://doi.org/10.17513/vaael.1307).
19. Korabel'nikova L.Ch., Savchik M.K. Problema vliyaniya sotsiokul'turnoi adaptatsii inostrantsev na effektivnost' protsessa obucheniya [Impact of foreigners' social adaptation on learning efficiency]. *Yazyk. Obshchestvo. Meditsina* [Language. Society. Medicine], 2020, pp. 265–267. (In Russian).
20. Amosova O.K. Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrantsa kak forma vzaimodeistviya s novoi real'nost'yu [Social cultural adaptation of a foreigner as an interaction type with a new reality]. *Sotsiokul'turnaya sreda vuza i yazykovoie razvitie lichnosti inostrannogo studenta. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 07–09 noyabrya 2019 g.* [Social Cultural University Environment and Language Development of a Foreign Student's Personality. Proceedings from International Scientific Practical Conference. Moscow, 07–09 November 2019], Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni A.N. Kosygina (Tekhnologii. Dizain. Iskusstvo) Publ., 2019, pp. 56–57. (In Russian).
21. Bessonova M.A. Osobennosti adaptatsii mnogonatsional'nogo personala v kompanii [Features of adaptation of a multinational staff in the company]. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii* [Economics and Innovations Management], 2016, no. 11 (62), pp. 73–76. (In Russian).
22. Ushkin S.G. Prinimayushchee soobshchestvo i inostrannye migranty: regional'nye praktiki adaptatsii [Host community and foreign migrants: regional adaptation practices]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2019, no. 12 (132), pp. 191–201. (In Russian). doi: [10.22394/1726-1139-2019-12-191-201](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-12-191-201).
23. Kim Y.Y. Long-term cross-cultural adaptation. *Handbook of Intercultural Training*. Ed. by Landis B., etc. Thousand Oaks, USA, Sage, 2004, pp. 337–362.
24. Berry J.W., Annis R.C. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1974, vol. 5, no. 4, pp. 382–406. doi: [10.1177/002202217400500402](https://doi.org/10.1177/002202217400500402).
25. Moumita N., Zaman L. An analysis of global training and experience sharing in multinational companies. *American Journal of Business and Management*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 75–83. doi: [10.11634/216796061706274](https://doi.org/10.11634/216796061706274).
26. Vasin S.M., Prokhorova Yu.E. Osobennosti adaptatsii personala mnogonatsional'noi organizatsii [Features of adaptation of staff of a multinational corporation]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2017, vol. 11, no. 8, pp. 847–854. (In Russian). doi: [10.18334/ce.11.8.38223](https://doi.org/10.18334/ce.11.8.38223).
27. Melikhova I.A. Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deyatel'nosti v upravlenii personalom [Labour motivation and stimulation in personnel management]. *Ekonomika Rossii v XXI veke: sbornik nauchnykh trudov XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Ekonomicheskie nauki i prikladnye issledovaniya: fundamental'nye problemy modernizatsii ekonomiki Rossii", posvyashchennoi 110-letiyu ekonomicheskogo obrazovaniya v Tomskom politekhnicheskom universitete, g. Tomsk, 18–22 noyabrya 2014 g.: v 2 t.* [Economy of Russia in XXI century: Collection of scientific works of XI International Scientific Practical Conference “Economic Sciences and Applied Studies: Fundamental Problems of Russian Economy Modernization” devoted to 110th anniversary of economic education in Tomsk Polytechnic University, Tomsk, 18–22 November 2014: In 2 volumes], Tomsk, Izd-vo TPU Publ., 2014, vol. 2, pp. 234–238. (In Russian).
28. Gusev K.V. Analiz rynka truda megapolisa [Megalopolis's labour market analysis]. *Alleya nauki* [Alley of Science], 2018, vol. 1, no. 5 (21), pp. 902–904. (In Russian).
29. Babynina L.S., Talysheva Yu.N. Kompensatsionnyi paket: struktura i motivatsiya v krizisnykh usloviyakh [Compensation package: Structure and motivation during a crisis]. *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management], 2009, no. 1, pp. 53–57. (In Russian).
30. Prokhorova Yu.E. Osobennosti motivatsii i stimulirovaniya personala mnogonatsional'nogo predpriyatiya [Features of motivation and stimulation of staff of a multinational enterprise]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought], 2016, no. 6, pp. 222–229. (In Russian).

31. Rahim I.F.A., Wahab R.A., Munir Z.A. Reward and recognition with employee motivation: A study on a Malaysian private sector. *Advanced Science Letters*, 2017, no. 23 (8), pp. 7338–7341.
32. Mirkhaidarov M.A. Nematerial'naya motivatsiya – effektivnyi sposob motivatsii personala [Non-financial motivation is an efficient motivation tool for personnel]. *Akademicheskaya publitsistika* [Academic Publications], 2017, no. 10, pp. 99–107. (In Russian).
33. Fehrler S., Kosfeld M. Pro-social missions and worker motivation: An experimental study. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 2014, vol. 100, pp. 99–110.
34. Vasin S.M., Prokhorova Yu.E. Metodika otsenki protsessov upravleniya personalom mnogonatsional'noi organizatsii [Methods of evaluation of the personnel management processes of multinational organizations]. *TsITISE* [CITISE], 2018, no. 1 (14), pp. 2–11. (In Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey Mikhailovich Vasin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Science and Innovative Activities, Penza State University (40, Krasnaya st., Penza, 440026, Russia; e-mail: pspu-met@mail.ru).

Yulia Evgenyevna Prokhorova – Postgraduate, Penza State University (40, Krasnaya st., Penza, 440026, Russia; e-mail: Yliana105@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 20.03.2021, принята к печати 23.06.2021

Received March 20, 2021; accepted June 23, 2021

Научное издание

**Вестник Пермского университета.
СЕРИЯ «ЭКОНОМИКА»
= Perm University Herald. ECONOMY
2021. Том 16. № 2**

Редактор Е.И. Герман
Компьютерная верстка Т.Ю. Сулонова
Специалист-переводчик В.В. Барсукова
Секретарь О.Н. Беляева

Подписано в печать 08.07.2021. Формат 60x84 $\frac{1}{8}$.
Дата выхода в свет 13.07.2021
Усл. печ. л. 13,6. Тираж 500. Заказ 51/2021

Редакция научного журнала «Вестник Пермского университета. Серия «Экономика»
= Perm University Herald. ECONOMY»
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Экономический факультет.
Тел. (342) 233-19-69

Издательский центр Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ИП Серегина О.Н.
Адрес: 614107, г. Пермь, ул. Металлистов д. 21, кв. 174

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия «Экономика»
= Perm University Herald. ECONOMY» в каталогах «Пресса России» 41030

Распространяется бесплатно и по подписке

